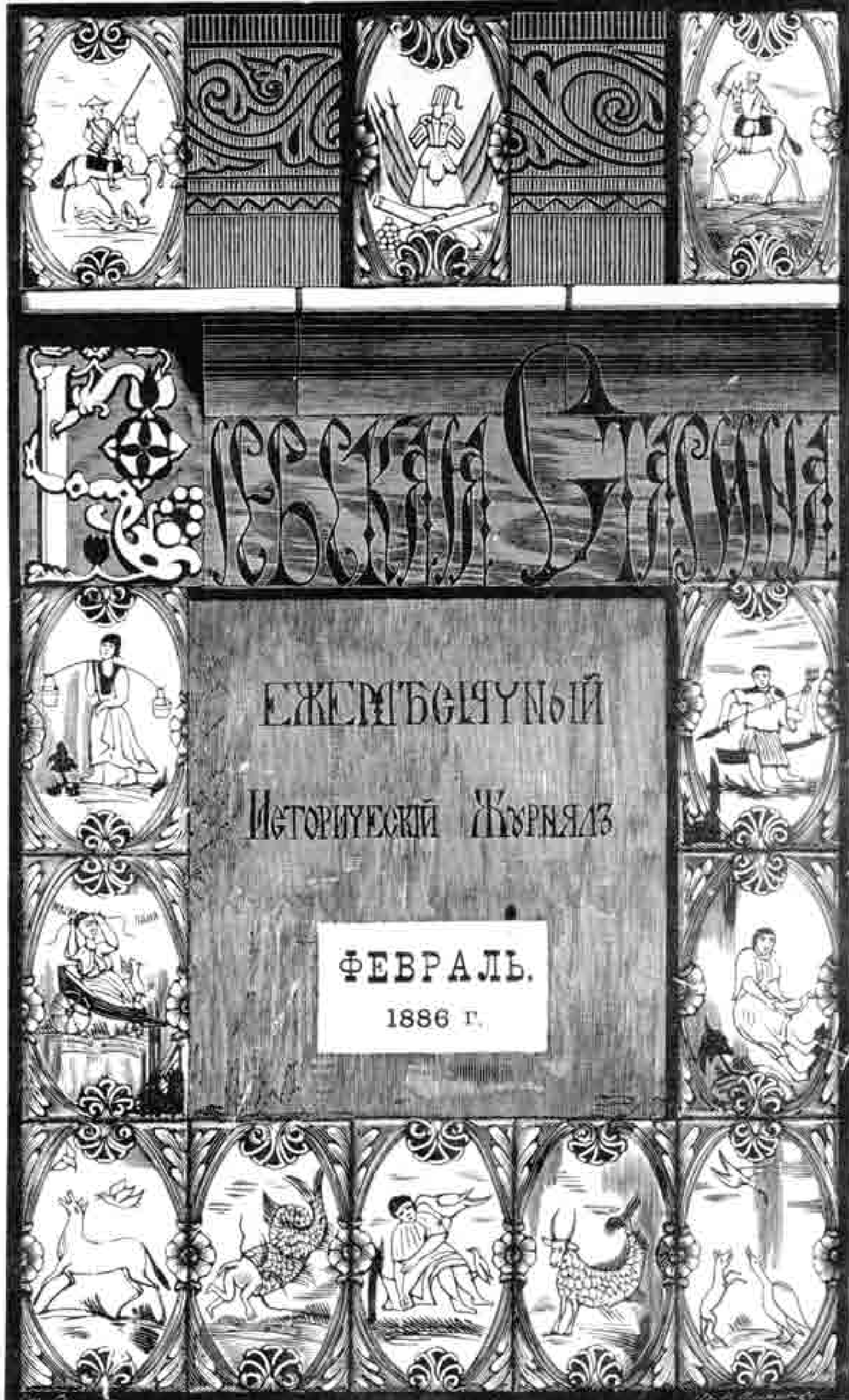

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XIV.

Февраль.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко аренд. Л. Штамфмъ Мало-Житом ул., д. 4

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1886 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го января 1886 года.

ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ

ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Вступленіе: Южная Русь и турецкіе народы. Наср-Эддинъ-Ходжа, шутъ Тамерлана; распространеніе анекдотовъ о немъ.

I. Промежь дождь. II. Подарокъ кстати. III. Сира кобыла. IV. Горячее кушанье. V. Воръ-философъ. VI. Кто перемолчитъ? VII. Умѣстная остановка. VIII. Идеальная ѣда. IX. Обѣты. X. Судьба и погода. XI. Говорящій мертвецъ. XII. Выздоровѣлъ, но умеръ. XIII. Посылка на тотъ свѣтъ. Мужики и паны въ аду. XIV. Конское яйцо. Примѣчаніе: Уплата звукомъ за запахъ. XV. Обманъ жида. Цыганъ и св. Юрій. XVI. Вѣра на масляницѣ и въ постъ. XVII. Приманка утопленнику. XVIII. Проповѣдь съ вопросами. XIX. Оселъ-муэдзинъ. XX. Литургическій вопросъ. XXI. Рай для бѣдняка, адъ для грѣшника.

Заключеніе: Относительное обиліе турецкихъ анекдотовъ на Украйнѣ. Необходимость изученія народной словесности крымскихъ татаръ.

Едва-ли не половина страницъ южно-русской исторіи наполнена такими или иными отношеніями къ народамъ турецкаго племени,—начиная отъ старинныхъ хазаръ, печенѣговъ, половцевъ, торковъ и т. п., до нынѣшнихъ константинопольскихъ турокъ. Наши предки, въ теченіе тысячелѣтія (если начать счетъ только со временъ появленія у насъ письменности), то воевали съ народами турецкаго племени, то дружили съ ними: женились, перемѣшивались въ колонизаціи, мѣнялись національностями и т. п. Вслѣдствіе этого и культурно-бытовое взаимодѣйствіе между нашимъ народомъ и тюрками должно было быть не малое. Но что мы знаемъ объ этомъ взаимодѣйствіи? Гдѣ не только уяснительныя работы объ этомъ взаимодѣйствіи, но даже приступы къ нимъ, собранія матеріаловъ, кромѣ нѣкоторыхъ соображеній о турецкихъ словахъ въ нашемъ языкѣ?

Предоставляя другимъ изслѣдованіе сказаннаго взаимодѣйствія въ языкѣ, одеждѣ, утвари, кухнѣ и т. под. проявленіяхъ быта, мы обратимъ вниманіе на народную словесность и въ ней въ частности на анекдоты болѣе или менѣе юмористическаго свойства.

Между этими анекдотами, которыми изобилуетъ украинская народная словесность, есть не мало такихъ, въ которыхъ почти всегда дѣйствуютъ иноплеменники, чаще всего цыганъ, иногда жидъ,—въ роляхъ, не всегда гармонирующихъ одна съ другой: то дураковъ, то очень тонкихъ и хитрыхъ людей. Иногда анекдоты эти не совсѣмъ ясны, какъ будто не додѣланы. Послѣднее обстоятельство есть почти всегда признакъ, что извѣстное произведеніе народной словесности возникло не въ мѣстной средѣ, а зашло со стороны и усвоено по наслышкѣ и не совсѣмъ отчетливо. И дѣйствительно, не малая часть вышеупомянутыхъ украинскихъ анекдотовъ оказывается заимствованными отъ турокъ, у которыхъ подобные анекдоты привязываются къ личности Наср-Эддина Ходжи, шута Тамерлана [1]). Нѣтъ надобности говорить, что *многіе изъ этихъ анекдотовъ древнѣе Тамерлана*, *а другіе новѣе*.

Кромѣ множества устныхъ разсказовъ, среди турокъ ходятъ рукописные, а въ новѣйшее время даже печатные сборники этихъ анекдотовъ. Уже Кантемиръ познакомилъ европейскій литературный міръ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ своей *Исторіи Османскаго Царства* (франц. перев. въ Парижѣ, 1743 г., т. I, стр. 164—168, нѣмец. въ Гамбургѣ въ 1745 г., стр. 76 и слѣд.), откуда часть ихъ перешла въ *Histoire de l'Empire ottoman de la Croix* и въ исторію придворныхъ шутовъ *(Geschichte der Hofnarren)* Флöгеля. Въ 1854 г. въ Смирнѣ вышла книжка анекдотовъ о Наср-Эддинѣ по турецки и по французски, въ изданіи *Nasif Mallouf*. Въ 1857 г. въ Тріестѣ явился нѣмецкій переводъ одного турецкаго сборника подобныхъ разсказовъ (Meister Nasr-Eddin's Schwänke und Räuber und Richter. Aus d. turk. Urtext überzetzt v. W. v. Camerloher und D-r W. Prelog. In Commission bei A. V. Geisla in Bremen). Этотъ сборникъ далъ основаніе

---

[1]) Такимъ онъ считается обыкновенно, и въ анекдотахъ часто называется имя Тамерлана († 1405 г.),—но другія преданія дѣлаютъ его шутомъ также Ала-Эддина († 1397 г.), какъ и Баязета I (побѣжденъ въ 1402 г. Тамерланомъ). Восточные источники указываютъ и могилу Наср-Эддина въ Ак-Шеирѣ (въ Караманіи, въ Малой Азіи),—древняя *Antiochia ad Pisidiam*.

для интересной статьи Р. Кöлера въ «Orient und Occident Т. Бенфея (I, 431—448. Добавка тамъ-же, 764—765). Но больше всего могутъ дать теперь европейцамъ понятіе о Наср-Эддинѣ два перевода г. Декурдеманша (Decourdemanche—*Les Plaisanteries de Nasr-Eddin Hodja;* Paris, Leroix 1876, 108 p. и *Sottisier des Nasr-Eddin Hodja,* bouffon, de Tamerlan, siivi d'autres faceties turques, traduits sur les manuscrits inédits. Bruxelles, Gay et Doucé, 1878 г., XII, 314). Эти-то два перевода послужили намъ главнымъ основаніемъ настоящей статьи.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, анекдоты, прицѣпившіеся къ личности Наср-Эддина Ходжи, имѣютъ различный характеръ. Въ качествѣ Ходжи (ученаго богослова и юриста), герой ихъ выступаетъ то важнымъ педантомъ, формалистомъ, то казуистомъ и насмѣшникомъ надъ самими, близко ему вѣдомыми, священными предметами, и при этомъ онъ является то ловкимъ и хитрымъ плутомъ, то тяжелымъ на соображеніе тупицею, который попадаетъ въ просакъ въ своихъ опытахъ умничать. Преданіе не останавливается на этомъ и дѣлаетъ иногда изъ тяжеловѣснаго педанта—дурака, то наивнаго, что называется, набитаго, то за тѣмъ злого, но иногда совсѣмъ не глупаго проказника, подъ маской дурака. Благодаря такому множеству разсказовъ, какъ мѣстнаго національнаго происхожденія, такъ и заимствованныхъ отъ народовъ болѣе старой культуры (евреевъ и индійцевъ), малоазійскій Ходжа сталъ популярнѣйшей фигурой во всей турецкой Азіи, Африкѣ и Европѣ, и затѣмъ анекдоты о немъ стали переходить и къ народамъ, которые близко соприкасаются съ турками: къ армянамъ, грузинамъ, болгарамъ (у которыхъ Наср-Эддинъ часто является подъ именемъ Хитраго Петра), къ сербамъ и румынамъ [1]).

---

[1]) Бебуръ Б*. Грузинскія народныя сказки. Спб. 1884. 17; Syrku, Ein, Beitrag zur bulgarischen Märchenliteratur, Archiv für die Slavische Philologie, VI, 130—133; D-r M. Gaster, Literatura populara romana Bucuresci, 1883, 164—169, 171. Сербскіе сборники В. Врчевича мы будемъ имѣть случай цитировать далѣе не разъ. Далматинская книжка Nasradin k staroj matici povraćen i Nasradinić (U Zadru. 1877, 3 izd.) мало имѣетъ общаго съ турецкимъ Насредипомъ. Это вовѣйшій сводъ сказокъ о дуракѣ, перемѣшанныхъ съ выдержками изъ стиха о Маркольфѣ-Морольфѣ, который впрочемъ самъ въ своихъ нѣмецкихъ редакціяхъ принялъ на себя нѣсколько чертъ Наср-Эддина.

Но кромѣ этихъ народовъ разсказы о Наср-Эддинѣ, хотя конечно и безъ имени его, давно уже перешли и въ страны болѣе отдаленныя отъ Турціи, напр. не только въ Италію, гдѣ, если даже не считать нѣсколько новеллъ Боккачіо (VI день, 4-я нов., III д. 10 нов.), уже въ XV в. не мало этихъ разсказовъ принято было въ знаменитый сборникъ *фацецій* Поджжіо (Poggio Bracciolоni), но и въ Германіи, гдѣ нѣкоторыя шутки турецкаго Ходжи приписываются его болѣе грубому подобію Уленшпигелю (Ulenspiegel, или Eulenspiegel), а также нѣкоторымъ мѣстнымъ придворнымъ шутамъ [1]).

Весьма большое количество анекдотовъ о Наср-Эддинѣ находимъ мы и въ украинскихъ устныхъ разсказахъ, и этимъ анекдотамъ мы посвящаемъ настоящую статью, которая, по самому существу своему, должна явиться нѣсколько отрывочною, а въ тоже время вовсе безъ претензій исчерпать матеріалъ.

Начнемъ съ отголосковъ анекдотовъ о приключеніяхъ Наср-Эддина при дворѣ Тамерлана.

I.

«Разъ Ходжа идетъ къ Бею. Этотъ отправляется на охоту и взялъ съ собою Ходжу, но велѣлъ посадить его на клячу. Начался ливень: каждый поскакалъ галопомъ на своей лошади. Ходжа хотѣлъ сдѣлать тоже, но конь его не пошелъ, и онъ остался на мѣстѣ. Не медля дольше, онъ раздѣвается, прячетъ платье подъ животъ коня и остается верхомъ. Когда дождь кончился, онъ одѣвается и пріѣзжаетъ къ Бею.—Это сильный конь, говоритъ Ходжа, онъ бѣжалъ такъ скоро, что я не имѣлъ времени измокнуть [2]).—По этому показанію Бей велитъ помѣстить коня на первомъ мѣстѣ въ своей конюшнѣ. Другой разъ отправляясь на охоту, Бей беретъ этого

---

[1]) Исторія съ позволеніемъ бить мухъ всюду, которымъ шутъ пользуется, чтобъ ударить по головѣ самаго судью (Sottisier, CCXXII), попала и въ русскіе анекдоты о Балакиревѣ, шутѣ Петра Великаго. Ближе къ турецкому итальянскіе варіанты (см. G. Pitrè, Fiabe, novelle e raconti popolari siciliani. Palermo, 1875 III, 356, 371—372). Этотъ анекдотъ можетъ быть возведенъ къ индійскому разсказу (Benfey, Pantschatantra, I, 292; II, 154, 539), отъ параллельнаго которому пошла въ послѣднемъ счетѣ и Крыловская басня „Пустынникъ и Медвѣдь“.

[2]) Вар. Sottisier:—Я доскакалъ до одной деревни, и пересидѣлъ. LXV, 56—57.

знаменитаго скакуна и даетъ другого Ходжѣ. Вновь случился дождь; всякій побѣжалъ укрыться, а Бей, оставшись на мѣстѣ, измокъ страшно. Разсерженный отвѣтомъ, прежде даннымъ Ходжею, онъ зоветъ его на другой день.

— Что это? ты считаешь себя за равнаго мнѣ, что лгалъ, когда ты вымокъ?

— Чего ты сердишься? развѣ ты не знаешь обычаевъ? Если-бы ты раздѣлся, какъ я, и оставался на конѣ, ты также-бы пріѣхалъ въ сухомъ платьѣ»[1]) (Plais LXXII, 63—64).

Въ Галичинѣ разсказываютъ этотъ анекдотъ о цыганѣ, только нѣсколько отрывочно, такъ, что онъ можетъ быть вполнѣ ясенъ только при сравненіи съ турецкимъ.

«То якъ вдаривъ дошчъ, то цыганъ здоймивъ зъ себе сорочку й штаны, звывъ туго въ клубокъ и сивъ на тимъ и прочекавъ, ажъ ставъ дошчъ (такимъ чиномъ одижъ его була сухисинька). Тогди цыганъ зновъ убрався и йде дали. Але здыбае его мужикъ. — Що ты, каже, цыгане, сухисинькій, аже то льявъ власне дошчъ? — Э, повидае цыганъ; дошчъ соби йшовъ, а я все помежи дошчъ, помежи дошчъ, тай не замочивемся» (Сообщилъ М. П—къ изъ Коссова)[2]).

II.

Одно время Наср-Эддинъ долго не ходилъ къ Бею.

Однажды Ходжа кладетъ три сливы на большое деревяное блюдо и несетъ въ подарокъ Бею. По дорогѣ сливы бѣгали одна

---

[1]) Вар.—Чего ты сердишься? Надо было подложить платье подъ себя..., а потомъ одѣть.

[2]) Замѣтимъ, что въ румынскихъ разсказахъ цыганъ очень часто играетъ роль остроумца, соотвѣтствующаго турецкому Наср-Эддину, или нѣмецкому Уленшпигелю (M. Gaster, Literatura populara romana, 169). Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться, при составленіи этой статьи, ни сборникомъ румынскихъ юмористическихъ исторій (Ispirescu, Snove său Povesti populare. Buc. 1879), въ которыхъ часто выводится цыганъ, ни разсказами самихъ цыганъ, собранными въ Румыніи (Costinescu, Probe de limba si literatura Tsiganilor din Romania. B. 1878). Добыть румынскую книжку дѣло не такъ простое, какъ можетъ показаться съ перваго разу. Быть можетъ, другіе будутъ счастливѣе; мы же замѣтимъ, что, въ виду соприкосновенія украинцевъ и румыновъ, народная словесность послѣднихъ должна-бы обратить на себя бо́льшее вниманіе нашихъ этнографовъ.

за другою.—Не играйтесь такъ, кричитъ Ходжа, или я васъ поѣмъ! —Затѣмъ Ходжа съѣлъ двѣ сливы, несетъ одну Бею и даетъ ему. Тотъ очень доволенъ подарку и даетъ Ходжѣ горсть астровъ (мелкая монета). Немного спустя, Ходжа беретъ бураковъ, чтобъ поднести опять подарокъ Бею. По дорогѣ кто-то спрашиваетъ его: кому ты это несешь?—Бею.—Если-бы ты поднесъ ему фигъ, это было-бы ему, конечно, пріятнѣе.

Ходжа возвращается домой, беретъ фиги и несстъ Бею.

Этотъ былъ очень занятъ и бросилъ фиги на голову Ходжѣ.

Послѣдній всякій разъ благодарилъ, когда фига ему попадала на лицо.

Зачѣмъ-же благодаришь меня такъ? сказалъ Бей.—Я хотѣлъ тебѣ принесть бураки; а по дорогѣ человѣкъ далъ мнѣ добрый совѣтъ, за который я благодарю Бога, ибо если-бъ я исполнилъ свое первое намѣреніе, то у меня-бы теперь голова была раскроена (Plais. LXXI, 62—63) [1].

Г. Л—ій изъ радомысльскаго уѣзда, кіевской губерніи, сообщилъ намъ, что онъ слыхалъ тамъ разсказъ такого рода: у одного мужика уродили очень рано огурцы. Мужикъ положилъ нѣсколько огурцовъ на тарелку и понесъ пану. Панъ далъ ему денегъ. Чрезъ нѣсколько времени, когда уже огурцы были не рѣдкость, другой мужикъ думаетъ заработать большую сумму, отвезши пану возъ огурцовъ, а жена совѣтуетъ ему взять еще и нѣсколько гарбузовъ, но мужикъ не послушался. Разсерженный навязчивою несообразительностью мужика, панъ велитъ выгнать его за дворъ, обкидывая его собственными огурцами.—Ну, спасибо Богу, что я не послушался жены и не взялъ гарбузовъ, а то и головы цѣлой не принесъ-бы домой,—говоритъ мужикъ.

---

[1]) Въ Sottisier (LXI) другой варіантъ: въ немъ первый подарокъ пропущенъ, а дѣло начинается съ того, чво Ходжа хочетъ поднести Бею айву, но кто-то совѣтуетъ взять фиги, которыя еще были не зрѣлы. Бей пробуетъ ихъ,— и сердится. У Кантемира Насръ-Эддинъ долженъ былъ поднести Тамерлану фрукты, какъ депутатъ одного города. Онъ хотѣлъ нести айву, но жена посовѣтовала фиги (Or. uud Occident. I, 448). Это, какъ увидимъ, не самая старая редакція, но осмысленная политическимъ мотивомъ; жена является здѣсь предусмотрительнѣе мужа, въ противность редакціямъ еврейской и украинской.

Основа этого анекдота гораздо старѣе эпохи Тамерлана. Если даже не считать анекдота о Тиберіи на о. Капри и рыбакѣ, разсказаннаго у Светонія, какъ извѣстно, писателя II в. по Р. Хр. [1]), то древнѣйшею записанною формою этого анекдота слѣдуетъ признать расказъ въ Талмудѣ объ императорѣ Гадріанѣ. Мы приведемъ его здѣсь вполнѣ, такъ какъ сравненіе его съ другими, позднѣйшими, какъ турецкими, такъ и европейскими, можетъ навести на любопытныя соображенія о процессѣ распространенія и дифференцированія народныхъ разсказовъ.

«Проходилъ Гадріанъ съ своими воинственными легіонами около полей Тиберіадскихъ и бросая взглядъ по сторонамъ, увидѣлъ старика, погруженнаго въ работу около молоденькаго фиговаго деревца.

— Бѣдняжка, сказалъ онъ,—когда бъ ты былъ молодъ, ты бъ трудился, чтобъ имѣть что нибудь подъ старость, а теперь когда ты сможешь вкусить плода отъ твоей работы?

— Государь, отвѣчалъ старикъ, я работалъ молодымъ, работаю также и старикомъ; а Божья воля да будетъ надо мною.

— Но сколько тебѣ лѣтъ?

— Сто лѣтъ, государь.

— Сто лѣтъ! И у тебя достаетъ духу мучиться надъ этой новой посадкой, какъ будто ты еще можешь вкусить ея плодовъ?!

— Если Богъ будетъ ко мнѣ милостивъ, я самъ попробую ихъ; а во всякомъ случаѣ, что бы ни случилось,—*отцы мои работали для меня и я работаю для сыновъ моихъ.*

— Право, если ты доживешь до этой пробы, ты меня извѣсти о томъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ; старикъ все живъ, а деревцо дало фиги. Добрый человѣкъ подумалъ себѣ: теперь пора извѣстить императора. Беретъ онъ корзину, наполняетъ фигами и идетъ къ цар-

---

[1]) Vitae XII Caesarum. Tiberius, LX: „Черезъ нѣсколько дней послѣ его прибытія на Капрею, когда одинъ рыбакъ поднесъ, въ минуту уединенія, большую рыбу (mullum), Тиберій велѣлъ натереть рыбаку лицо этой же рыбой,—перепугавшись, что человѣкъ могъ добраться до него по скаламъ и обрывамъ. А когда наказываемый рыбакъ поздравлялъ себя съ тѣмъ, что онъ не взялъ съ собою и большого морского рака (locustam), котораго онъ тоже поймалъ, Тиберій велѣлъ ободрать ему лицо и ракомъ“.

скому дворцу. Привели его къ императору, который спрашиваетъ его, кто онъ такой и чего хочетъ?

— Я старикъ, котораго ты встрѣтилъ давича, когда я работалъ надъ молодымъ фиговымъ деревцемъ. Ты приказалъ мнѣ извѣстить тебя, если мнѣ доведется ѣсть плоды его. Я ѣлъ ихъ,—и вотъ еще полная корзинка.

Адріанъ сказалъ: подайте этому старику почетное кресло!

Потомъ еще сказалъ: возьмите его корзину и наполните деньгами.

Удивленные придворные говорили: государь! такія почести для стараго еврея!

И отвѣтилъ Адріанъ: Не я ему дѣлаю честь, онъ самъ себѣ ее сдѣлалъ.

Сосѣдка этого бѣднаго старика была женщина завистливая. Когда она провѣдала объ этомъ случаѣ, то не обдумавъ его хорошенько, сказала мужу: ты чтожъ стоишь? Слышалъ ты объ этомъ старикашкѣ? Корзинку червонцевъ получилъ за корзинку фигъ! Скорѣй,—собирай фиги и неси и ты къ императору!

Глупый мужъ слушается жены и является ко двору.

— Я слышалъ, что императоръ очень любитъ фиги,—вотъ корзинка хорошихъ!

Придворные расхохотались,—а царь приказалъ вытолкать его за дверь и кинуть ему одну фигу за другою въ лицо. Несчастный приходитъ домой весь выпачканный и побитый и говоритъ женѣ:

— Ну, славный же ты мнѣ совѣтъ дала, славную мнѣ почесть тамъ отдали! Все черезъ тебя!

— Дурень, отвѣчала жена съ презрѣніемъ, ты долженъ считать себя счастливымъ! Еслибъ фиги не были совсѣмъ зрѣлы или еслибъ ты понесъ гранаты, тебѣ-бъ досталось еще больше!

И стали они драться между собою» [1]).

Нечего распространяться о томъ, на сколько еврейскій варіантъ выше по редакціи турецкаго и тѣмъ болѣе украинскаго [2]).

---

[1]) G. Levi, Parabole, leggende e pensieri raccolti dai libri talmudici, dei prime cinque secoli dell'e. v. Firenze, 1861, 213—215; изъ Medras Rabá.

[2]) Читатели, конечно, замѣтили родство между первой половиной вышеприведеннаго талмудическаго разсказа и басней Ла-Фонтена *Le vieillard et les trois jeunes Hommes*, существующей и въ новѣйшихъ русскихъ передѣлкахъ

Р. Кёллеръ приводитъ сокращеніе другаго варіанта изъ книги Sagen der Hebräer (Aus dem englischen des Heiman Horwitz, Leipz. 1826, 69), въ которомъ философское утѣшеніе говоритъ самъ пострадавшій еврей, утѣшающій себя тѣмъ, что взялъ фиги, а не персики. Это ближе къ турецкому и украинскому.

Изъ сопоставленія этихъ двухъ еврейскихъ варіантовъ съ турецкими и украинскими ясно видна ихъ общая родословная связь, а также и то, что анекдотъ этотъ уже давно ходилъ по Востоку, по крайней мѣрѣ по передней Азіи. Отсюда распространились его отголоски и въ Европу и, конечно, постепенно отдалились отъ своего оригинала. Украинскій варіантъ впрочемъ довольно близокъ къ турецкому, конечно, съ перемѣною фруктовъ, по мѣстнымъ условіямъ. По мотиву своему, впрочемъ, съ разницею фруктовъ, украинскій разсказъ похожъ на старинный итальянскій, помѣщенный въ сборникѣ XIII в., извѣстномъ подъ именемъ *Novellino* или *Cento novelle antiche*, гдѣ онъ находится подъ № LXXIII, или подъ № LXIV *(Qui conta una novella d'uno fedele e d'uno signore)*. Здѣсь тоже представлены мужикъ (fedele - vassalo), — впрочемъ одинъ, а не два, и фиги раннія и позднія; нѣтъ только жены,—и кромѣ того исторія кончается добродушнѣе; услышавъ философское замѣчаніе неудачника—вассала, синьоръ даетъ ему новое платье [1]).

(Старикъ и трое молодыхъ). Ла-Фонтенъ заимствовалъ сюжетъ своей басни у итальянца Астеміо (Abstemius), котораго своды басенъ вышли въ первый разъ въ 1495 и 1499 г. Нечего распространяться о томъ, на сколько талмудическій оригиналъ превосходитъ свои европейскіе отголоски. Мы укажемъ только на характерную передачу въ первомъ еврейской религіозной идеи — о трудѣ *для рода,* а не для индивидуума, идеи, передъ которой басня заставляетъ преклониться и высокопоставленнаго иноплеменника. Эта идея почти исчезла у европейскихъ баснописцевъ, замѣнившись не очень удачно выраженною идеей о суетности молодой дерзости. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобъ напомнить почти общее правило превосходства старѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ восточныхъ редакцій басенъ и сказокъ надъ позднѣйшими ихъ европейскими отголосками. Любопытно, что и мораль этихъ послѣднихъ часто бываетъ гораздо болѣе *консервативна,* чѣмъ мораль восточныхъ.

[1]) Подобный-же анекдотъ, по показанію С. Марино, и теперь разсказывается въ Сициліи (D'Ancona. Le fonti del Novellino. Romania. 1874, 180). Другой варіантъ у новеллиста XIV в. Саккетти (de Novelle, CLII) о подаркѣ ученаго осла и проч. очень удалился отъ первоначальной темы. Эта тема есть и въ fableaux (Dunlop-Liebrecht, Geschichte der Prosa-Dichtungen, Berlin, 1861, 257).

Варіанты великорусскіе очень далеки отъ вышеприведенныхъ: одинъ, записанный еще Коллинсомъ, англійскимъ медикомъ, бывшимъ на службѣ въ Московіи въ XVII в., привязался къ личности Ивана Грознаго:

«Когда Иванъ уѣхалъ осматривать свое государство, многіе простолюдины и дворяне подносили ему дары. Одинъ честный лапотникъ, который плелъ лапотки и продавалъ по копѣйкѣ пару, не зналъ, что поднести царю, и просилъ у жены совѣта. «Поднеси пару хорошихъ лапотокъ», сказала она. «Это не рѣдкость!» отвѣчалъ онъ, «а есть у насъ въ саду огромная рѣпа. Мы поднесемъ ему эту рѣпу, а вмѣстѣ и пару лаптей.» Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Императоръ очень милостиво принялъ подарокъ и, износивъ самъ одну пару лаптей, заставилъ всѣхъ дворянъ покупать у крестьянина лапти по пяти шиллинговъ пару. Это составило крестьянину состояніе, онъ началъ торговать и скоро такъ разбогатѣлъ, что оставилъ послѣ себя значительное имѣніе. Потомки его получили дворянское достоинство и называются теперь Лапотскими. Есть одно дерево, подлѣ котораго стоялъ прежде домъ его и на которое проходящіе бросаютъ свои старые лапти, въ память этого лапотника; это обыкновеніе до сихъ поръ еще ведется.—Одинъ дворянинъ, видя, что такая награда получена была за лапоть, хотѣлъ также получить награду, и еще значительнѣе, за хорошаго коня. Но царь, угадавъ его намѣреніе, подарилъ ему въ замѣнъ ту большую рѣпу, которую получилъ прежде, и такимъ образомъ заставилъ всѣхъ надъ нимъ смѣяться» [1]).

Другой помѣщенъ у Аѳанасьева. Здѣсь баринъ покупаетъ на базарѣ канарейку за 500 рублей, а жена мужика, видѣвшаго это, посылаетъ мужа къ барину продавать гуся за 100 рублей; баринъ прибиваетъ мужика и отнимаетъ гуся даромъ; впослѣдствіи мужикъ жестоко отомстилъ барину [2]).

---

1) Веселовскій, Сказки объ Иванѣ Грозномъ, Древняя и Новая Россія, 1876 г., № 4, стр. 313—314.

2) Аѳанасьевъ, Русск. нар. сказки, 2-е изд., М. 1873 г., III, стр. 522—524. Въ статьѣ г. Веселовскаго смѣшанъ этотъ разсказъ съ другимъ, который есть тоже у Наср-Эддина, въ итальянскихъ новеллахъ и въ великорусскихъ сказкахъ. Мы коснемся его, такъ какъ въ турецкомъ варіантѣ его идетъ дѣло объ огурцахъ. Этотъ варіантъ разсказанъ у Кантеміра: Наср-Эддинъ везетъ Бею возъ

Читатель, надѣемся, не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ здѣсь еще одинъ итальянскій варіантъ, устный, который слышалъ въ дѣтствѣ въ тоскомской *Мареммѣ* новѣйшій издатель «Le cento novelle antiche,» г. Каппеллетти:

При папѣ Бенедиктѣ XIV (1740—1758) четверо помѣщиковъ изъ городка *Capoliveri*, на островѣ Эльбѣ, были по дѣламъ въ г. Луккѣ. Зашедши въ церковь, они услышали, что дьяконъ возглашаетъ евангеліе отъ Луки: *Sequentia sancti Evangelii secundum Luccam*, и поняли, что въ Луккѣ читается евангеліе приспособленное для Лукки *(secundum Luccam)*. Возвратившись домой, они потребовали, чтобъ и имъ читали евангеліе *secundum Capoliverim*, а когда ихъ священникъ не согласился, рѣшились отправиться къ папѣ просить и своему городу привилегіи, данной Луккѣ. Передъ отъѣздомъ разсуждали о томъ, какой мѣстный продуктъ взять съ собою на подарокъ папѣ. Одни предлагали фиги, другіе—шишки пины (видъ сосны, пихты, съ съѣдобными зернами). Взяли фиги,—и потомъ благодарили Бога, что не взяли шишекъ [1]).

Варіантъ этотъ, кромѣ общаго интереса, какъ примѣръ того, какъ старыя странствующія повѣсти привязываются даже къ новымъ лицамъ, для насъ интересенъ еще и потому, что начало его чрезвычайно похоже на украинскій анекдотъ, напечатанный, въ двухъ варіантахъ, въ книгѣ «Малор. нар. преданія и разсказы» г. Драгоманова: «Справили *руськи* обществомъ вангелю та пійшли въ церкву; отъ пипъ и чита: «отъ Матвія святаго евангелія чтеніе.»—Што ты, батька, отъ Матвея-то читаешь?! Ты читай отъ обчества» [2]). Въ

огурцовъ, но привратникъ соглашается пропустить его не иначе, какъ выговоривъ себѣ половину того, что Ходжа получитъ отъ бея. Бей велитъ дать Ходжѣ 500 палокъ и проч. Подобное въ англійскомъ стихотвореніи XIV в. (Dunlop, Geschichte der Prosa-Dichtungen, 257), у Саккетти (нов. CXCV) и другихъ итальянскихъ разсказахъ, а также во Франціи и Германіи (см. у Imbriani, La Novellaja Fiorentina, Livorno, 1877, 581—586), въ сербскомъ народномъ разсказѣ (Krauss, Sagen und Märchen der Südslaven, L. 1883, I, 246), а также въ великорусскихъ (у Аѳанасьева, III, 489—490 и IV, 542—544, 544—545). На Украйнѣ подобный разсказъ не замѣченъ. Еще одинъ великорусскій разсказъ, очень не благовонный (Κρυπτάδια, recueil de documents pour servir à l'étude des traditions populaires. Heilbronn, 1883, I, № XXI) можетъ быть отнесенъ къ родственникамъ разобраннаго выше въ текстѣ.

[1]) L. Cappelletti. Le Cento novelle antiche. Firenze, 1884, 13—14.

[2]) Op. cit., 195.

данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, конечно, скорѣе съ совпаденіемъ, чѣмъ съ переходомъ разсказа.

III.

Во многихъ украинскихъ разсказахъ турецкія темы передѣланы гораздо больше, чѣмъ въ двухъ предъидущихъ случаяхъ, но однакожъ не на столько, чтобъ, при сравненіи, нельзя было узнать ихъ первообраза. Вотъ напр. разсказъ, въ которомъ легко узнать основу изданнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ украинскаго разсказа «*Сïра кобыла.*»

«Однажды Ходжа отправился рубить дрова въ горы, въ мѣстѣ очень обрывистомъ. Онъ намѣтилъ дерево и сказалъ про себя:

— Еслибъ я могъ срубить это дерево, мнѣ-бы не нужно было рубить другихъ. — Онъ начинаетъ тотчасъ рубить дерево, къ которому привязалъ своего осла, и спускаетъ его прямо (съ обрыва). Оселъ падаетъ и разбивается на куски. Когда Ходжа увидѣлъ это, онъ печалится, возвращается въ село и приходитъ домой. Хозяйка не видитъ осла.—Что съ нимъ сталось?—Увы, жена моя, говоритъ Ходжа, я видѣлъ, какъ онъ прямо шелъ къ своей звѣздѣ, а потомъ, что съ нимъ сталось, не видѣлъ уже.» (Settisier, CI. 102-103).

Замѣтимъ, что тутъ Наср-Эддинъ является не такъ уже несообразно глупымъ, какъ мужикъ украинской повѣсти, и что исторія Наср-Эддина разыгривается въ сторонѣ горной, гдѣ ословъ вьючатъ, а не на равнинѣ, гдѣ, какъ у насъ, тяжести возятъ на возахъ.

Разсказъ «Сïра кобыла» есть уже литературная переработка народнаго анекдота, который, къ сожалѣнію, не записанъ точно,— но у Аѳанасьева есть родственный ему анекдотъ, который еще ближе къ турецкому, хотя по этому именно еще болѣе не соотвѣтствуетъ мѣстнымъ географическимъ и бытовымъ условіямъ и не совсѣмъ даже ясенъ безъ сравненія съ турецкимъ.

«Накинувъ Грицко коня арканомъ, да й тягне на гору, а кинь тягне пидъ гору; арканъ хоть и дуже крипкый бувъ, да порвавсь, а кинь сторчъ головою покотивсь. Баче Грицько, шо кинь перевертнемъ чеше, да й каже: «оце бисова скотина яка сильна! Бачъ,

новый арканъ, якъ перегоривъ!—А Микита й пыта въ Грицька: яка жъ скотина? чи та, що перевернулась, чи та, що стоить?» [1])

IV.

Также слегка измѣненъ сюжетъ и въ слѣдующихъ двухъ примѣрахъ, которые находимъ въ «Малорусскихъ сказкахъ» Чубинскаго.

Первый озаглавленъ «*Батько и сынъ*» и разсказываетъ такое:

Батько и сынъ сѝли обидати. Поставили на стилъ миску зъ борщемъ, а борщъ гарячій—гарячій, саломъ затовченый. Отъ сынъ ухопивъ у ротъ ложкою борщу, та такъ опикся, що ажъ слёзы зъ очей закапали. Батько глянувъ та й пытае ёго:—«Чого се ты, сыну, плачешъ?»—Того, тату, що я у васъ одинъ!—«Що жъ робить, сыночку?»—Ухопивъ и батько бо̀рщу, кинувъ ложку та й каже. «А, бодай же ты, сыну, пропавъ, хоть ты й одинъ у мене!» (Труды Экспедиціи нъ Юго-зап. край, II, 559).

О Наср-Эддинѣ этотъ анекдотъ разсказываетъ такъ:

«Жена Ходжи хотѣла устроить ему штуку съ (горячимъ) супомъ. Она поставила передъ нимъ супъ, но случайно сама забыла, что онъ еще былъ очень горячъ, взяла ложку и такъ обожгла глотку, что слезы показались у нея на глазахъ.

— Что съ тобой, спросилъ Ходжа, супъ еще слишкомъ горячъ?
— Нѣтъ, господинъ; мой покойный отецъ очень любилъ супъ; я вспомнила и заплакала.

Ходжа вѣритъ ей, глотаетъ ложку супу, обжигаетъ глотку и начинаетъ плакать.

— Что съ тобою? спрашиваетъ жена.

— Я плачу о томъ, что твоя проклятая мать, умирая, не взяла тебя съ собою» (Plais. CXV).

---

[1]) Аѳанасьевъ, Русск. нар. сказки, 2-е изд. III, 507. Надо замѣтить, что анекдотъ этотъ записанъ плохо и, очевидно, не украинцемъ. Мы поправили его ошибки въ языкѣ. Больше толку въ западно-сербскихъ разсказахъ, которые по основѣ очень напоминаетъ нашу Сѝру Кобылу (Narodne satirično-zanimljive podrugačice. Skupio ih po Boki Kotorskoj, Crnojgori, Dalmaciji, a najviše po Hercegovini. Vuk vitez Vrčević. U Dubrovniku. 1883, 13—14, 120—121. *Vezao bukvu za magarca* и *Seljak, drva i magara*).

Нельзя не замѣтить, что въ турецкомъ разсказѣ не только больше юмору, но и больше резонности въ мотивѣ исторіи [1]).

V.

Другой примѣръ названъ «*Про злодія*».

«Забравсь у комору злодій, таки изъ нашихъ, изъ украинцивъ, та й потягъ мишокъ сала. А хазяинъ дочувся, що хтось пораеться у комори, та туды; тамъ ёго и накрывъ. Отъ и пыта хазяинъ у злодія: Чого ты сюды züлизъ?—Заблудывъ.—А сало-жъ на вищо взявъ?—Ну, ты жъ кажи!—Але не понявъ ёму хазяинъ виры». (тамъ-же, стр. 666—667).

Разсказъ о Наср-Эддинѣ слѣдующій:

«Разъ Ходжа, какъ разсказываютъ, входитъ въ садъ (чужой), вырываетъ нѣсколько морковокъ и рѣпъ и кладетъ себѣ въ мѣшокъ. Садовникъ ловитъ его на этомъ и кричитъ.

— Эй, человѣче, ты что тамъ дѣлаешь?

— Я спалъ, какъ вдругъ подулъ страшный вѣтеръ, и.... прибавилъ Ходжа... понимаешь ты, что онъ схватилъ меня и бросилъ сюда!

— А кто вырвалъ и вытаскалъ все это? спросилъ садовникъ.

— Другъ мой, отвѣчаетъ Ходжа, развѣ ты не видишь, что вѣтеръ, который, какъ я тебѣ сказалъ, принесъ меня, и надѣлалъ весь этотъ изъянъ.

— Ну, а кто это положилъ въ мѣшокъ? продолжаетъ приставать садовникъ.

— Вотъ именно объ этомъ я и думалъ, когда ты пришелъ сюда!— отвѣтилъ Ходжа» (Sottissier, XXXVIII. Plaisanteries, VII).

Не смотря на прелестное: *ну, ты жъ-кажи!* мы опять должны отдать предпочтеніе турецкому оригиналу.

VI.

Слѣдующій разсказъ, помѣщенный въ «Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ» г. Драгоманова (стр. 174), уже дальше отъ своего первообраза.

---

1) Въ западно-сербскомъ разсказѣ сходный случай происходитъ между братьями, какъ месть младшаго брата старшему за то, что тотъ не купилъ ему новаго феса къ празднику (Narodne humoristične gatalice i varalice. Skupio ih po Boki Kotarskoj, Crnojgori, Dalmaciji, a najviše po Hercegovini Vuk vitez Vrčević. U Dubrovniku, 1883. 69—70. *Opekao brata na Božić*.

«Роздобувъ десь кравець рыбы, принисъ до дому, хотивъ зажарить, такъ нема сковороды. Роздобули сковороду; поили рыбу тай заспорили, кому нести сковороду. Спорили, спорили, жинка и каже: «хай той несе, хто попереду забалака.» Отъ вона пряде та дри-ри-ри-та! Авинъ и соби: три-рю-рю-та-та! такъ ажъ до самого вечера. А мимо та ѝхавъ панъ, тай збився зъ дороги. «Пиди, каже лакеёви, роспытай.» Приходе лакей, якъ не пытавъ, вони въ одно триндикають. «Ничого, каже, не допытаешся.»—«А пойду отъ я самъ».—Війшовъ въ хату, а вони триндикають. Винъ до жинки, давай тамъ биля неи моститься; вона все: дри-ри-ри-та, а кравець соби: три-рю-рю-та-та. Отъ и дае панъ кравчыси бумажку; «отсе, каже, шо пожартувавъ.» А кравець до жинки: «А шо тоби панъ давъ?» —«А шо? три рубли; тоби сковороду нести.»

Въ турецкомъ разсказѣ на ту-же тему подробности иныя, и опять таки не меньше юмору, но больше смыслу въ мотивахъ.

«Разсказываютъ, что однажды у Ходжи былъ теленокъ. Одинъ день давала теленку воды и пищи жена, другой Ходжа, каждый по очереди. Разъ, въ тотъ день, когда очередь была за женой Ходжи, въ дворѣ, напротивъ ихъ, справлялась свадьба, на которую они были приглашены.

— Какъ же мы устроимся? спрашиваетъ жена мужа.

— А мы такъ условимся, отвѣчаетъ онъ; кто первый заговоритъ, тотъ и будетъ кормить и поить теленка [1]).

— Согласна! отвѣчала жена.

Послѣ этого разговора, Ходжа идетъ къ себѣ, а жена идетъ въ домъ, гдѣ справлялась свадьба.

Какъ разъ въ это время около города расположились таборомъ цыгане. Женщины ихъ разбрелись по улицамъ, высматривая, нѣтъ-ли чего украсть. Одна изъ нихъ случайно вошла въ домъ Ходжи; тамъ было совершенно тихо. Дошедши до гарема, она видитъ Ходжу, который остается совершенно нѣмъ. Тотчасъ она обшариваетъ весь домъ, собираетъ все, что могла найти, и набиваетъ въ мѣшокъ; напрасно она посматривала на Ходжу; тотъ оставался безъ движе-

[1]) Въ противуположность украинскому варіанту, предложеніе выходитъ отъ мужа, который разсчитываетъ на извѣстную женскую болтливость, и ошибся въ разсчетѣ!

нія. Цыганка не колеблется болѣе и стягиваетъ съ головы скуфью и тюрбанъ; тотъ ни слова. «Если я скажу слово, говорилъ онъ про себя, я долженъ буду поить теленка». А потому онъ не обращалъ вниманія на дѣйствія цыганки, которая воспользовалась этимъ, что-бъ уйти.

Въ это время въ домѣ новобрачныхъ подавали обѣдъ. Жена Ходжи взяла нѣсколько кушаньевъ на блюдо, что-бъ понести мужу. Приходитъ она въ свой домъ и видитъ, что его такъ чисто обобрали, что не осталось даже колпака и тюрбана на головѣ Ходжи. Тотчасъ она прерываетъ молчаніе и говоритъ:

— Ходжа, куда жъ дѣлось наше добро?

— А, ты заговорила! закричалъ Наср-Эддинъ; тебѣ сегодня давать пить и ѣсть нашему теленку» (Sottisier, CLXXIV, 182—183).

Мы еще вернемся дальше къ этому анекдоту.

VII.

Въ слѣдующемъ примѣрѣ варіанты украинскій и турецкій такъ разошлись уже, что, пожалуй, читатель усумнится въ возможности найти между ними родство.

Украинскій разсказъ напечатанъ въ сборникѣ г. Драгоманова, подъ заглавіемъ «Потреба».

«Иде чоловикъ, коли хтось гука: «дядьку, дядьку! постойте, щось треба!» Той ставъ, жде, дума: чого ёму треба? Коли це прибигъ зъ истикомъ: «Орю въ сучого сына, та ни объ вищо и почухатись; позвольте хочъ объ визъ!»—та ставъ, та й чухается (Op. cit. 377).

Подобная-же задержка по столь-же резонной причинѣ передана въ шуткахъ Наср-Эддина такъ:

«Однажды Ходжа взлѣзъ на дерево на горѣ; пока онъ рубилъ вѣтки, онъ смотрѣлъ по сторонамъ и видитъ, что много верблюдовъ подвигаются въ его сторону. Тотчасъ онъ останавливаетъ погонщиковъ.

— Постойте, прошу васъ, говоритъ онъ, мнѣ надо что-то сказать вамъ!

Погонщики останавливаются; тогда Ходжа слѣзаетъ съ дерева и обращается къ нимъ:

— Умоляю васъ, друзья мои, проѣзжайте потихонечку.

— Зачѣмъ ты говоришь это? спрашиваютъ тѣ,—по какому поводу?

— Э, господа, страшно, что какъ ваши верблюды еще не видѣли горъ, то какъ-бы они не испугались, да не зацѣпились

за дерево, на которомъ я сижу, и не свалили меня на землю!» (Sottisier, LX, 49).

VIII.

Мы уже видѣли, что роль Наср-Эддина въ одномъ украинскомъ разсказѣ поручена цыгану. Это не единственный примѣръ подобной замѣны, которая вѣроятно произведена потому, что первоначальные украинскіе разскащики чувствовали еще, что передаваемая ими шутка принадлежитъ иностранцу. Но вслѣдствіе этой замѣны турецкаго героя цыганомъ (или, какъ увидимъ дальше, жидомъ) получился рядъ разсказовъ, своею противорѣчивою характеристикою данной національной личности сильно затруднившихъ этнографа, который приметъ эти разсказы за мѣстный продуктъ наблюденія надъ національными чертами цыганъ, евреевъ и т. п. Такъ еще можно счесть за спеціально цыганскую черту идеализмъ въ лакомствѣ, усматриваемый въ разсказѣ о томъ, какъ цыганъ ѣлъ хлѣбъ въ приглядку съ саломъ, которое мужикъ ѣлъ дѣйствительно по ту сторону рѣчки, какъ равно можно не признать связи этого разсказа съ анекдотомъ о томъ, какъ Наср-Эддинъ накрошилъ хлѣба въ воду потока на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣли согнанныя имъ утки, ѣлъ этотъ хлѣбъ съ водою ложкой и говорилъ, что онъ ѣстъ хлѣбъ съ соусомъ изъ утокъ [1]).

IX.

Подобное-же можно сказать объ обѣтахъ Богу, данныхъ турецкимъ Ходжею и украинскимъ цыганомъ въ слѣдующихъ разсказахъ:

«Надыбавъ цыганъ меду въ дупли, але высоко на дереви.— «Эй, каже, Боженьку, кобымъ-ся на то-то дерево диставъ, таку бымъ зъ того воску до церкви свичку всукавъ, якъ емь самъ.»—Якось винъ ся выдряпавъ. Наився меду добре тай тогды каже: «Чымъ будь

[1]) Sottisier, XXXIII; Plaisanteries, XL.—У Аѳанасьева Русск. нар. сказки, 2-е изд., III, стр. 469—470) есть сказка, записанная въ астраханской губерніи, о цыганѣ и чумакѣ, въ которой цыганъ выманиваетъ у чумака разнаго рода ѣду, а взамѣнъ того продаваетъ ему рыбу въ рѣкѣ, совѣтуя предварительно выхлебать ложкой воду, называя ее [illegible]. Здѣсь шутка надъ Наср-Эддиномъ повернута въ насмѣшку надъ хохломъ—чумакомъ.

Бога задурити, абы душу закропиты.»—Якъ скоро то сказавъ, якъ не впаде зъ дерева!—«Ай, каже, Боженьку, якъ же ты ничого жарту не знаешъ! Я то такъ жартувавъ, а ты за правду прыймывъ!» (Творы Волод. Навроцкаго, I, 58. Народни приказки).

«Разъ Ходжа возвращался домой съ мельницы. Онъ раздумывалъ надъ тѣмъ, что у него нѣтъ факела, вошелъ въ лѣсъ и сталъ рубить дрова. Была темная ночь,—топоръ выпалъ у него изъ рукъ. Онъ ищетъ, но напрасно.

— Господи, кричитъ онъ, если ты поможешь мнѣ найти топоръ, я обѣщаю тѣбѣ шинекъ (1/8 мѣры) ячменю.

Едва онъ сказалъ это, какъ нашелъ свой топоръ.

— Спасибо тебѣ, Боже, вскричалъ Ходжа,—но такъ какъ тебѣ столь легко исполнить мою молитву, то сдѣлай такъ, чтобъ я нашелъ шинекъ ячменю; тогда я заплачу тебѣ долгъ» (Sottisier, CCLXXI).

X.

Но трудно понять даже, что такого спеціально цыганскаго въ расказѣ о томъ, какъ къ цыгану пришли спрашивать, какая будетъ завтра погода. Цыганъ спрашиваетъ о томъ дѣтей, изъ которыхъ одно говоритъ: будетъ дождь, а другое: будетъ сухо.

— О же, хтось зъ нихъ та вгадавъ! замѣчаетъ глубокомысленно цыганъ слишкомъ уже наивнымъ вопрошателямъ.

Разсказъ этотъ кажется намъ просто отголоскомъ слѣдующаго анекдота о Наср-Эддинѣ:

У Ходжи было двѣ дочки: разъ онѣ пришли къ нему въ гости въ одно время.

— Ну, чѣмъ вы живете? спрашиваетъ онъ.

— Мой мужъ земледѣлецъ, сказала одна, онъ много посѣялъ хлѣба, и если пойдетъ дождь, у него будетъ чѣмъ одѣть меня.

— Мой мужъ, горшечникъ, сказала другая; онъ надѣлалъ много посуды, и если будетъ сухо, онъ будетъ имѣть на что купить мнѣ платье.

— Одна изъ васъ, сказалъ Ходжа, увидитъ, очевидно, исполненіе своего желанія, но не знаю, которая» (Plaisanteries, LI; Sottisier, CCCI).

XI.

А ужъ конечно нельзя счесть за характеристическую для цыгана черту ту крайнюю глупость, которую показываетъ герой слѣдующаго украинскаго разсказа, помѣщеннаго у г. Рудченка въ числѣ *бытовыхъ*.

«Пойхавъ цыганъ въ лисъ дровъ рубати, да злизъ на дерево, ставъ на гилляци да й рубае ту саму гилляку, на котрій стоить. А-жъ иде чоловикъ, да й каже: «цыгане, ты впадешъ, якъ гилляку одрубаешъ». А цыганъ каже: ни!—«Упадешъ!»—Ни!

Чоловикъ соби пишовъ, а цыганъ, якъ одрубавъ гилляку, такъ и гракнувъ объ землю зо всеи силы, що на силу вставъ, да вставъ, да й думае соби: «певно се ишовъ Богъ, що винъ знавъ, що я впаду; дожену его, да роспитаю, коли я умру?»—Бижить за чоловикомъ, та якось догнавъ, да й пытае: «чоловиче! чи ты Бигъ?»—Ни, каже, не бигъ, а помалу йшовъ.—«Але! чи ты Бигъ, той, що зъ неба?»—А чоловикъ такъ навмысне, що цыганъ буде казати,—да й каже: Бигъ.—«Ну, коли ты Бигъ, то скажи мени: коли я вмру?»—А чоловикъ и каже: «отъ якъ твоя кобыла три разы прихне, то ты й умрешъ!»

Вернувся цыганъ, наклавъ дровъ, да й ïде дорогою, ажъ ёго кобыла й прихнула; а винъ и каже: «о, батеньку! вже не довго буду жить, бо вже прихнула моя кобыла!»—Коли, ажъ кобыла прихнула и другій разъ.—«Ой, Боже мій, вже мени треба хутко вмирати, бо вже два разы прихнула моя кобыла»...—А дали кобыла прихнула и въ третій разъ, а ïхавъ цыганъ коло лису надъ дорогою; цыганъ злизъ зъ воза, да лигъ въ лиси, да склавъ руки, да й думае, що вже вмеръ».

Дальше разсказывается, какъ панскіе лакеи оживили цыгана арапникомъ и какъ цыганъ пошелъ въ другое село и взялся оживить мертвеца, да самъ былъ прибитъ и загнанъ въ прудъ родными последняго, которые застали цыгана за процессомъ оживленія мертвеца арапникомъ.

У Чубинскаго (II, 582—583) находится другой варіантъ съ приключеніями до оживленія цыгана включительно, но съ пропускомъ поѣданія цыгановой кобылы волками [1]).

[1]) Объ этомъ поѣданіи цыганъ упоминаетъ въ разговорѣ съ панскими лакеями.—„Якъ же ты вмеръ, говорятъ лакеи, коли ты дивишься —Такъ! але

Основу этого разсказа и всѣ существенныя подробности его, хотя съ другою развязкою, находимъ въ похожденіяхъ Наср-Эддина, напр. въ слѣдующихъ варіантахъ:

а) Однажды Ходжа Наср-Эддинъ рубилъ дрова въ горахъ. Онъ взлѣзъ на большую вѣтку и началъ рубить ее. Кто-то подошелъ на это и говоритъ: не руби эту вѣтку; упадешь!

Ходжа притворяется, что не слышитъ, продолжаетъ (рубить) и скоро падаетъ вмѣстѣ съ вѣткой. Тотчасъ бѣжитъ онъ за совѣтчикомъ и кричитъ:

— Такъ какъ ты предсказалъ время моего паденія, то ты можешь сказать мнѣ и минуту моей смерти. Говори мнѣ сейчасъ, чтобъ я зналъ, когда я покину этотъ міръ.

— Какъ кончишь рубить дрова,—отвѣчаетъ человѣкъ, и какъ нагрузишь осла, и когда онъ, по дорогѣ домой испуститъ вѣтеръ восемь разъ, тогда и умрешь.

Ходжа навьючиваетъ осла, гонитъ его и идетъ своей дорогой. Оселъ забывается въ первый разъ.

— Вотъ, вскричалъ Ходжа, часть моей души уже вылетѣла.

Коротко, восемь ударовъ исполнилось какъ разъ въ то время, когда Ходжа пріѣхалъ къ дому.

— Вотъ, кричитъ Ходжа, восьмая получетверть моей души вылетѣла. Жена моя, продолжаетъ онъ, я умеръ; развьючь осла и пойди сообщи печальную вѣсть селянамъ.

Затѣмъ онъ ложится на землю, и протягивается во всю длину свою.

Жена думаетъ, что мужъ ея умеръ, и идетъ предупредить селянъ. Эти приходятъ и приступаютъ къ похоронамъ; дѣлаютъ погребальныя обмыванія и кладутъ его въ гробъ.

Когда они несли его (на кладбище), дорога оказалась перерѣзанной потокомъ грязи; они остановились въ нерѣшимости.

я вмеръ... Отъ бачте: въ ночи прыйшли вовки, да й мою кобылу ззилы въ ночи, а я все лежавъ... А коли-бъ то чоловикъ живъ, то-бъ такъ давъ своеи худобыни пропасти?!" Подобный-же великорусскій у Аѳанасьева (III, 472—473), съ прибавкой въ концѣ извѣстнаго въ украинскихъ разсказахъ мотива о цыганѣ, купившемъ хрѣнъ. Сходенъ съ этимъ (безъ прибавки о хрѣнѣ) вятскій разсказъ *Русскіе и черемисъ* у Колосова (Замѣтки о языкѣ и нар. словесности въ области сѣверно-великорусск. нарѣчія, Спб. 1877 г., стр. 278—279). Третій, совсѣмъ отдалившійся варіантъ, у Аѳанасьева, IV, 541—542.

— Гдѣ намъ перейти? спрашивали они другъ друга.

Одинъ отвѣчаетъ: тутъ, другой: тамъ, и мало по малу заспорили.

Ходжа не выдержалъ и кричитъ:

— Товарищи, зачѣмъ такъ ссориться! Когда я былъ живъ,—я переходилъ вотъ здѣсь.

При этихъ словахъ посланные обращаются къ Ходжѣ:

— Какъ, ты живъ еще? кричатъ они.

Говоря это, бросаютъ его въ середину лужи и оставляютъ тамъ, а сами возвращаются въ село, гдѣ каждый идетъ въ свой домъ (Sottisier, CLXXV).

b)—По чемъ узнаешь ты, что человѣкъ умеръ? сказалъ разъ Ходжа своей женѣ.

— А по томъ, что у него ноги холодны!—отвѣтила она [1]).

Нѣсколько дней послѣ Ходжа идетъ въ горы рубить дрова. Это было зимой. Пока онъ рубилъ, онъ почувствовалъ холодъ въ ногахъ, но холодъ ледяной. Онъ вспомнилъ слова жены.—Я умеръ! закричалъ онъ; это вѣрно, я умеръ!—онъ ложится на землю, приходятъ волки, повалили его осла и съѣли.

Ходжа, все лежа, замѣчаетъ это: «видите, что хозяинъ умеръ, и ѣдите осла!» восклицаетъ онъ.

На завтра жена, видя, что Ходжа не возвращается, идетъ въ горы разыскивать его. Тотъ, лежа на землѣ, зоветъ ее и говоритъ: увы, жена моя, развѣ ты меня не видишь? Вотъ я лежу мертвый. Бѣги скорѣй, разскажи объ этомъ въ деревнѣ, пусть идутъ перенести меня.

Жена идетъ оповѣстить о томъ сосѣдей; тѣ приходятъ, поднимаютъ Ходжу и уносятъ хоронить его въ могилу. По дорогѣ имъ приходится переправиться черезъ рѣку. Они не знаютъ, какъ черезъ нее перейти и бросаются то въ одну сторону, то въ другую.

Ходжа поднимаетъ голову и говоритъ: «когда я былъ живъ, я переходилъ здѣсь».

---

[1]) Подобное начало разсказа слышалъ г. Л—ій въ кіевской губерніи, только тутъ холодѣетъ задъ, а не ноги. Не эта-ли подробность привела за собою и дальнѣйшій эпизодъ оживленія цыгана посредствомъ *нагрѣванія* кнутомъ охолодѣвшей части тѣла?

Они тогда переходятъ, все неся его, кладутъ въ гробъ и уходятъ. Въ это время Ходжа слышитъ звуки колокольчиковъ и бубенчиковъ.

— Это идутъ меня допрашивать (ангелы), говоритъ онъ.

Онъ выставляетъ голову изъ гроба, смотритъ и видитъ, что приближаются нѣсколько рядовъ муловъ. Мулы перепугались, порвали уздечки и разбѣжались. Погонщики приходятъ и видятъ Ходжу въ гробѣ.

— Ты зачѣмъ пугаешь нашихъ муловъ? говорятъ тѣ и осыпаютъ его ударами. Когда погонщики ушли, Ходжа выходитъ изъ могилы и идетъ домой. Селяне, при его видѣ, собираются около его дома.

— Ходжа вернулся, кричатъ они. Ходжа, что есть и чего нѣтъ на томъ свѣтѣ? разскажи намъ.

— Что вамъ до того, отвѣтилъ Ходжа. Оставьте всѣ ваши вопросы и довольствуйтесь, если узнаете, что не нужно пугать муловъ, иначе заслужите удары палкою (Sottisier, LXXV) [1]).

Отголоски этихъ анекдотовъ давно уже распространились въ Европѣ и записаны въ разныхъ мѣстахъ. Еще Поджжіо внесъ въ свой сборникъ фацецію о живомъ мертвецѣ, который говоритъ, когда его несутъ на кладбище, хотя разсказъ Поджжіо сильно передѣланъ противъ турецкаго: опущена подробность рубки дерева и герой превращенъ изъ наивнаго дурака въ мнительнаго флорентинца, котораго пріятели, встрѣчая по очереди на улицѣ, увѣряютъ, что онъ умираетъ [2]). Въ XVI ст. итальянскій новеллистъ Грацини передѣлалъ короткій разсказъ Поджжіо въ длинную новеллу скабрёзноводевильнаго характера, вставивъ въ нее любовника жены героя и мать сводницу и обративъ героя въ изнѣженнаго простака, который,

---

[1]) Всѣ составныя части этихъ разсказовъ ходятъ и какъ отдѣльные анекдоты (см. Plais., XLVI, XLIX, LXVI, CXXI). Въ сирійской сказкѣ о похожденіяхъ блохи (!) опущена глупая рубка дерева, а дѣло начинается съ вопроса дурака муллѣ о времени смерти, при чемъ дальше разсказъ очень сближается съ турецкимъ и украинскимъ, особенно въ эпизодѣ съѣденія ослицы волками. Подъ конецъ возвратившійся къ жизни мертвецъ жалуется князю на муллу и рѣшаетъ, что онъ и самъ можетъ также лгать, какъ мулла, и дѣлается муллою у другихъ насѣкомыхъ паразитовъ (E. Prym und Alb. Socin. Der neu-aramaeische Dialect des Für Abdîn. II, Uebersetzung, Göttingen, 1881, 249—251).

[2]) Poggii Florentini Opera, Basileae, 1538, 489—490. *De mortuo vivo ad sepulchrum deducto, loquente et risum movente.*

наслушавшись въ постъ проповѣдей, желаетъ умереть, чтобъ перейти къ лучшей жизни [1]). Но въ устныхъ итальянскихъ разсказахъ тема осталась ближе къ турецкой основѣ и живетъ во многихъ варіантахъ и до сихъ поръ. Такъ въ XVIII в. одинъ неизвѣстный собиратель записалъ въ Сициліи два варіанта, изъ которыхъ одинъ особенно близокъ къ первому турецкому и вмѣстѣ къ украинскому, опуская только подробности о съѣденіи лошади волками, но за то прибавляя воскрешеніе мертвеца (который по дорогѣ говоритъ, въ какой-бы онъ церкви желалъ быть похороненъ)—ударами палокъ и кулаковъ [2]). Въ послѣднее время напечатано нѣсколько устныхъ итальянскихъ варіантовъ, изъ которыхъ особенно близокъ къ первому турецкому сицилійскій у Pitrè (Fiabè novelle etc., № CL); другой сицилійскій (Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, Pal., II, 550—551) нѣсколько дальше; тосканскій варіантъ (Pitrè, Novelle popolari toscane, 1885, XXXI) вставляетъ эту исторію въ повѣсть о разныхъ похожденіяхъ дурака и оканчиваетъ ее отличнѣе отъ турецкой, въ родѣ новеллы Граццини: мертвецъ начинаетъ говорить, при напоминаніи о долгѣ, и погибаетъ дѣйствительно въ дракѣ, возникшей по этому поводу.

Сицилійскіе варіанты приписываютъ глупость дроворуба жителямъ одной деревни, какъ украинскіе цыгану.

Изъ другихъ извѣстныхъ намъ варіантовъ другихъ странъ ближе къ турецкой основѣ и къ украинскому передается тема въ бискайскомъ (Vinson, Le Folk-lore du Pays Basque. P. 1883, 93—94) и въ гасконскомъ (Bladé, Contes et proverbes pop. recueillis en Armagnae. P. 1857, № 8), хотя она здѣсь вставлена въ рамку разныхъ другихъ похожденій дурака [3]). Разсказъ трансильванскихъ нѣмцевъ (Haltrich, Volks-märchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen. 3 Aufl. 1882, № 69 (1 изд. № 66) вставленъ въ исторію человѣка, который ищетъ людей

[1]) Tesoro dei novellieri italiani, Parigi, 1847, II, 323—331, nov. V.

[2]) G. Pitrè Curiosita popolari tradizionali, II, Avvenimenti faceti raccolti da un anonimo siciliano. Pal, 1885, № 50; тамъ-же № 51 значительно удаляется отъ перваго разсказа.

[3]) *G. Paris* говоритъ, что подобные разсказы есть и на сѣверѣ Франціи и рисуются на популярныхъ литографіяхъ въ *Epinal* и *Nancy* (Gotting. gelehrte Anzeigen, 1865, 1368).

глупѣе, чѣмъ его жена и теща. Эпизодъ о глупомъ дроворубѣ здѣсь очень близокъ къ украинскому, только коня не съѣдаютъ волки, а уводитъ цыганъ, при чемъ живой мертвецъ кричитъ, потрясая кулакомъ: «а, не будь я мертвъ, я-бы тебѣ задалъ, разбойникъ!» Но въ концѣ мертвецъ не выдержалъ голода и воскликнувъ: «чертъ пускай умираетъ, а не я, этакъ отъ голоду пропадешь!» идетъ домой (Op. cit. 250—251).

Въ варіантѣ литовскомъ (Schleicher-Litanische Märchen, Sprichworte, Rätsel und Lieder, 1857, s. 41), который, кажется, пошелъ отъ украинскихъ, дуракъ, послѣ *оживленія* его проѣзжими купцами, надуваетъ ихъ, какъ *вороватый мужикъ* въ другихъ европейскихъ сказкахъ, тоже связанныхъ съ восточными и съ цикломъ Насрэддина, какъ увидимъ далѣе. О великорусскихъ варіантахъ сказано выше: одинъ изъ нихъ очень близокъ къ турецкой основѣ, а два довольно удалены.

Мы нарочно остановились на перечисленіи всѣхъ этихъ варіантовъ, такъ какъ на нихъ видно, *какъ распространялись отголоски восточной темы по средиземноморскимъ странамъ въ одну сторону и по черноморскимъ въ другую и какъ они отклонялись отъ своего оригинала, по мѣрѣ распространенія къ сѣверу*, а равно и литературной ихъ обработки [1]). Нѣкоторое исключеніе изъ этого правила составляетъ западно-сербскій варіантъ, въ которомъ разсказъ идетъ сначала близко къ 2-му турецкому и украинскому, но потомъ, вслѣдствіе замѣны турецкаго предзнаменованія смерти болѣе приличнымъ ревомъ осла, конецъ совсѣмъ измѣняется: простакъ удушиваетъ своего осла, связавъ ему морду послѣ перваго рева (Narodne satirično-zanimljive podrugačice. Skupio ih po Boki Kotarskoj, Crnojgori, Dalmacji, a najviše po Hercegovini. Vuk vitez Vrčevic. U Dubrovniku, 1883, 113—115, *Seljanin i prorok*).

---

[1]) Считаемъ умѣстнымъ сдѣлать одно общее замѣчаніе о частомъ совпаденіи варіантовъ всякаго рода народныхъ разсказовъ *украинскихъ* и итальянскихъ, особенно *сицилійскихъ*. Совпаденіе это, которое замѣчается также и при сравненіи нашихъ разсказовъ съ *греческими* (ново), должно быть объяснено одинаковостью вліянія Константинополя, христіанскаго и мусульманскаго, на страны Чернаго и Средиземнаго моря. Въ противность мнѣнію ученыхъ старой школы, теперь оказывается, что *сходство культурныхъ отношеній имѣетъ гораздо болѣе значенія въ дѣлѣ сходства народныхъ сказаній, нежели племенное родство.*

Но въ свою очередь турецкіе анекдоты о мнимо умершемъ Наср-Эддинѣ сами ни что иное, какъ отголоски индійскихъ разсказовъ, которые указываетъ въ своей статьѣ Кёллеръ. Въ одномъ изъ нихъ, входящемъ въ составъ сборника «Двадцать три исторіи о нашихъ монахахъ» (Barataka—dvatrinçika) представленъ браминскій монахъ Даньдяка, который рубитъ дерево, какъ нашъ цыганъ, и которому прохожіе говорятъ: «эй, монахъ, первѣйшій изъ дураковъ! Не руби ты вѣтки, на которой самъ сидишь, не то, когда вѣтка сломается, ты упадешь и умрешь». Монахъ падаетъ и за тѣмъ рѣшаетъ, что такъ какъ оправдалась первая половина предсказанія прохожихъ, то должна исполниться и вторая, и сталъ лежать, какъ мертвый. Прохожіе пробовали привести его въ чувство (впрочемъ безъ русскаго *живила!*) и наконецъ оповѣстили товарищей монаха. Тѣ несутъ его погребать, т. е. сожигать. Слѣдуетъ споръ о дорогахъ. Мертвый говоритъ. Монахи слѣдуютъ его совѣту, замѣчая, что онъ всегда говорилъ правду, но все таки собираются жечь его, не смотря на увѣщанія прохожихъ. Тогда мертвый самъ разсказываетъ свою исторію, послѣ чего монахи долго остаются въ нерѣшимости, пока наконецъ прохожіе уговариваютъ ихъ убираться. Тогда и Даньдяка всталъ и пошелъ своей дорогой, сопровождаемый насмѣшками тѣхъ людей [1]).

Другой индійскій варіантъ оставленъ въ тѣни у Кёллера, между тѣмъ какъ онъ интересенъ для объсненія подробностей не только турецкихъ, но и европейскихъ отголосковъ данной исторіи. Онъ составляетъ часть сборника юмористическихъ анекдотовъ о похожденіяхъ *жреца Простака (Guru paramarta)* и его учениковъ, составленнаго по народнымъ тамульскимъ разсказамъ іезуитомъ Бески еще въ XVIII ст. († 1746) и переведенномъ потомъ на латинскій, англійскій, французскій и нѣмецкій языки [2]). Здѣсь наша исторія начинается тоже съ рубки дерева ученикомъ (послушникомъ) жреца (настоятеля монастыря) Простака и съ предостереженія, даннаго мимоидущимъ

[1]) Monats bericste der. k. preusz. Akademie. 1860, 71—73.

[2]) Мы пользуемся нѣмецкимъ переводомъ: Fahrten und Abenteuer Gimpels und Compagnie. Ein tamulisches Reise-und Scherzmärchen. Nacherzählt v. Dr. J. G. Th. Gräsze. Dresden. 1859. Французскій переводъ приложенъ къ La Pantcha Tantra p. J. B. Dubois, P. 1826.

браминомъ изъ касты гадателей. Послушникъ сначала сердится и бросаетъ ножемъ, но упавши, рѣшается догонять прорицателя и спрашиваетъ его, когда умретъ настоятель? Прорицатель отвѣчаетъ: «Холодный задъ есть признакъ смерти [1]). Если у вашего настоятеля охладѣетъ эта часть тѣла, то вы можете разсчитывать, что часъ его освобожденія приближается.» Глупый послушникъ запомнилъ только первое изреченіе, которое, вѣрно, было сказано литургическимъ тономъ, и передалъ его настоятелю. Этотъ приказываетъ каждому ученику записать изреченіе и носить при себѣ, и вообще относится съ покорностію къ судьбѣ, но рѣшается даже отказаться отъ «омовенія ногъ» (вѣжливое обозначеніе необходимой потребности), лишь бы не охладить извѣстной части тѣла и не заслужить упрека, что онъ самъ ускорилъ часъ своей смерти. Чрезъ нѣсколько времени Простакъ ѣдетъ верхомъ на лошади среди своихъ учениковъ по лѣсу и зацѣпляется тюрбаномъ за дерево; тюрбанъ падаетъ; настоятель ѣдетъ молча, думая, что ученики догадаются поднять его, но тѣ проходятъ мимо. Спустя нѣсколько шаговъ, настоятель спрашиваетъ тюрбанъ; ученики говорятъ, что не подняли, такъ какъ имъ не было приказанія. Получивъ приказъ впередъ поднимать все, что упадетъ съ лошади, послушники поднимаютъ въ тюрбанъ даже и пометъ лошади, и когда настоятель выговариваетъ имъ, требуютъ отчетливаго опредѣленія, что такое они должны поднимать, а чего нѣтъ. Настоятель вынулъ грифель и пальмовый листъ и написалъ реестръ вещей, какія нужно поднимать. Немного спустя пришлось перебираться чрезъ ровъ съ грязью и валъ,—лошадь упала, настоятель тоже. Послушники стали поднимать упавшія вещи: тюрбанъ, плащъ, и т. д., т. е. раздѣвать настоятеля до нага и ни за что не хотѣли поднять его самого, пока онъ не написалъ имъ на пальмовомъ листѣ: «и если вашъ господинъ, жрецъ Простакъ, самъ упадетъ съ коня, то вы должны поднять и его.» Конечно, настоятель выпачкался, платье его тоже; пришлось мыться и мыть платье. Сѣвъ потомъ на коня, Простакъ почувствовалъ холодъ въ сидѣньи и рѣшилъ, что часъ его приближается. Дома онъ сталъ готовиться къ смерти, все

---

[1]) Ср. радомысльскій варіантъ.

повторяя фатальную фразу. Впрочемъ на другой день его было разсѣялъ и успокоилъ его сосѣдъ, забавникъ, разсказавъ ему исторію о томъ, какъ одна купчиха отвадила ходить въ ея домъ монаховъ, которыхъ было приманилъ къ дому мужъ ея [1]), и разъяснилъ, что есть два рода охлажденія: отъ внѣшней причины, какъ было съ простакомъ послѣ паденія въ грязь, и отъ внутренней, и что только послѣднее страшно. Но чрезъ нѣсколько времени на спящаго Простака течетъ дождь сквозь дыру крыши и на этотъ разъ Простакъ вѣритъ въ охлажденіе отъ внутренней причины. Отъ простуды и тревоги онъ впадаетъ въ обморочное состояніе. Послушники принимаютъ его за мертваго и начинаютъ обмывать въ ваннѣ. Вода приводитъ Простака въ чувство, но послушники не вѣрятъ его оживленію и топятъ его съ головою, отчего бѣднякъ наконецъ дѣйствительно умираетъ. Тогда монахи хоронятъ его, распѣвая хоромъ во время остановокъ: *Hassana sihdam dschiwa nachanam* т. е. «холодный задъ есть признакъ смерти!» (Fahrlen und Abenteur Gimpels und Compagnie, 56—81).

Мы думаемъ, нѣтъ надобности распространяться о томъ, что въ этихъ индійскихъ разсказахъ мы находимъ всѣ существенные элементы турецкихъ и европейскихъ ихъ отголосковъ, и при томъ въ гораздо болѣе натуральной и вообще болѣе толковой комбинаціи. Довольно будетъ сравнить эпизодъ съ лошадью въ тамульскомъ разсказѣ съ тѣми крайними несообразностями, которыя сдѣланы изъ него въ турецкихъ и европейскихъ отголоскахъ. Да и въ цѣломъ, при всей своей карикатурности, индійскіе разсказы имѣютъ смыслъ, какъ насмѣшка надъ потерявшимися въ фантастическихъ видѣніяхъ и богословской казуистикѣ отшельниками. Въ турецкихъ отголоскахъ ихъ еще сохранился намекъ на первоначальное сатирическое значеніе этихъ разсказовъ, въ томъ, что героемъ выбранъ Ходжа, тоже

---

[1]) Это особенная исторія: купчиха увѣрила одного монаха, что у нихъ въ домѣ справляютъ особый обрядъ жертвоприношенія пестикомъ отъ ступки, при чемъ надо стучать и по спинѣ гостя; монахъ убѣгаетъ; купчиха говоритъ мужу, что монахъ просилъ у нея пестикъ, но она не смѣла дать безъ позволенія мужа, купецъ гонится за монахомъ, чтобъ дать ему пестикъ: разумѣется, монахъ удираетъ, молва додѣлываетъ остальное.

богословъ и казуистъ [1]). Но въ европейскихъ отголоскахъ потерялся уже всякій сатирическій смыслъ этихъ разсказовъ, а иногда, какъ напр. въ литовской мѣшанинѣ, всякій человѣческій смыслъ.

П. Кузьмичевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

---

[1]) Отмѣтимъ кстати, что въ числѣ разсказовъ о Наср-Эддинѣ находится и основа извѣстной басни Хемницера „Метафизикъ": сынъ Ходжи, школяръ, упалъ въ колодецъ и проситъ отца подать ему *помошь*, при чемъ говоритъ это слово по арабски (на языкѣ корана). Ходжа отвѣчаетъ: не за чѣмъ подавать тебѣ *помощь*, я пойду принесу *веревку* (Sottisier, CXIV). И въ этомъ простомъ анекдотѣ больше толку, чѣмъ въ замысловатой редакціи европейскаго баснописца.

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНІЕ КОЛЯДОКЪ И ЩЕДРИВОКЪ.

Накануне праздника Рождества Христова или на первый день праздника, вечеромъ, когда мягкій, таинственный полусвѣтъ разливается по усыпленной землѣ и на далекихъ небесахъ затеплятся, словно божественныя лампады, безчисленныя звѣзды, въ южно-русскихъ селахъ молодые парни (парубки) ходятъ небольшими толпами по улицамъ, останавливаются передъ окнами зажиточныхъ домохозяевъ и звонкимъ голосомъ поютъ величальныя пѣсни, уподобляя домохозяина солнцу, жену его лунѣ, дѣтей ихъ звѣздамъ и высказывая имъ пожеланія всякаго благополучія...

Да бувай здоровъ и въ вику довгій,
Самъ собою, зъ своею жоною,
Зъ усимъ родомъ.
Дай-же тоби, Боже, чого жадаешь,—
Здоровья въ твій домъ на челядочку,
Щастя на двиръ, на худобочку.

Далеко въ морозномъ воздухѣ несется радостная праздничная пѣсня и просвѣтляетъ духъ селянина, освѣжаетъ его сердце свѣтлой надеждой на счастье. Выглянувъ въ окошечко, крестьянинъ говоритъ колядовщикамъ: «весельтеся, весельте», т. е., веселитесь сами, себѣ на утѣху, и возвеселите мой домъ, мою семью. И въ хату врываются чистые звуки величальной пѣсни, врываются многообѣщающія пожеланія женить сына, выдать дочь замужъ, пожеланія урожая хлѣба и умноженія скота. Все тяжелое и смутное, что тревожитъ крестьянскую душу въ длинныя осеннія ночи, когда на соломенную крышу падаютъ крупныя капли холоднаго дождя, въ воздухѣ стоитъ сырая мгла и шумливый вѣтеръ врывается въ наклонившуюся на бокъ

дымовую трубу, угнетающія заботы, сомнѣнія и опасенія исчезаютъ, забываются подъ обольстительнымъ вліяніемъ веселой праздничной пѣсни. Колядка очаровываетъ воображеніе чертами и образами неземнаго счастья, наполняетъ бѣдную жизнь фантастическимъ довольствомъ, изъ укромной и сумрачной хатенки ведетъ въ чертоги богача, гдѣ повсюду блеститъ золото и серебро, поднимаетъ слушателя въ лучезарныя надзвѣздныя пространства. Точно по мановенію волшебнаго жезла отворяется небо; взору смертнаго представляются святые престолы и золотые кресты, и сама Богоматерь вьетъ изъ розъ вѣнки, чтобы украсить ими чело земныхъ тружениковъ-хлѣборобовъ, достойныхъ божественной любви и ласки. Въ Рождественскихъ пѣсняхъ, колядкахъ и щедривкахъ, милосердное и сострадательное божество нисходитъ на землю, посѣщаетъ бѣдныя людскія жилища и щедрой рукой раздаетъ довольство и счастье. Солнце обнаруживаетъ родительскую заботливость о крестьянскомъ домохозяйствѣ. Мѣсяцъ дружелюбно разговариваетъ съ людьми и открываетъ имъ, въ какой хатѣ въ предстоящемъ году будетъ свадебное веселье. Добрый молодецъ колядокъ не простой парубокъ, а богатырь, пренебрегающій вороными конями и червонцами и любящій только дѣвушекъ-красавицъ. Дѣвушка въ колядкахъ не простая деревенская дивчина.

Въ хату пришла—паны стричають.
Паны стричають, шапки знимають,
Шапки знимають, іи питають:
Чи ты царивна? чи ты короливна?

Крестьянскій дворъ окруженъ бѣлокаменными стѣнами; ворота сдѣланы изъ желтой мѣди. Въ хатѣ столы накрыты дорогими коврами; на столахъ стоятъ кубки, наполненные виномъ. Подарки, которые парень вручаетъ молодой дѣвушкѣ, обладаютъ большими достоинствами: золотой перстень блеститъ, какъ огонь; нитки крупнаго жемчуга тяготятъ бѣлую шею. Даже конь въ колядкяхъ не простой, общеизвѣстный деревенскій конь, малосильный, захудалый, принятый однимъ иностранцемъ путешественникомъ за животное особой породы—«conjaka». Золотая грива покрываетъ его широкую грудь; серебряныя копыта разбиваютъ подвернувшійся подъ ноги камень; глаза, подобные терновымъ ягодамъ, читаютъ всякое письмо.

Этотъ пѣсенный идеализмъ чего-нибудь да стоитъ. Вѣковая, личная и имущественная зависимость, понижавшаяся иногда до степени рабства, сокрушила-бы въ духовномъ отношеніи темнаго, безграмотнаго мужика, если-бы его не поддерживала постоянно чародѣйка пѣсня, уносящая мысль и чувство куда-то далеко, далеко, гдѣ и свѣтло, и тепло, и уютно. Удрученные бѣдствіями, угнетенные горемъ находятъ въ очаровательномъ мірѣ поэзіи утѣшеніе; озлобленные и ожесточенные—успокоеніе и миръ души. Горе, вылившееся въ пѣснѣ, дѣлается полугоремъ, и міръ, представленный черезъ призму поэзіи, получаетъ новую привлекательность.

Яковъ Гриммъ говоритъ, что народно-поэтическія сказанія носятся надъ дѣлами людей, какъ благоуханіе, и замѣчаетъ далѣе въ приложеніи къ историческимъ сказаніямъ и пѣснямъ: «прочнымъ шагомъ идетъ исторія; но и крылатое созданіе (народная пѣсня) сопровождаетъ ее. Его продолжительное посѣщеніе есть благо, которое дается не всѣмъ народамъ»... Нѣчто подобное можно сказать о колядкахъ, съ той поправкой, что это поэтическое благо и одному и тому-же народу не всегда дается. Въ приложеніи къ малорусскому народу слѣдуетъ замѣтить, что по мѣрѣ того какъ сельское населеніе въ послѣдніе годы колеблющимися шагами подвигается къ городской и фабричной цивилизаціи, крылатыя созданія—колядки и щедривки—все болѣе и болѣе оставляютъ его, изъ области дѣйствительности переходятъ въ область историческаго преданія.

Забвеніе и порча колядокъ и щедривокъ представляется частичнымъ явленіемъ общей порчи народной поэзіи. Золотой вѣкъ безъискусственной народной поэзіи прошелъ. Въ глухихъ мѣстахъ сѣверной Россіи и Малороссіи поэзія еще сохраняетъ свою свѣжесть, чистоту и изящество. Въ Россіи средней, восточной и западной художественное словесное творчество народа изсякло. Изсякла даже семейная лирическая поэзія, не говоря уже о поэзіи исторической, забытой даже въ Малороссіи, исконной колыбели русскаго художественнаго словеснаго творчества. Южно-русскіе кобзари, поющіе думы, и великорусскіе сказатели былинъ въ настоящее время извѣстны на перечетъ. Русская наука внимательно слѣдитъ за ними, какъ за послѣдними могиканами исторической поэзіи. Малорусскія думы козацкаго періода забыты. Съ прекращеніемъ чумачества совсѣмъ забываются и чумацкія пѣсни. Переставъ творить новыя пѣсни съ

политическимъ оттѣнкомъ, народъ не долго довольствовался пѣснями старыми и сталъ забывать ихъ. Здѣсь вполнѣ оправдалось положеніе, что остановка въ развитіи, въ поступательномъ движеніи есть уже упадокъ и регрессъ.

По свидѣтельству людей, изучавшихъ современное состояніе крестьянства, въ промышленныхъ областяхъ средней Россіи и по Волгѣ прежній патріархальный типъ русскаго селянина сталъ вытѣсняться новымъ типомъ «фабричнаго крестьянина». Фабричный крестьянинъ, не смотря на обладаніе грамотностью, далеко уступаетъ крестьянину земледѣльцу въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Не смотря на знакомство фабричнаго крестьянина съ городскими трактирами, онъ по прежнему вѣритъ въ «порчу», въ «сглазъ», въ домовыхъ, по прежнему бьетъ свою жену. Г. Нефедовъ замѣтилъ, что фабричные крестьяне по теченію Волги и ея притоковъ обнаруживаютъ наклонность къ франтовству: парни ходятъ съ бумажными зонтиками подъ мышкой, дѣвицы носятъ на платьяхъ панье. По словамъ г. Молчанова, въ новгородской губерніи деревенскія дѣвицы танцуютъ французскую кадриль; молодцы разгуливаютъ по улицамъ въ сюртукахъ и въ жилетахъ съ часами (Михневичъ, «Историч. Вѣстн.» 1880 г. XII. 754). Всѣ эти сюртуки, панье вносятся въ крестьянскій бытъ на ряду съ массой новыхъ, безъ разбору схваченныхъ на городской улицѣ, идей и понятій и измѣняютъ крестьянскую жизнь до неузнаваемости; искажается народный характеръ; вырабатывается презрѣніе къ старинѣ, въ особенности къ стариннымъ деревенскимъ пѣснямъ; портится языкъ. Истинно-народная, полная мелодіи и задушевности поэзія замѣняется фальшивыми и безнравственными трактирными пѣснями.

Печальное оскудѣніе художественнаго словеснаго творчества обнаруживается и въ малорусскихъ пѣсняхъ новѣйшаго происхожденія. Жалобы на упадокъ малорусской народной поэзіи встрѣчаются въ беллетристическихъ произведеніяхъ, этнографическихъ изслѣдованіяхъ и газетныхъ корреспонденціяхъ. Такъ, въ разсказѣ г-жи А. Шабельской «Параска» находится указаніе, что «новыя пѣсни» по большей части ничѣмъ не связаны съ деревней; они говорятъ о чемъ-то чуждомъ мужицкому сердцу (Наброски карандашемъ, стр. 41). Г. Твердохлѣбовъ въ статьѣ о г. Ахтыркѣ, указывая на то обстоятельство, что ахтырскіе простолюдины относительно одежды сохра-

нили черты своихъ предковъ козаковъ, при этомъ замѣчаетъ, что и въ Ахтыркѣ «старинные обычаи и особенно пѣсни уступаютъ исподоволь мѣсто новѣйшимъ, солдатскимъ и фабричнымъ» («Харьковскій календарь», 1886 г., стр. 124). Въ помѣщенной въ 286 № «Зари» за 1884 г. корреспонденціи изъ Чигирина, между прочимъ, находится сѣтованіе на упадокъ малорусской народной поэзіи. «Несомнѣнно, говоритъ корреспондентъ, что отхожіе промыслы вносятъ въ мѣстную жизнь нѣкоторое растлѣніе нравовъ и значительно нарушаютъ добрые старые обычаи. Нѣтъ той тихой патріархальной жизни, которою издавна славился малороссъ; нѣтъ той глубокой привязанности къ домашнему очагу, и поэтическая прелесть народной пѣсни отходитъ во времена минувшія. Молодые люди, побывавъ на заработкахъ, ведутъ себя вольнѣе и развязнѣе и, можно сказать, нахальнѣе прежняго. Поютъ уже не мелодичныя украинскія пѣсни «про соловейка, зозульку и ясный мисяць», а дуютъ убійственнымъ жаргономъ, смѣсью великорусскаго съ малорусскимъ:

У матроса кудри вьютца,
А въ дѣвчонки слезы льютца.
Эй, горе, горе не бѣда,
Каво люблю тай нема и т. д.

Поютъ также:

Ай жги, жги гавари,
Жена мужу бай гавари.

Мотивъ уцѣлѣвшихъ народныхъ пѣсенъ значительно разнится отъ мелодій, господствующихъ въ центральныхъ уѣздахъ кіевской губерніи. Свадебныя пѣсни, напр., носятъ характеръ чего-то дикаго... Поютъ ихъ обыкновенно на одной нотѣ визгливымъ, пронзительнымъ унисономъ, заканчивая каждое четверостишіе отвратительнымъ возгласомъ: у-а-а-ахъ! На сколько-нибудь развитое ухо мотивъ чигиринскихъ свадебныхъ пѣсенъ дѣйствуетъ убійственно».

Порча обычая колядованія выражается въ томъ, что колядованіе съ кануна праздника переносятъ на первый день праздника Рождества Христова, или на второй, третій, пятый (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи), на масляницу (въ ярославской губерніи); теряется различіе между колядками и щедривками, въ содержаніе колядокъ вносятся смутно понятые апокриѳическіе мотивы; ослабляется свойственный

колядкамъ тонъ серьезнаго величія и задушевности, слабѣетъ сила выраженія, правильность стиха и чистота языка. Лучшія колядки сохранились въ Галиціи, у карпатскихъ горцевъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ родъ поэтическаго творчества, почти совсѣмъ забытый въ Великороссіи, и въ Малороссіи повсемѣстно выходитъ изъ употребленія. Колядка, какъ опредѣленная форма поэтическаго творчества, обветшала, и народное вниманіе начинаетъ склоняться къ выступившему на ея замѣну духовному стиху.

Научное изученіе колядокъ представляетъ большой и разнообразный интересъ. Изслѣдователи прошлыхъ судебъ народной жизни, прошлаго народнаго быта останавливаются на различныхъ наслоеніяхъ въ колядкахъ: одни на религіозно-миѳическихъ остаткахъ древняго язычества, другіе на христіанско-легендарныхъ элементахъ колядокъ. Изслѣдователя современнаго состоянія народной жизни естественно интересуетъ вопросъ, какую роль играетъ колядка въ бытовой жизни народа и въ его нравственныхъ понятіяхъ о добромъ и прекрасномъ. На изученіи колядокъ и щедривокъ отражались всѣ главные измѣненія въ направленіи историко-литературныхъ работъ, главныя успѣхи историческихъ и филологическихъ знаній. Съ развитіемъ научной разработки миѳологіи, и къ объясненію колядокъ была приложена миѳологическая теорія происхожденія повѣрій, сказаній и обрядовъ. Затѣмъ, когда въ наукѣ возобладала теорія заимствованія повѣрій, пѣсенъ и обрядовъ, въ цѣломъ или въ частяхъ, въ отдѣльныхъ подробностяхъ, теорія эта также была приложена къ объясненію колядокъ и, не объясняя ихъ вполнѣ, тѣмъ не менѣе во многомъ помогла опредѣлить ихъ внутренній составъ. Разсматривали колядки, какъ матеріалъ историческій, опредѣляющій отраженіе въ народной памяти и фантазіи нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ древне-русской жизни. Были попытки выдѣленія изъ колядокъ житейскихъ, бытовыхъ явленій крестьянской жизни, напримѣръ, почитанія и прославленія хлѣба. Нельзя поэтому не признать, что изслѣдованіе литературы колядокъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленіе въ систематическомъ порядкѣ ея главныхъ явленій представляетъ привлекательную и важную задачу.

Во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ о колядкахъ говорится преимущественно о малорусскихъ колядкахъ. Такъ, въ главномъ

явленіи литературы этого предмета, «Обзорѣ поэтическихъ мотивовъ колядокъ» А. А. Потебни, разсмотрѣніе всякаго колядочнаго мотива начинается съ малорусскаго варіанта. Нѣкоторое исключеніе представляетъ лишь сравнительно-литературное изслѣдованіе о колядкахъ А. Н. Веселовскаго, гдѣ выдвинута на первое мѣсто румынская колядка, не въ силу, однако, какихъ-либо свойственныхъ ей преимуществъ, а въ силу прежде всего наклонности почтеннаго автора сводить рождественскіе обряды и пѣсни къ предполагаемому греко-римскому источнику, и за тѣмъ въ силу того обстоятельства, что А. Н. Веселовскій въ данномъ случаѣ опирался преимущественно на румынскаго ученаго Теодореску. Особенное вниманіе ученыхъ къ малорусскимъ колядкамъ объясняется ихъ многочисленностью, полнотою и художественными достоинствами.

Изученіе колядокъ съ миѳологической точки зрѣнія, начатое Снѣгиревымъ въ тридцатыхъ годахъ, съ найбольшей отчетливостью и, нужно добавить, со всѣми крайностями односторонней научной теоріи выразилось въ «Опытѣ историческаго обозрѣнія русской словесности» О. Ѳ. Миллера (ч. I, стр. 27—42) и въ «Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу» Аѳанасьева (преимущественно въ III томѣ, стран. 752—760). О. Ѳ. Миллеръ опредѣляетъ миѳическое значеніе колядокъ о трехъ теремахъ, о рожденіи солнца, о зарѣ, о громовникѣ и о мірозданіи. Примѣненіе свѣтилъ небесныхъ къ домохозяину и его семьѣ объяснено древнимъ вѣрованіемъ славянскихъ народовъ въ существованіе самостоятельной семьи небесной, златоверхіе теремы—символизаціей небесныхъ пространствъ, освѣщенныхъ солнцемъ, быстрое развитіе младенца Христа въ колядкахъ—исполински развивающимися силами весенней природы. Мать—дѣва, омывающая младенца въ ключевой водѣ, по миѳологической теоріи происходитъ отъ сохранившейся въ загадкахъ красной дѣвицы, роняющей ключи-росу, т. е. антропомфическаго образа зори, вино—отъ небесной влаги, дождя, райскія пташечки, выпивающія вино, это лучи солнечные, красивый молодецъ колядокъ—богъ громовникъ, золотая труба, въ которую онъ трубитъ и звуки которой приводятъ въ трепетъ людей и животныхъ—громъ и молнія. Аѳанасьевъ также находитъ въ колядкахъ и щедривкахъ «черты народныхъ воззрѣній,

идущія изъ глубочайшей древности,... преданія и образы, принадлежащіе язычесгву». Купаніе новорожденнаго Бога въ морѣ, появленіе въ домѣ свѣтилъ небесныхъ и святыхъ, «красный паничъ», подбрасывающій золотыя яблоки и перебирающій серебреные орѣшки, златорогіе волы—всѣ эти и другіе сходные имъ поэтическіе мотивы колядокъ объяснены Аѳанасьевымъ исключительно съ миѳологической точки зрѣнія, какъ символическое выраженіе солнца, грозы, молніи и т. п. Въ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, наприм., изслѣдованіи А. А. Потебни о колядкахъ и щедривкахъ, какъ и слѣдовало ожидать, сильно ограничена миѳическая сторона колядокъ и щедривокъ. Многое устранено, какъ подлежащее болѣе основательному объясненію съ точки зрѣнія литературнаго и бытоваго заимствованія. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать присутствія въ колядкахъ и щедривкахъ преданій, принадлежащихъ славянскому язычеству, религіозно-поэтическихъ представленій о внѣшнихъ силахъ и явленіяхъ природы. Къ числу найболѣе крупныхъ религіозно-миѳическихъ элементовъ колядокъ и щедривокъ принадлежатъ запѣвы съ Авсеня, съ восхода солнца, образъ чудеснаго дерева и нѣкоторые другіе.

При изученіи колядокъ и щедривокъ съ миѳологической точки зрѣнія въ основу клали малорусскія колядки и щедривки; но извлекаемые при этомъ выводы и предположенія относились къ отдаленному періоду въ жизни славянскаго племени, періоду до-историческому; вопросъ о значеніи собственно малорусской колядки въ ряду колядокъ славянскихъ, о трудѣ малорусскаго народа въ ея разработкѣ даже не затрогивался. Историко-литературные, археологическіе, историческіе, современно-бытовые и филологическіе элементы малорусскихъ колядокъ и щедривокъ въ сочиненіяхъ Миллера и Аѳанасьева пройдены молчаніемъ.

Уже Кулишъ въ «Запискахъ о южной Руси» высказалъ мнѣніе, что въ щедривкахъ находятся воспоминанія о древне-русскихъ князьяхъ. Мнѣніе это было впослѣдствіи распространено и на колядки, преимущественно въ изслѣдованіи Костомарова «Объ историческомъ значеніи южно-русской народной поэзіи» въ «Бесѣдѣ» 1872 г. Въ 1874 году вышелъ первый томъ «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» съ объясненіями В. Антоновича и М. Дра-

гоманова. Выдѣляя въ малорусской исторической поэзіи пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго въ особый отдѣлъ, В. Антоновичъ и М. Драгомановъ внесли сюда колядки и щедривки. «Нынѣшнее, преимущественно праздничное употребленіе этихъ пѣсенъ, говорится по этому поводу въ предисловіи, дѣлаетъ изслѣдователей наклонными къ апріорному мнѣнію, что въ нихъ можно найти исключительно миѳически-религіозный матеріалъ. Между тѣмъ, если даже не касаться той стороны дѣла, что вездѣ эпосъ историческій связывался съ эпосомъ миѳическимъ, врядъ-ли теперь *a priori* можно оспаривать то предположеніе, что если въ колядкахъ и щедривкахъ, не носящихъ на себѣ слѣдовъ христіанства, слѣдуетъ искать остатка древнѣйшаго русскаго славословія богамъ, то въ колядкахъ-же и щедривкахъ надо искать и древнѣйшихъ славословій героямъ и князьямъ». Исходя изъ этой мысли, издатели историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа на первыхъ-же страницахъ своего сборника предлагаютъ нѣсколько колядокъ, усматривая въ одной колядкѣ указаніе на образованіе дружиннаго отряда, въ другой указаніе на вождей дружины, въ третьей на раздѣлъ добычи между вождемъ и дружиною, въ четвертой на отраженіе набѣга, въ пятой указаніе на Ивана Берладника, въ шестой на князя Романа Волынскаго и т. д. Издатели не поскупились на объясненія и примѣчанія къ пѣснямъ. «Нужно замѣтить, писалъ по этому поводу г. Н. П. въ «Трудахъ кіев. дух. акад.» (1875 г. X. 156), что эти примѣчанія говорятъ гораздо больше, чѣмъ самая пѣсня, ими объясняемая. Какое нибудь собственное имя, попавшееся въ пѣснѣ, даетъ собирателямъ поводъ отыскивать въ лѣтописяхъ и запискахъ современниковъ подходящее имя и собирать всевозможныя историческія свѣдѣнія о немъ. Извѣстная историческая личность, вслѣдствіе этого, выступаетъ въ примѣчаніяхъ составителей сборника со всею рельефностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко возникаетъ вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли пѣсня говоритъ о томъ именно лицѣ и событіи, о которомъ (говорятъ) и примѣчанія составителей». Костомаровъ въ обширной и весьма содержательной рецензіи въ XII кн. «Вѣстника Европы» 1874 г. (стр. 527—629), не отрицая вообще присутствія историческаго элемента въ колядкахъ и щедривкахъ, въ частности не признаетъ историческими нѣкоторыя колядки, щедривки и гаивки, вошедшія въ сборникъ, напримѣръ, гаивки о Воротарѣ. «Въ числѣ

пѣсенъ, замѣчаетъ Костомаровъ, отнесенныхъ къ разряду пѣсенъ дружиннаго и княжескаго вѣка, нѣтъ ни одной, о которой можно было-бы сказать положительно, что она относится къ такому-то лицу или такому-то событію, извѣстнымъ намъ по лѣтописямъ... Неприложимость этихъ пѣсенъ къ единичнымъ лицамъ и событіямъ древнерусской исторіи не умаляетъ ихъ важнаго значенія для нашей бытовой исторіи». Костомаровъ не допускаетъ возможности, чтобы пѣсня, сложенная первоначально о какомъ-либѣ лицѣ или относившаяся нѣкогда исключительно къ одному какому-нибудь событію, могла сдѣлаться колядкою и примѣняться впослѣдствіи къ разнымъ лицамъ, въ родѣ церковнаго тропаря въ честь извѣстнаго разряда святыхъ угодниковъ, куда вмѣсто имрекъ стоитъ только вставить собственное имя, чтобы тропарь былъ пригоденъ къ лицу съ этимъ собственнымъ именемъ. Скорѣе колядка могла-бы обратиться въ пѣсню о какомъ нибудь событіи, какъ уже готовый матеріалъ, по сходству общихъ чертъ съ обстоятельствами случившагося событія. «Мы думаемъ, говоритъ Костомаровъ, что черты древняго дружиннаго и княжескаго вѣка, нѣкогда пережитаго народомъ, входили въ колядки не по воспоминанію о томъ или другомъ лицѣ, въ которомъ, по лѣтописямъ нашимъ, мы можемъ эти черты подмѣтить, а потому, что эти черты были вообще присущими нравамъ народа, складу его жизни, условіямъ его общественнаго строя, его нравственнымъ воззрѣніямъ и поэтическому вкусу». Указывая на неполноту взгляда гг. издателей на историческое въ памятникахъ народной поэзіи, какъ на отраженіе измѣненій исключительно общественнаго строя народа, Костомаровъ находитъ болѣе правильнымъ считать историческими народными пѣснями всѣ тѣ пѣсни, гдѣ выражается движеніе народной жизни въ какой-бы то ни было вѣтви ея», религіозно-обрядовой, общественной, семейной или экономической.

Не смотря на преднамѣренное исключеніе гг. издателями изъ сборника пѣсенъ, касающихся прошлаго состоянія религіозности, семьи и экономіи народа и не смотря на частныя погрѣшности въ примѣненіи колядокъ и щедривокъ къ отдѣльнымъ историческимъ лицамъ и событіямъ, сборникъ оказался настолько свѣтлымъ и свѣжимъ явленіемъ въ наукѣ, что вызвалъ многочисленныя рецензіи и критики и почти всеобщую похвалу, даже съ такой стороны, гдѣ

можно было ожидать лишь тенденціознаго порицанія. Кромѣ упомянутыхъ отзывовъ Костомарова и г. Н. П., въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ о сборникѣ дали отзывы Котляревскій, Н. Веселовскій, О. Ѳ. Миллеръ, г. Рамбо, А. А. Потебня. Наиболѣе подробнымъ былъ отзывъ Костомарова.

Нужно при этомъ замѣтить, что между взглядами на историческое значеніе колядокъ и щедривокъ В. Б. Антоновича и Н. И. Костомарова съ одной стороны и взлядами на тотъ-же предметъ со стороны нѣкоторыхъ рецензентовъ, напр. г. Н. П. въ «Трудахъ кіев. дух. акад.» съ другой стороны, обнаружилось принциніальное различіе. «Дѣлая примѣчанія, мы руководствовались, говорятъ гг. издатели сборника, кромѣ объясненія состава пѣсни, именъ и важнѣйшихъ предметовъ, въ ней упоминаемыхъ, главнымъ образомъ желаніемъ выписать изъ прозаическихъ источниковъ, туземныхъ и иностранныхъ, какъ можно болѣе матеріалу для того, чтобы можно было судить, насколько пѣсни, сохранившіяся въ памяти поселянина малорусскаго въ теченіи столькихъ вѣковъ, представляютъ поэтическое воспроизведеніе реальныхъ образовъ дѣйствительности этихъ вѣковъ, послѣдовательно смѣнявшейся». Въ другомъ мѣстѣ предисловія къ сборнику говорится, что объясненіе и систематическая группировка малорусскихъ пѣсенъ не только послужатъ источникомъ для исторіи малорусскаго народа, но и дадутъ возможность вѣрно оцѣнить творческую силу самаго народа, произведшаго и удержавшаго пѣсни въ памяти въ теченіе вѣковъ. Издатели хорошо знаютъ, что среди пѣсенъ есть бродячія, есть и поддѣльныя; и тѣ, и другія при этомъ выдѣляются, или совсѣмъ устраняются или объяснены сравнительно-литературными примѣчаніями. Важно то, что цѣль намѣчена вполнѣ ясно и отчетливо, что малорусская колядка и щедривка въ одномъ отношеніи, именно историческомъ, изучаются, какъ органическое проявленіе малорусской жизни, въ связи съ тою краевой почвой, которая ихъ возростила. Г. Н. П. въ своей рецензіи въ «Трудахъ кіев. дух. акад.» заботится прежде всего объ опредѣленіи родственныхъ связей Малороссіи съ Великороссіей и съ этою цѣлью стремится къ установленію тѣсной генетической связи между щедривками, колядками и гаивками съ одной стороны и великорусскимъ былиннымъ эпосомъ съ другой. Колядки, щедривки и гаивки являются у рецензента «мелкими произведеніями народной словесности», «зача-

точной поэзіей,» «первобытной словесностью,» «первобытнымъ достояніемъ славянъ, вынесеннымъ ими изъ арійской прародины своей и лишь слегка примѣненнымъ къ семейному и родовому быту нашихъ предковъ, который предшествовалъ эпохѣ княжеской.» Выходитъ, такимъ образомъ, что «эта первобытная словесность, воспринявъ въ слабой мѣрѣ слѣды исторической, княжеской эпохи, главнымъ образомъ сообщала темы для сѣверно-русскаго былеваго эпоса, развивавшаго эти темы подъ особыми историческими и географическими условіями» (т. X ст. 147). Разъ малорусская колядка поставлена въ такое служебное положеніе, естественно все вниманіе изслѣдователя должно перейти на сѣверно-русскую былину.

Въ сборникѣ Кольберга «Pokucie» (Krakow 1882 и 1883 г.) находятся, между прочимъ, двѣ галицкія колядки съ чертами вѣка дружиннаго и княжескаго. Указывая на сходство этихъ колядокъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ великорусскими былинами, М. Е. Халанскій въ своей диссертаціи о великорусскихъ былинахъ замѣчаетъ: «Болѣе точное и всестороннее обслѣдованіе малорусской пѣсенности должно выяснить дѣйствительныя отношенія великорусскихъ историческихъ воспоминаній къ малорусскимъ, равнымъ образомъ, опредѣлить дѣйствительную сумму малорусскихъ воспоминаній о до-казацкихъ временахъ. Наиболѣе пользы въ этомъ отношеніи должно принести изученіе малорусской народной поэзіи безъ великорусскихъ тенденцій. Не съ великорусскими былинами въ рукахъ, а съ лѣтописью нужно отыскивать слѣды древней исторіи въ современной малорусской пѣсенности. Не нужно считать непремѣнно древнимъ, старо-кіевскимъ только то въ малорусскихъ сказаніяхъ, о чемъ говорится въ великорусскихъ былинахъ. Данныя великорусскихъ былинъ сами по себѣ еще не могутъ служить критеріемъ древности извѣстнаго эпическаго факта. Сходныя черты въ сказаніяхъ малоруссовъ и великоруссовъ должны быть и онѣ есть: объясняются онѣ кровнымъ племеннымъ родствомъ и долговременнымъ сосѣдствомъ; но есть и разница между ними: причина ея лежитъ въ своеобычіи племенъ, составлявшемъ основную черту древней русской исторіи. Быть можетъ въ результатѣ изслѣдованія окажется, что малоруссы не уступаютъ великоруссамъ, если не въ количествѣ, то въ качествѣ воспоминаній о древнихъ (до-козацкихъ) временахъ» (Русск. Филолог. Вѣстн. 1885 г., т. III, стр. 151—152).

А. Н. Веселовскій въ 32 томѣ «Сборника отдѣленія рус. яз. и слов. акад. наукъ» 1883 г. предложилъ обширное изслѣдованіе о румынскихъ, славянскихъ и греческихъ колядахъ. Коляды разсмотрѣны имъ въ четырехъ главахъ: въ первой ихъ языческій элементъ, во второй христіанскіе мотивы колядокъ, въ третьей бытовые ихъ мотивы и въ четвертой мотивы балладные, эпическіе. Особнякомъ при этомъ стоитъ пространное и полное живаго интереса изслѣдованіе о святочныхъ маскахъ и скоморохахъ. Объ этомъ изслѣдованіи А. Н. Веселовскаго недавно говорилъ А. Н. Пыпинъ на страницахъ Вѣстника Европы и, такъ какъ оно не имѣетъ прямаго отношенія къ колядкамъ, то здѣсь можетъ быть опущено.

Въ небольшомъ введеніи къ изслѣдованію предложенъ краткій очеркъ римскихъ, осеннихъ и зимнихъ, праздниковъ: сначала очеркъ Врумалій въ честь ѳракійскаго Діониса отъ 24 ноября до 17 декабря, потомъ Сатурналій и Опалій отъ 17 до 23 декабря, Вотъ отъ 23 декабря до 1 января и наконецъ Каландъ отъ 1 до 5 января, которыя завершали цѣлый праздничный циклъ и празднованіе которыхъ было обще всему греко-римскому міру. «Это былъ праздникъ общей радости, братавшей сословія, возрасты и положенія; столованье и особливо попойки были въ разгарѣ... Въ ночь на 1 января веселая толпа бродила по улицамъ, съ пѣснями и плясомъ, свистомъ и гамомъ, стучась въ дома и будя хозяевъ шутками и насмѣшками. Рядились, дарили другъ друга, сыпали деньгами и попрошайничали»...

Останавливаясь на языческомъ элементѣ колядокъ, А. Н. Веселовскій отводитъ обширное мѣсто вліянію греко-римскихъ каландъ на славянскіе рождественскіе обряды и пѣсни. «Языческому чествованію новолѣтія, говоритъ А. Н. Веселовскій, подразумѣвая греко-римское язычество, церковь противопоставила свой собственный праздничный циклъ, рождественскій (съ 24 декабря по 6 января), языческимъ воспоминаніямъ—христіанскія, древнимъ маскамъ и играмъ—хожденіе со звѣздою и царями волхвами.... Старое и новое празднества стали рядомъ другъ съ другомъ, не безъ взаимнаго вліянія въ обѣ стороны: элементъ гаданія и пожеланій, ряженья и подачекъ объясняются въ чертѣ языческой обрядности; пѣсни о плугѣ, первоначально ей принадлежавшія, встрѣчаются въ числѣ малорусскихъ рождественскихъ колядокъ, какъ, наоборотъ, христіанскіе сюжеты послѣднихъ (святые гости, хожденіе Богородицы и т. п.)

проникли въ щедривки, т. е., пѣсни пріуроченныя къ чествованію языческаго новолѣтія, вмѣстѣ съ именами христіанскихъ святыхъ: свв. Василія (1 янв.) и Меланіи (31 дек.). Колядки пріютились подъ сѣнь церкви, взявшей подъ свой покровъ и рождественскую мистерію; онѣ поются въ Румыніи на ладъ священныхъ пѣсенъ, въ Малороссіи членами церковныхъ братствъ; это напоминаетъ колядныя общества средневѣковой Европы (fratres calendarum). Далѣе А. Н. Веселовскій останавливается на группѣ обычаевъ аграрнаго характера, какъ матеріалѣ святочнаго обряда и поэзіи, на «усенѣ» или «овсенѣ», сближаемомъ съ Сатурномъ по предполагаемому корню *sa*, *serere* въ Сатурнѣ и *сѣ*, сѣять (сл. причастія *сѣнъ* въ Усенѣ), на обрядномъ употребленіи свинаго мяса на рождественскихъ святкахъ, въ связи съ жертвоприношеніемъ свиньи въ римскомъ обиходѣ Сатурналій, на мимическомъ подраженіи «паканію» у галичанъ, малорусскихъ и румынскихъ плуговыхъ пѣсняхъ и встрѣчающихся въ малорусскихъ, румынскихъ и греческихъ колядкахъ пожеланіяхъ урожая. Изъ деталей представляетъ интересъ сближенія малорусскаго главнаго колядовщика «березы» съ румынскимъ названіемъ колядовщика «брезай» и съ болгарскимъ названіемъ святочной маски «брезая». Въ статьѣ о святочныхъ скоморохахъ А. Н. Веселовскій находитъ, что этимологія словъ *брезай*—береза (санскр. bhraj-fulgeo, румын. breoz=пестрый, разноцвѣтный) приводитъ къ обычному костюму древнихъ мимовъ, такъ назыв. centunculus, пестрому платью, сшитому изъ разноцвѣтныхъ лохмотьевъ.

Указывая въ началѣ обзора христіанскихъ мотивовъ колядокъ на большое сходство румынскихъ и малорусскихъ колядокъ, г. Веселовскій предполагаетъ перенесеніе готовыхъ типическихъ и символическихъ образовъ изъ одной среды въ другую, именно, изъ румынской и, можетъ быть, греческой въ южнорусскую. «Вмѣстѣ съ проповѣдью христіанства, говоритъ г. Веселовскій, могли переселяться не только церковные, но и народные обряды, удержавшіеся случайно подъ сѣнію церкви и прикрытіемъ хрістіанскаго святаго, а съ обрядомъ переселялись и сопровождавшія его пѣсни—оригиналы нашихъ щедривокъ, какъ тѣмъ-же путемъ могли заходить оригиналы собственно христіанскихъ, рождественскихъ пѣсенъ... Святочный циклъ, обнимавшій время отъ Рождества до Крещенія, исчерпывался главнымъ образомъ идеями обоихъ празднествъ; но вокругъ нихъ сгруп-

пировались другія, по аналогіи и смежности, по наивному смѣшенію, иногда по глубокому символизму: отъ рожденія Спасителя колядка переходила послѣдовательно къ его страданію, охватывая весь циклъ евангельскихъ повѣстей и апокриѳовъ о жизни Христа и обобщая ихъ въ своемъ образномъ символизмѣ.» Указывая въ колядкахъ сюжеты, навѣянные христіанскими воспоминаніями, г. Веселовскій указываетъ на слѣдующіе христіанскіе мотивы малорусскихъ и сродныхъ съ ними румынскихъ колядокъ.

Крещеніе Спасителя, понятое простодушно, какъ крещеніе совершенное надъ младенцемъ Іисусомъ. Богородица купаетъ—креститъ Спасителя; пеленаетъ Его въ шелковыя пеленки, бѣлитъ ризы Господа на тихомъ Дунаѣ.

Дерево или три дерева на горѣ; изъ нихъ рубятъ кресты, стявятъ церковь.

Въ чистомъ полѣ стоитъ груша; съ нея упала роса на траву, стала криница. Господь и св. Петръ купаются въ ней и пререкаются, что больше, земля или небо. Дерево въ иныхъ варіантахъ замѣняется церковью.

Происхожденіе вина (или Дуная) изъ крови, пролитой Спасителемъ на крестѣ; о страданіяхъ Христа и проклятой ивѣ.

Исканіе, преслѣдованіе жидами новорожденнаго Спасителя въ лѣсу, травѣ, горахъ.

Проклятіе «осики» и «терня» за то, что они не поклонились Христу во время бѣгства Богоматери въ Египетъ.

Выбранные изъ колядокъ христіанскіе мотивы служатъ достаточнымъ доказательствомъ общаго положенія о присутствіи въ колядахъ христіанскаго элемента. Нельзя однако не замѣтить, что подъ нѣкоторыми изъ приведенныхъ мотивовъ, напримѣръ мотивами о деревѣ и винѣ, лежатъ образы древняго миѳа, быть можетъ, основнаго славянскаго или даже арійскаго, и самое христіанское наслоеніе можетъ относиться къ весьма позднему времени.

При разсмотрѣніи бытовыхъ мотивовъ колядокъ А. Н. Веселовскій останавливается почти исключительно на свѣтскомъ сюжетѣ идилически-сентиментальной любви, встрѣчающемся въ румынскихъ колядкахъ. Въ малорусскихъ колядкахъ и щедривкахъ ничего подобнаго не встрѣчается. Малорусская колядка серьёзна, и эротическій элементъ почти не коснулся ея. Остановившись на бытовыхъ чер-

тахъ балладнаго характера, А. Н. Веселовскій обходитъ молчаніемъ малорусскія колядки, такъ какъ встрѣчающіяся въ нихъ бытовыя черты совсѣмъ другаго характера. Въ одномъ только мѣстѣ г. Веселовскій мимоходомъ указываетъ на встрѣчающійся въ малорусской колядкѣ мотивъ: на шелковой травѣ стоитъ наметъ, гдѣ на золотомъ стулѣ сидитъ «можный панонько»... «двома яблучки пидкидаючи»... «Швыряніе яблока, палицы, буздыгана, копья подъ облака и подхватываніе ихъ руками является выраженіемъ удали, общимъ эпическимъ мѣстомъ, встрѣчающимся и въ греческомъ, и во французскомъ эпосѣ» (стр. 260). Въ общемъ замѣчаніе это несомнѣнно вѣрно; но въ частности, въ приложеніи къ подбрасыванію яблока, можетъ быть другое толкованіе. Мнѣ кажется, что подбрасываніе яблока прежде, чѣмъ сдѣлаться въ пѣсняхъ выраженіемъ удали,— по аналогіи съ подбрасываніемъ палицы, было въ дѣйствительной жизни опредѣленнымъ свадебнымъ дѣйствіемъ, позднѣе обрядомъ, и лишь постепенно перешло отъ частнаго значенія свадебнаго обряда въ locus communis народной поэзіи. У сербовъ женихъ бросаетъ въ свояченицу яблокомъ; она отвѣчаетъ ему тѣмъ-же. У поляковъ, чеховъ и сербовъ или женихъ даритъ на свадьбѣ яблоко невѣстѣ или невѣста жениху. Въ черногорской свадебной пѣснѣ:

Прстен дава Янко харамбаша,
За прстеном јабуке се маша,
У њу мече до десет дуката,
Све дуката от чистого злата.

У болгаръ позолоченное яблоко втыкаютъ на верху свадебнаго знамени. Встрѣчается обрядовое яблоко и въ классической древности; у грековъ и римлянъ молодые послѣ свадьбы ѣли айву, чтобы были дѣти. Основное значеніе свадебнаго яблока, какъ символа солнца, въ славянскихъ обрядахъ и пѣсняхъ выразилось ясно и отчетливо, напримѣръ, въ малорусской пѣснѣ:

Котилось яблучко
Съ горы до долу;...
Часъ вамъ, дивочки,
Изъ гуляння до дому.

Какъ извѣстно, у древнихъ египтянъ и персовъ яблоко также было символомъ солнца. Обрядное употребленіе яблока на свадьбахъ,

какъ символъ чадородія, представляетъ дальнѣйшее развитіе символическаго его значенія; въ связи съ свадебнымъ обряднымъ яблокомъ стоитъ пѣсенный мотивъ подбрасыванія яблока для обозначенія, сначала, пожеланія плодородія, потомъ для обозначенія удали.

Останавливаясь на балладныхъ, эпическихъ мотивахъ колядкахъ, А. Н. Веселовскій замѣчаетъ, что колядки «свѣтскаго» содержанія развились изъ элемента пожеланій и славленія непремѣнно присутствующаго въ рождественской пѣснѣ и видоизмѣнявшагося, смотря по возрасту, полу и состоянію тѣхъ членовъ хозяйской семьи, къ которымъ обращались колядовщики. Хозяину сулилось семейное счастье и довольство, дѣвушкѣ счастливый бракъ и любовь, какъ рыбаку удача. Эпическая обработка этого мотива представляла это желанное осуществившимся: хозяинъ живетъ въ довольствѣ и счастливъ семьею, молодецъ — любовью и т. д. Созданная такимъ образомъ поэтическая гипотеза развивалась въ колядкѣ реальными чертами, и это открывало въ ея циклъ доступъ готовымъ пѣсеннымъ, лирическимъ и балладнымъ сюжетамъ, иногда сказочнымъ мотивамъ, насколько тѣ и другіе являлись примѣнимыми къ данному лицу и положенію... Чѣмъ богаче былъ жизненный путь, открывавшійся впереди тому или другому лицу, тѣмъ разнообразнѣе должно было быть содержаніе относящихся къ нему колядокъ. Отъ того колядки, обращенныя къ дѣвушкѣ, бѣднѣе обращенныхъ къ мальчику, парню, которыхъ могли ожидать впереди обаяніе власти и славы подвиговъ. Идеалъ «брани», преимущественно воспѣваемый въ колядкахъ этого рода, можетъ служить относительнымъ указаніемъ ихъ древности». Поясняя далѣе свои положенія примѣрами, А. Н. Веселовскій отрицаетъ реальное содержаніе въ малорусской колядкѣ (у Чубинскаго, № 1): «мать годуетъ, выправляетъ сына и посылаетъ въ войско, гдѣ, не смотря на ея совѣтъ—держаться позади, онъ выѣзжаетъ впередъ, совершаетъ чудеса храбрости и беретъ въ плѣнъ турецкаго царя». Нельзя признать за этимъ отрицаніемъ достаточнаго основанія. Малорусскія пѣсни о Коновченкѣ или Вдовиченкѣ и другія сродныя по мотиву, совокупно съ обозначенной, повидимому, выродившейся изъ исторической пѣсни колядкой, такъ полны жизни, настолько реальны въ бытовомъ смыслѣ, что невольно возникаетъ мысль о мѣстномъ, южно-русскомъ ихъ происхожденіи, и предлагаемая авторомъ для сравненія румынская ко-

лядка, крайне далекая по содержанію и тону отъ малорусской колядки, не даетъ повода видѣть здѣсь заимствованіе пѣсеннаго мотива или пѣсенное locus communis. Гораздо убѣдительнѣе представляется высказываемое въ концѣ изслѣдованія мнѣніе о близкомъ родствѣ встрѣчающихся въ малорусскихъ и румынскихъ колядкяхъ мотивовъ «похвальбы конемъ» и «бесѣды коня съ молодцомъ».

Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедривокъ» А. А. Потебни, растянувшійся въ «Русск. Филолог. Вѣстникѣ» 1884 и 1885 годовъ, уже въ той своей части, которая напечатана, представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ научную разработку народной поэзіи. Прежде колядка служила средствомъ, пособіемъ: изученіе колядокъ обусловливалось желаніемъ опредѣлить религіозно-миѳическое міросозерцаніе народа или отыскать въ современной жизни народа воспоминанія о давно прошедшихъ историческихъ лицахъ и событіяхъ, или наконецъ указать вліяніе на славянскіе народы греко-римской поэзіи и обрядовъ. Въ изслѣдованіи А. А. Потебни колядка поставлена цѣлью изученія, и уже различіе въ точкѣ зрѣнія на предметъ и въ отношеніи къ предмету изслѣдователя повело къ новымъ выводамъ и умозаключеніямъ, такъ сказать, углубившимъ и расширившимъ фарватеръ научнаго изученія колядокъ. Въ изслѣдованіи г. Потебни колядки и щедривки разложены на составные элементы, разобраны по мотивамъ и разобраны съ большой эрудиціей и съ образцовой научной строгостью въ обоснованіи выводовъ внимательно провѣренными фактами.

Въ первой главѣ изслѣдованія говорится о размѣрѣ колядокъ и щедривокъ. За немногими исключеніями, отчасти объясняемыми смѣшеніемъ и взаимодѣйствіемъ поэтическихъ формъ, стихъ малорусской колядки есть (5+5) съ припѣвомъ. Встрѣчаются небольшія уклоненія размѣра отъ нормы, или увеличеніе числа слоговъ до 6, или уменьшеніе до 4. По размѣру, при сходствѣ содержанія, къ одному разряду съ малорусскими колядками относятся галицкія весеннія (царинныя), бѣлорусскія волочебныя, или великоднія и великорусскія «виноградья», или колядки съ припѣвомъ «виноградье красно-зеленое». Щедривкамъ преимущественно свойственъ размѣръ (4+4).

Изрѣдка четырехсложная стопа замѣняется пяти и шестисложной. Размѣръ греческихъ колядокъ (8+7) не сходенъ съ славянскими, а размѣръ румынскихъ (5+5, 4+4, 6+6) указываетъ на связь ихъ съ славянскими.

Во второй главѣ говорится о времени колядованья и щедрованья. Малорусская колядка—рождественская величальная пѣсня, затѣмъ славленіе, самый обходъ съ такими пѣснями—примыкаетъ къ малорусскому-же тѣсному значенію слова коляда́—вечеръ 24 декабря. Это значеніе древнѣе восточно-малорусскаго обычая начинать колядованье съ вечера перваго дня Рождества Христова. Гоголь («Ночь подъ Рождество») могъ еще въ полтавской губерніи зазнать обычай начинать коляды съ «багатои кутьи», т. е. 24 декабря, существованіе коего подтверждается старинными сѣверными и южными и новыми свидѣтельствами, Стоглавомъ, царскими и патріаршими указами, густинскою лѣтописью, этнографическими статьями Купчанки, Шейна.

Изъ словъ, относящихся къ колядованію, въ этой главѣ объяснены самое слово коляда въ разныхъ его значеніяхъ, малорусское слово ралець, встрѣчающееся въ старинныхъ царскихъ грамотахъ и нынѣ въ Галиціи слово полазъ, названія Усень, Овсень, Авсень, Таусень, Бауцень. Считая названія Овсень, Таусень производными изъ пѣсеннаго произношенія Усеня: ой Усень, та Усень, А. А. Потебня за основную форму принимаетъ Усень и сближаетъ слово *усень* по корню съ литовскимъ *auszra*, латинскимъ *aurora*, санскрскимъ *усра*, *ушас* утренняя заря, утро, заря, какъ божество. Такое объясненіе Усеня представляетъ тотъ, такъ сказать, практическій интересъ, что разъясняетъ свойственное многимъ колядкамъ начало съ восхода солнца: «ой рано, рано сонце сходило», или съ однихъ словъ: «ой рано, рано», «ой раненько».

Въ третьей главѣ излагается цѣль колядокъ и щедривокъ, согласно съ тѣмъ, какъ она опредѣлена въ самихъ пѣсняхъ, въ послѣсловіяхъ, или «поколядяхъ». Цѣль эта—«димъ звеселити». Хотя иные поэтическіе мотивы колядокъ и щедривокъ, говоритъ А. А. Потебня, между прочимъ, взятые изъ христіанскихъ легендъ, первоначально ничего общаго съ величаньемъ не имѣютъ; но и они въ значительной степени подчинены главной цѣли этихъ пѣсенъ, именно величанью, возведенію лица, къ коему обращена пѣсня къ идеаль-

нымъ положеніямъ: къ значенію міровому, къ высокому общественному положенію, къ блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты... На всѣхъ ступеняхъ развитія потребность счастья, блеска, могущества требуетъ удовлетворенія хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній культурный человѣкъ не могъ-бы подавить свѣтлой улыбки, если-бы ему и о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится;
Ой по лугу ѣдетъ—лугъ зеленѣетъ;

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и проклятія. Они и до нынѣ держатся не только одною инерціею, но и самой этой вѣрой»... Указавъ далѣе на различныя проявленія внесенія поэтическаго образа въ объясняемое и на важное значеніе въ жизни и въ поэзіи заключенія по почину, т. е. наклонности человѣка настоящее, какъ начало ряда событій, считать образомъ будущаго, А. А. Потебня замѣчаетъ, что обрядныя величанья пережили время господства миѳическаго мышленія, сохранивъ лишь ту практичность, которая составляетъ неотъемлемое свойство поэзіи. «Вѣра въ непосредственную силу слова, какъ явленіе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣмъ не менѣе колядка могла остаться при практическомъ значеніи другаго рода, какъ пожеланіе, какъ попытка водворить «въ человѣцѣхъ благоволеніе». Отсюда естественно вытекаетъ, что колядки изображаютъ свѣтлую, желанную сторону жизни, и колядники—«гости любыи, угодные».

Въ той-же главѣ находятся спеціальныя замѣтки по детальнымъ вопросамъ, о сочетаніи понятій и словъ «свѣтъ, зелень, веселье, слава» въ приложеніи къ колядкамъ, о значеніи словъ чары и ворожба, о частныхъ случаяхъ безсилія мысли разграничить восприятіе съ одной стороны и его пониманіе съ другой, о припѣвѣ «ой лелю» и родственныхъ съ нимъ литовскихъ и румынскихъ припѣвахъ.

Въ IV главѣ, начальной въ разсмотрѣніи мотивовъ, рѣчь идетъ о мотивѣ: колядники будятъ господаря и сказываютъ ему радость

на дворѣ. Въ однѣхъ колядкахъ мотивъ этотъ изложенъ ясно и опредѣленно, въ другихъ онъ затемнился; обращенія «чи чуешъ», «встань гори» и проч. теряютъ связь съ дальнѣйшимъ содержаніемъ колядокъ и становятся припѣвомъ, какъ-бы формальнымъ опредѣленіемъ категоріи этихъ пѣсенъ. Особенно подробно разобрано встрѣчающееся въ началѣ болгарскихъ пѣсенъ выраженіе «Станенине», съ разъясненіемъ его происхожденія изъ «въ(з)стани нынѣ». При разсмотрѣніи означеннаго мотива приняты во вниманіе тѣ случаи, когда господаря будитъ «ластивка», «зозуля», «соловей».

Въ V главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: «зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, сказываетъ вѣсть, радость», въ зависимости и въ связи съ народно-поэтическими представленіями мѣсяца и звѣзды денницы, ихъ видимой близости и видимаго удаленія, какъ любовнаго свиданія и брака, ссоры и разлуки.

Въ VI главѣ рѣчь идетъ о мотивѣ «Три радости. Богъ, царь или панъ зовутъ, дарятъ», насколько проявляется этотъ мотивъ въ колядкахъ, волочебныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ величаньяхъ. Между прочимъ здѣсь высказано замѣчаніе, что баллада Мицкевича «Будрысъ и его три сына» въ общемъ представляетъ величальный мотивъ: «съ трехъ дорогъ три корысти», причемъ дорога понята въ тѣсномъ смыслѣ, какъ путь, военный походъ.

Въ VII главѣ разсмотрѣно величаніе воловъ, сохи, плуга, оранья и сѣянья. Величаніе этихъ предметовъ и дѣйствій есть величаніе хозяина, его радость. Съ величаньемъ плуга связаны различные обряды, обходъ съ плугомъ, символическое пахаріе и т. п., а также различныя поэтическія сказанія, въ родѣ скиѳскаго сказанія о Таргитаусѣ и трехъ его сыновьяхъ.

Въ VIII главѣ, въ связи съ предъидущимъ мотивомъ, разсмотрѣнъ мотивъ «Богъ оретъ, святые помагаютъ», въ результатѣ котораго урожай, сборъ хлѣба; въ концѣ главы приведены нѣкоторыя относящіяся сюда апокриѳическія сказанія.

Въ IX главѣ говорится о мотивѣ: «сѣяніе, вѣяніе золота, серебра», съ ссылкой на латышскія пѣсни, гдѣ солнце сѣетъ чистое серебро. По этому мотиву царинныя пѣсни (у Лемковъ) сближаются съ колядками, причемъ самый образъ «засѣванія золотомъ» имѣетъ прямое отношеніе къ урожаю. Видоизмѣненіемъ мотива сѣянія золота и серебра представляется мотивъ объ ораніи копьемъ или

мечемъ и сѣяніи стрѣлами, мотивъ, восходящій по времени къ «Слову о Полку Игоревѣ».

Въ X главѣ говорится о мотивѣ: «Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ скотъ, мѣряетъ деньги» и пр.

Въ XI главѣ мотивъ: «Господь со святыми или святые обходятъ хозяйское поле».

Въ XII главѣ мотивъ: «Господарь готовится встрѣчать, угощать годовыхъ гостей, колядниковъ, Бога или святыхъ». Въ этой главѣ, между прочимъ, указано на сближеніе въ колядкахъ гостя и Бога, Бога и Дали и указано на значеніе словъ «молить» въ смыслѣ приносить въ жертву, зарѣзать, и «молитва», въ смыслѣ каши, кутьи, жертвеннаго блюда. «Такія черты колядокъ, какъ обходы Бога и святыхъ, умноженіе ими добра, приглашеніе ихъ въ домъ и угощеніе, изображеніе урожая, ведутъ къ сближенію колядокъ съ обжиночными пѣснями»,—говоритъ г. Потебня и разсматриваетъ при этомъ обряды съ снопомъ «дѣдомъ» и съ хлѣбомъ «крачуномъ». Особенный интересъ представляетъ новое объясненіе встрѣчающагося въ бѣлорусскихъ обжиночныхъ и въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ слова «рай». Принимая во вниманіе сходство свадебныхъ пѣсенъ съ обжиночными по размѣру и содержанію, А. А. Потебня допускаетъ переходъ свадебныхъ пѣсенъ въ дожиночныя и тожественность нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ образовъ и выраженій, въ частности рая, причемъ слово «рай» въ свадебныхъ пѣсняхъ служитъ эпитетомъ коровая, а въ обжиночныхъ пѣсняхъ—эпитетомъ жатвеннаго вѣнка или снопа. Происхожденіе-же самаго эпитета «рай» объяснено изъ свадебныхъ пѣсенъ, гдѣ коровай посланъ отъ Бога, «зъ раю», и изъ свадебнаго-же наименованія обряднаго деревца гильца или вильца райскимъ деревцомъ, рай-деревцомъ или только рай. Выходитъ въ данномъ случаѣ, что существительное аттрибутивное, вытѣснивъ свое опредѣляемое, стало на его мѣсто.

Въ XIII главѣ разобранъ мотивъ: «Обходъ съ козою», въ связи съ относящимися сюда святочными обрядами и въ связи съ дожиночнымъ завиваніемъ бороды (Волосу, Ильѣ, Спасу). И пѣсни, и обряды, сюда относящіеся, представляютъ остатокъ вѣрованія, что душа нивы, сѣножати и растенія вообще есть «козло» или козообразное существо (какъ и Фавнъ, Сильванъ), преслѣдуемое жне-

цами и скрывающееся въ послѣдній не сжатый пукъ колосьевъ или послѣдній снопъ.

Въ XIV главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: «солнце, мѣсяцъ и дождь, или два святые и Богъ спорятъ о силѣ», въ связи съ подобными сказочными мотивами, причемъ указано на связь мѣсяца съ морозомъ въ пѣсняхъ, повѣрьяхъ и загадкахъ. Далѣе разобранъ мотивъ: «три овчаря или одинъ овчарь съ тремя трубами», съ указаніемъ, что въ колядкахъ съ этимъ мотивомъ заключена апоѳеоза овчаря и его трубы, причемъ до-христіанскіе образы небесныхъ музыкантовъ и пастуховъ, каковы, между прочимъ, Панъ, Аполлонъ, Гандарвы, замѣнены Богомъ и святыми, Николаемъ, Юріемъ и др.

Въ XV главѣ разобранъ мотивъ: «чудесное дерево; съ него три корысти», съ указаніемъ, между прочимъ, на моравскій обычай носить, во время колядованія «счастье»—березовую или хвойную вѣтку, украшенную яблоками и кусочками сукна. «Отождествленіе чудеснаго дерева (колядокъ), говоритъ А. А. Потебня, съ вѣтвистыми облаками не только не противорѣчитъ земному происхожденію этого образа, но прямо предполагаетъ его. Человѣкъ, заключая отъ близкаго и извѣстнаго къ далекому и неизвѣстному, переноситъ на небо свою земную обстановку и затѣмъ, когда этимъ она измѣнена, освящена и возвеличена, приписываетъ ей, въ ея земномъ видѣ, свойства, полученныя ею на небѣ. Такъ установляется идеальная связь мірозданія... Трудность изслѣдованія заключается между прочимъ въ опредѣленіи того, на какой точкѣ своего пути отъ близкаго къ далекому и обратно мысль захватила тѣ или другіе признаки». При разсмотрѣніи колялнаго мотива о чудесномъ деревѣ подробно разобраны многія сюда относящіяся пѣсенныя детали: «птица на верху дерева, кипарисное дерево, гусли, райское дерево плыветъ, дерево везутъ». Указывая на основное религіозно-миѳическое происхожденіе обрядовъ и пѣсенъ разсматриваемаго мотива, профес. Потебня выдѣляетъ возможные апокриѳическіе элементы, заимствованные изъ «Бесѣды Іерусалимской» и изъ «Сказанія о крестномъ деревѣ».

Въ XVI главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: «орелъ или соколъ сидитъ на деревѣ и говоритъ съ рыбой; орелъ перо ронилъ».

Въ XVIII главѣ—мотивъ: «три сокола; добыча ихъ (перепелъ, рыба и проч.)—пану корысть». Обобщеніемъ добычи соколовъ служитъ то, что они приносятъ господину радость, «здравіе и веселіе».

Въ XVIII главѣ—мотивъ: «соколъ, хортъ и конь»; соколъ несетъ рыбу, хортъ куницу, конь ведетъ стадо—все на радость пану, домохозяину.

Въ XIX главѣ—мотивъ: «соколъ или орелъ переноситъ невѣсту черезъ воду. Соколъ—сватъ». Въ этой главѣ находятся замѣтки о присутствіи разсматриваемаго мотива въ былинахъ о Михаилѣ Казарянинѣ, указаніе возможнаго происхожденія слова Казарянинъ отъ личнаго имени Козаринъ и разложеніе былинъ о Казарянинѣ на составныя части (описаніе коня, полонянка, кровосмѣшеніе и проч.). Останавливаясь на запѣвѣ: соколъ видитъ то-то, запѣвѣ, обусловленномъ стремленіемъ пѣвцовъ къ конкретности образа, А. А. Потебня разбираетъ малорусскую думу объ Олексіи Поповичѣ, причемъ разсматриваетъ сначала запѣвъ ея: «на Чорномъ морѣ, на камнѣ сидитъ соколъ и поглядаетъ на море», гдѣ начинается буря, затѣмъ, «въ видѣ отступленія», останавливается на нѣкоторыхъ другихъ чертахъ думы, на обычномъ дѣленіи идеальнаго поля зрѣнія на три части (судна козацкія буря разбила на три части и разнесла на три стороны) и выкупѣ головою. Не находя повода производить малорусскаго Алексѣя Поповича отъ былиннаго Алеши Поповича, А. А. Потебня находитъ возможнымъ происхожденіе основныхъ мотивовъ думы изъ пѣсенъ южныхъ славянъ, причемъ вниманію читателя предлагается замѣчательная болгарская пѣсня про Станковича Дуку (изъ сборника Миладиновыхъ, стр. 65), гдѣ изъ стихій малорусской думы находятся: буря на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣхъ противъ матери и сестры и поздравленіе слушателямъ.

Въ XX главѣ разсмотрѣны мотивы объ оленѣ и турѣ: лань указываетъ охотнику невѣсту; олень обѣщаетъ стать въ пригодѣ; олень или туръ N—у корысть; на рогахъ оленя величаемая дѣвица или молодецъ. Въ изображеніи охоты «за чорнымъ туромъ» въ малорусскихъ колядкахъ А. А. Потебня усматриваетъ древнія бытовыя черты, напоминающія охоты Владиміра Мономаха, причемъ тѣ малорусскія колядки, въ которыхъ говорится, что «газдыня» посылаетъ слугъ поймать въ шелковыя сѣти «дивнаго звиря тура—оленя», относитъ ко времени гораздо раньше конца XVI ст., когда туръ (Urus), большой дикій быкъ, черный, съ свѣтлою полосою вдоль спины, былъ еще обычной дичью.

Въ XXI главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: «куна въ дереви, дивка въ териеми», съ разъясненіемъ «законныхъ рѣчей» про куницу во время сватовства.

Двадцать первой главой въ третьей книжкѣ «Русск. Филолог. Вѣстн.» 1885 г. (вышла въ ноябрѣ) изслѣдованіе А. А. Потебни не оканчивается. Вѣроятно, еще долго будетъ тянуться печатаніе этого почтеннаго труда, такъ какъ за два года напечатано всего около половины изслѣдованія. Судя по тому, что напечатано, можно надѣяться, что предпринятое А. А. Потебней разложеніе колядокъ на мотивы, обстоятельный обзоръ ихъ содержанія, при полномъ вниманіи ко всѣмъ мелочамъ колядокъ относительно образовъ и словъ, вообще въ высшей степени тщательный и подробный научный анализъ дастъ возможность опредѣлить внутреннее родство колядокъ и свести ихъ въ нѣсколько семействъ.

Останавливаясь на детальныхъ вопросахъ, г. Потебня часто предлагаетъ объясненія непонятныхъ или малопонятныхъ малорусскихъ словъ и выраженій. Вообще въ изслѣдованіи разбросана масса замѣчаній о лексической сторонѣ малорусскаго языка.

При сравнительно-литературномъ изученіи колядокъ и щедривокъ, опирающемся на сопоставленіи сходныхъ колядочныхъ мотивовъ разныхъ народовъ, въ сторонѣ, въ тѣни, остается проницающее ихъ народное начало, своеобразныя черты народности, краевыя особенности. Между тѣмъ, національная окраска колядокъ и щедривокъ, выражающаяся въ своеобразіи поэтическихъ, нравственныхъ и бытовыхъ мотивовъ, представляетъ большой и разносторонный интересъ, какъ выраженіе того, чѣмъ живетъ и держится нынѣ колядка. Печать духа народнаго лежитъ на общемъ складѣ колядокъ и щедривокъ, и на отдѣльныхъ ихъ подробностяхъ. Отъ степени народности пѣсни зависитъ степень ея нравственной убѣдительности и поэтической силы. Проникающимъ колядки народнымъ началомъ часто скрадывается недостатокъ разработки взятаго мотива и сложный составъ колядки изъ элементовъ, возникшихъ въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ.

При изученіи миѳической стороны колядокъ и щедривокъ также сплошь и рядомъ упускаются изъ виду ихъ поэтическія и нравствен-

ныя стороны. Между тѣмъ бытовая правда и нравственныя черты колядокъ имѣютъ цѣну и для этнографа, и для историка культуры. О миѳическомъ значеніи добраго молодца и красной дѣвицы народъ давно забылъ, и миѳическій элементъ потерялъ для него всякое значеніе, тогда какъ проникающіе колядки поэтическіе и нравственные элементы продолжаютъ дѣйствовать на народъ въ воспитательномъ смыслѣ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующую превосходную колядку въ честь домохозяина и въ особенности его жены:

У нашого пана хороша пани,
Богъ ёму давъ славную жену въ ёго дому!
По двору ходыть, якъ мисяць. сходыть;
По синцяхъ ходыть, якъ зоря сходыть.
Садыла сынки въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.
Сыночки зросли—у школу пишлы,
А дочки зросли—у швачки пишлы,
Сыночки идуть—книжечки несуть,
А донечки идуть—хусточки несуть:
Книжечки на стилъ, батеньку до нігъ,
А донечки хусточки на пилъ, матюнци до нігъ.

(Чуб., т. III, стр. 404).

Что тутъ можно взять для миѳологіи, исторіи или литературнаго заимствованія? Очевидно, ничего. Между тѣмъ, превосходное поэтическое и нравственно-воспитательное произведеніе на лицо; оно вошло въ сборникъ Метлинскаго, потомъ Чубинскаго, и отсюда можетъ быть извлечено съ извѣстными нравственно-практическими цѣлями; оно до сихъ поръ циркулируетъ гдѣ-нибудь въ глуши, на Волыни или въ Полтавщинѣ, заключая въ себѣ идеальныя стремленія крестьянина къ возможно-лучшему устройству семейной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше, полнѣе и нравственнѣе нарисованной въ колядкѣ картинки крестьянской семейной жизни: домохозяйка—хорошая жена, хорошая мать; сыновья грамотны; дочки—мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвалой

семьи похваляется уже и самъ хозяинъ, по тому соображенію, что отличное въ нравственномъ отношеніи положеніе семьи необходимо предполагаетъ въ отцѣ семейства человѣка разумнаго и нравственнаго. Нельзя не замѣтить, что въ колядкѣ, между прочимъ, отразился народный взглядъ на ученіе, грамотность, книгу, какъ на благо, при томъ условіи, когда между родителями и дѣтьми сохраняется тѣсная нравственная связь.

Подобнымъ житейскимъ, бытовымъ характеромъ отличаются многія другія колядки и щедривки, можно сказать, значительное большинство колядокъ и щедривокъ. Одинъ разрядъ колядокъ прославляетъ домохозяйку, сыновей и дочерей домохозяина; другой разрядъ состоитъ въ обрисовкѣ желаемаго довольства, богатства, представляемаго осуществившимся. Похвала женѣ выражается, между прочимъ, словами:

Хорошую жинку маешъ,
Хорошенько еи поважаешь:
Якъ чашечка у меду,
Якъ барвинокъ у саду,
Якъ барвинокъ въ саду процвитае.

(Чуб., т. III, стр. 453).

Похвала сыну выражается въ указаніи, что онъ собирается жениться, «коня строитъ,» чтобы привести отцу хорошую «невѣстку‘» не изъ тѣхъ дивчатъ, что «танокъ водять», а изъ тѣхъ, что на «хорошей нивѣ», за которыми «снопки густыи» (Чуб., т. III, стр. 416, 464). Похвала дочери въ словахъ: «до церкви йшла, якъ зоря зойшла, а зъ церкви йшла красною панною»; паны ее встрѣчаютъ, шапки снимаютъ». (Чуб., т. III, стр. 395).

Обрисовка желаемаго богатства и довольства выражается въ колядкахъ и щедривкахъ обыкновенно въ той формѣ, что Господь ходитъ «по обори и лагодыть волы по три плуги, бычки—третячки та й по чотыри; ходыть по стаенци и лагодыть кони на три бороны, лошаки—стрижаки та й по чотыри; ходыть по току, та й все лагодыть, кладе стижкы та й въ три рядки, яру пшеницю та по чотыри; ходыть по пасици, та й все лагодыть пчолки на три ряды» и т. д. (Чуб., т. III, стр. 347). Во многихъ колядкахъ и щедривкахъ разработываются отдѣльные мотивы этихъ пожеланій—о хорошемъ урожаѣ

хлѣба, о большомъ приплодѣ скота (Чуб., т. III, стр. 454), о роеніи пчелъ, напримѣръ, въ слѣдующей превосходной бытовой колядкѣ:

Шумить, гуде, дубровою йде...
Пчолонька-мати пчолоньку веде:
Пчолоньки мои, дитоньки мои,
Ой дежъ мы будемъ при саду мати
Рои роити и меды носити?
Будемо мы при саду рои роити
И меды носити у пана-господаря,
У його бортяхъ и въ його новыцяхъ:
Медокъ сладокъ пану-господару,
Жовтые воски Богу на свичу.
За симъ же словомъ дай бувай здоровъ.
(Чуб., т. III, стр. 392.)

Колядка приведена цѣликомъ, какъ вполнѣ житейская, спѣтая колядовщиками отъ добраго сердца, передъ домомъ пчеловода, для послѣдняго радостная, пріятная.

Житейская, бытовая сторона колядки большею частью обнаруживается въ началѣ, въ первой строкѣ, или въ первыхъ двухъ-трехъ строкахъ, даже въ такихъ колядкахъ, дальнѣйшее содержаніе которыхъ состоитъ изъ окаменѣвшаго миѳологическаго элемента или изъ апокриѳической религіозно-христіанской легенды; напримѣръ: «Въ господара остроженный двиръ» (затѣмъ мотивъ о томъ, какъ жиды Христа мучили) (Чуб., т. III, стр. 136). «Остроженный» въ данномъ случаѣ означаетъ то, что колядка запѣта впервые передъ дворомъ крестьянина, огороженномъ плетнемъ съ «острогомъ», т. е. широкимъ плетневымъ верхомъ съ соломой. По другому запѣву:

Ой знати, знати пана-господара:
Въ нёго хата зъ сосны, зъ ялыны,
Вся малевана. (Чуб., т. III, стр. 143)...

Къ домохозяину обращаются съ просьбой «застилать столы тесовыи обрусомъ» (Чуб., т. III, стр. 337); въ колядкахъ «вси святыи ослономъ сили» (Чуб., т. III, стр. 344, 351).

Кромѣ бытоваго, житейскаго интереса, колядки и щедривки заслуживаютъ вниманія еще съ точки зрѣнія народной психологіи.

Въ особенности любопытно прослѣдить процессъ ассимилированія и усвоенія инородныхъ элементовъ, постепенныя градаціи въ приближеніи заимствованнаго поэтическаго мотива къ основному, краевому духовному складу и пониманію. И въ Франціи, и въ Румыніи, и въ Греціи, и въ Малороссіи, во всѣхъ христіанскихъ странахъ извѣстны евангельскіе разсказы о рождествѣ Спасителя, Его крещеніи, проповѣди, страданіяхъ и крестной смерти; повсемѣстно разсказы эти производили глубокое впечатлѣніе на народъ и находили мѣсто въ народной поэзіи. При всемъ томъ, каждый народъ разработалъ эти религіозно-христіанскіе мотивы самостоятельно, по тѣмъ бытовымъ даннымъ, которыя представила ему его собственная семейная жизнь, его понятія объ истинѣ и добрѣ. Тутъ можно открыть весьма характерныя національныя черты.

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ содержаніи колядокъ и щедривокъ попадаются болѣе или менѣе крупные отрывки изъ свадебныхъ пѣсенъ, напримѣръ, у Чубинскаго, т. III, §§ 131, 135, 140, 141, 122 и нѣкоторые другіе. Одна щедривка (у Чуб., т. III, стр. 441) представляетъ духовный стихъ, сложенный, по видимому, по случаю обрѣтенія чудотворнаго креста или, что болѣе вѣроятно, по случаю освященія воды 6 января «на Ордани». Въ иныхъ щедривкахъ попадается и Василь, и Василекъ, по тому поводу, что предстоитъ праздникъ Василія В.; напримѣръ, въ щедривкахъ у Чубин., т. III, стр. 467. Въ одну щедривку вклеена веснянка о ремезѣ: «Ой ремезо, ремезочку, не клади хаты на ледочку» и пр. (ib. стр. 450).

Еще одно отступленіе, въ заключеніе статьи. Въ послѣднее время малорусскіе поэты представили нѣсколько стихотвореній на колядочные и щедривочные мотивы. Такъ въ «Ворсклѣ» Я. И. Щоголева находится «Колядка», гдѣ среди свойственыхъ колядкамъ «вина» и «пироже чкивъ» попадаются нѣсколько чуждыхъ имъ чертъ: большія комнаты домохозяина и бѣлыя руки хозяйки. Въ «Риздвяной ночи» г. Старицкаго находится нѣсколько искусственныхъ колядокъ. Въ колядкѣ «Чи дома, дома бидная вдова» есть черты, чуждыя народу, по крайней мѣрѣ, народной поэзіи, въ частности колядкамъ. «Бидная вдова» встрѣчается изрѣдка въ народныхъ пѣсняхъ, напримѣръ въ думѣ о Коновченкѣ, въ думѣ о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ, но въ колядкахъ не встрѣчается. Колядка—пѣсня свѣтлая, радостная, а тутъ вдова, да еще «бѣдная». Вѣяніе золота приписано вдовѣ.

что противно народной поэзіи, гдѣ золото вѣетъ добрый молодецъ. Далѣе: «вдовы не мае дома, пишла до Бога»—мотивъ совсѣмъ не народный, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ неумѣстный, что выраженіе «пойти до Бога» служитъ у простаго народа описательнымъ названіемъ смерти, кончины человѣка. Колядка «Ходывъ—походывъ мисяць по небу» вполнѣ безукоризненна по вѣрности народнымъ поэтическимъ мотивамъ и очень хороша по выдержанности и задушевности.

Искусственная поэзія можетъ многое почерпнуть въ колядкахъ и щедривкахъ, при условіи предварительнаго изученія колядокъ и щедривокъ, предварительной начитанности въ нихъ поэтовъ. Художественная группировка поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедривокъ всегда произведетъ на читателя чарующее впечатлѣніе, которое, однако, быстро теряется и замѣняется непріятнымъ ощущеніемъ фальсификаціи, разъ только проскочила черта, или двѣ-три черты, противныя общему складу народнаго міросозерцанія и поэзіи, въ особенности въ случаѣ ихъ противорѣчія основному характеру даннаго рода или вида поэтическаго творчества.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

КЪ ИСТОРІИ ПЕРВАГО КРЫМСКАГО ПОХОДА.

---

21 апрѣля 1681 г. между Россіей и Польшей былъ заключенъ договоръ вѣчнаго мира, одной изъ существенныхъ статей котораго было обязательство Россіи—разорвать миръ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ, послать немедленно войска на крымскія переправы для защиты Польши отъ татарскихъ нападеній, приказать донскимъ козакамъ чинить воинскій промыслъ на Черномъ морѣ, а въ слѣдующемъ 1687 г. послать всѣ свои войска на Крымъ. Въ исполненіе этой статьи московскій дворъ послалъ къ хану извѣстительную грамоту о заключеніи союза съ польскимъ королемъ; «кто будетъ ему другъ», сказано въ этой грамотѣ, «тотъ и намъ другъ, а кто ему недругъ, тотъ и намъ недругъ». На этотъ вызовъ ханъ отвѣчалъ, что онъ ссоры съ Москвой не искалъ, а къ дружбѣ и недружбѣ готовъ, и выслалъ татаръ въ предѣлы Малороссіи для начатія военныхъ дѣйствій. Тогда русское правительство стало готовиться къ войнѣ; по городамъ были посланы грамоты воеводамъ объ извѣщеніи дворянъ и дѣтей боярскихъ, чтобы они готовились къ службѣ, а срокомъ стать на службу въ указныя мѣста было назначено 1-е марта 1687 г., для высылки-же изъ городовъ копейщиковъ, рейтаръ и солдатъ и для раздачи имъ жалованья были посланы во всѣ города стольники и дворяне съ дьяками, которымъ приказано было самимъ привести служилыхъ людей въ указныя мѣста къ назначенному сроку. Сборныхъ пунктовъ было назначено три: большому полку велѣно сбираться въ Ахтыркѣ, новгородскому розряду въ Сумахъ, рязанскому розряду въ Хотмышскѣ; служилыхъ людей, являвшихся на службу въ эти города до прибытія полковыхъ воеводъ

велѣно писать «въ пріѣзды» мѣстнымъ городовымъ воеводамъ [1]). Назначеніе полковыхъ воеводъ состоялось еще 22 октября; въ большой полкъ былъ назначенъ воеводою царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, близкій бояринъ и дворовый воевода, намѣстникъ новгородскій, кн. Василій Васильевичъ Голицынъ, а товарищами—бояринъ, кн. К. Ѳ. Щербатой и окольничій В. А. Змѣовъ и четыре посыльныхъ воеводы изъ стольниковъ; въ новгородскій розрядъ — бояринъ А. С. Шеинъ, а товарищемъ окольничій кн. Д. Аѳ. Борятинской; въ рязанскій розрядъ—бояринъ кн. Вл. Дм. Долгорукой, а товарищемъ окольничій П. Дм. Скуратовъ. Отпускъ воеводъ изъ Москвы къ войскамъ послѣдовалъ 20 февраля; при отпускѣ, «какъ воеводы были у государей у руки», при чемъ, по обычаю, старшій воевода долженъ былъ получить изъ рукъ государей наказъ и списки служилыхъ людей, кн. Голицыну было сказано «изъ государскихъ устъ, что они, великіе государи, вѣдая его многія радѣтельныя службы и усердное о всякихъ государскихъ дѣлахъ попеченіе, нынѣшнее настоящее воинское дѣло изволили, при помощи Божіей, положить на него ближняго боярина и оберегателя, а ему то великихъ государей дѣло, при той-же помощи Божіей, дѣлать по своему усмотрѣнію, какъ Богъ вразумитъ и наставитъ, *а наказу ему не будетъ*».

Лишь неограниченной привязанностію правительницы къ своему любимцу и желаніемъ ея какъ можно выше поставить его въ глазахъ войска и двора можно объяснить такой небывалый въ исторіи москов-

---

[1]) Въ составъ войска входили: городовые дворяне и дѣти боярскіе, дѣлившіеся на сотни подъ начальствомъ головъ изъ стольниковъ и дворянъ,—всѣ на коняхъ: стрѣльцы, дѣлившіеся на полки подъ начальствомъ полковниковъ, исключительно русскихъ людей; полки дѣлились на сотни подъ начальствомъ капитановъ; копейщики, рейтары и солдаты, тоже дѣлившіеся на полки и сотни, подъ начальствомъ генераловъ и полковниковъ, преимущественно иноземцевъ; московскихъ чиновъ люди, собранные по одному человѣку съ 50 дворовъ, раздѣленные на сотни, подъ начальствомъ головъ. Сами московскіе чины: стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы составили изъ себя роты: стольники 19 ротъ по 50 человѣкъ въ ротѣ, подъ начальствомъ ротмистровъ, изъ стольниковъ-же; стряпчіе 11 ротъ по 60 человѣкъ въ ротѣ, подъ начальствомъ ротмистровъ, изъ стольниковъ; дворяне московскіе 13 ротъ по 70 человѣкъ въ ротѣ, подъ начальствомъ ротмистровъ, изъ стольниковъ и самихъ дворянъ; жильцы 13 ротъ по 80 человѣкъ въ ротѣ съ ротмистрами изъ стольниковъ.

скаго государства случай, какъ предоставленіе воеводѣ на его страхъ веденіе войны; не было столь ничтожнаго порученія, что-бы исполнителю не былъ данъ наказъ, какъ его исполнить. Вѣроятно и Голицына смутило это чрезвычайное довѣріе къ нему государей и онъ, не рискуя вести войну на свой страхъ, просилъ правительницу снабдить его «тайными статьями», которыя, въ случаѣ нужды, онъ могъ бы показать, кому слѣдуетъ, въ оправданіе своихъ дѣйствій.

Съ тайными статьями былъ посланъ къ Голицыну думный дьякъ Ѳ. Л. Шакловитый 27 того-же февраля; при свиданіи съ Голицынымъ ему велѣно было, передавши тайныя статьи, «объявить ему о государскихъ дѣлахъ, которыя ему, думному дьяку, словесно наказаны».

Должно быть Голицынъ не далеко еще уѣхалъ отъ Москвы, потому что 28 числа онъ уже прислалъ отписку о полученіи статей.

Въ этихъ статьяхъ Голицыну велѣно, по прибытіи въ Ахтырку, прежде всего пересмотрѣть всѣхъ ратныхъ людей, которымъ указано быть съ нимъ на службѣ, при чемъ про «нѣтчиковъ» разыскивать, «гдѣ тѣ нѣтчики нынѣ и живы-ли, и почему кто на службу не явился; есть-ли за ними помѣстья и вотчины и въ какихъ городахъ»; списокъ ихъ велѣно прислать въ Москву. Особенное вниманіе предлагается обратить на вооруженіе даточныхъ людей московскихъ чиновъ, чтобы они были на службѣ «съ боемъ на добрыхъ лошадяхъ, съ долгими пищальми и съ инымъ пристойнымъ оружіемъ»; ихъ велѣно росписать въ особыя роты или сотни, «и къ тѣмъ сотнямъ выбрать головъ и сотенныя знамена головамъ велѣть раздать при себѣ и приказать головамъ сотенныхъ людей смотрѣть по часту, чтобъ они были всѣ на лицо; а съ кого они взяты будутъ, и съ тѣми имъ въ сотняхъ быть не велѣть, а велѣть за ними быть инымъ ихъ людямъ, для того, что напередъ сего, по указу блаженныя памяти государя Ѳедора Алексѣевича, велѣно было у нихъ быть людямъ ихъ съ боемъ съ 25 дворовъ по человѣку, а нынѣ тѣхъ ихъ людей велѣно взять передъ тѣмъ съ убавкою. А буде у чьихъ людей указнаго ружья не будетъ, и на тѣхъ людяхъ, съ кого они взяты будутъ, то указное ружье велѣть доправить сполна, чтобъ однолично тѣ люди были всѣ на добрыхъ лошадяхъ и съ указнымъ ружьемъ». Генераламъ и полковникамъ велѣно приказать, чтобы они произвели смотръ ратнымъ людямъ своихъ полковъ коннымъ и пѣшимъ, осмотрѣли-бы у нихъ ружья и учили-бы ихъ «ратному всякому строю, и ополченію, и

стрѣльбѣ, чтоб они всему тому были всѣ навычны, и ружье-бъ у всѣхъ всегда было чисто и къ бою въ готовности». Передъ походомъ изъ Ахтырки на Крымъ Голицыну велѣно сказать ратнымъ людямъ всѣхъ чиновъ своего полка государевъ указъ: «кто изъ нихъ хотятъ лишнихъ людей и лошадей, или какую рухлядь отослать домой, и они это сдѣлали-бы изъ Ахтырки до похода, а выйдя изъ Ахтырки изъ обоза людей и лошадей своихъ не отпускали-бы, и тѣмъ въ обозѣ межъ ратными людьми молвы и страхованія не чинили». Ратнымъ-же людямъ передъ походомъ изъ Ахтырки велѣно «учинить заказъ подъ жестокимъ подкрѣпленіемъ и подъ страхомъ, чтобъ они, будучи въ томъ воинскомъ пути, малороссійскихъ городовъ жителямъ никому никакихъ обидъ и убытковъ не чинили и безденежно конскихъ кормовъ и съѣстныхъ запасовъ ни у кого не имали, и малороссійскихъ городовъ съ жителями, которые будутъ въ томъ воинскомъ походѣ при гетманѣ, съ черкасами и калмыками и иныхъ народовъ съ людьми, которые въ полку будутъ, ссоръ и задоровъ и нелюбья никакого не чинили, и никакихъ имъ досадныхъ и поносныхъ словъ не говорили и ничѣмъ ихъ не укоряли, для того что они черкасы и иныхъ народовъ люди великимъ государемъ служатъ вѣрно и всегда на ихъ государскихъ службахъ бываютъ съ ними ратными людьми вмѣстѣ и надъ непріятельскими людьми промышляютъ за одно».

Время выступленія въ походъ на крымскія юрты, время и мѣсто соединенія большаго полка съ сходными воеводами и съ гетманомъ войска запорожскаго, а также выборъ пути въ Крымъ статьи предоставляютъ усмотрѣнію Голицына. Въ случаѣ нападенія татаръ на войско Голицына, статьи совѣтуютъ ему собрать воеводъ и ратныхъ людей, кому будетъ можно, въ церковь и велѣть протопопу со всѣмъ соборомъ пѣть молебное прошеніе о побѣдѣ; во время самого сраженія съ татарами или въ случаѣ приступа къ непріятельской крѣпости—велѣть носить или возить передъ собою по полкамъ животворящій крестъ, и при этомъ говорить ратнымъ людямъ, чтобъ они, памятуя Бога, «за святыя Божія церкви и за благочестивую и непорочную святую христіанскую вѣру, за превысочайшую честь великихъ государей, за все московское государство и за избавленіе единокупельной братіи своей православныхъ христіанъ, которые у тѣхъ враговъ Божіихъ и всего христіанства непріятелей въ тяжкой работѣ и въ нестерпимой неволѣ

пребываютъ. противъ тѣхъ непріятелей басурмановъ стояли крѣпко и мужественно, безъ всякаго сомнѣнія и боязни, и чинили надъ ними всякіе промыслы желательнымъ и безстрашнымъ усердствомъ, сколько на то Богъ помощи подастъ».

Въ случаѣ побѣды надъ непріятелемъ статьи прежде всего совѣтуютъ пѣть благодарствіе по чиновной книгѣ и ратныхъ людей обнадеживать за ихъ усердіе отъ Господа Бога воздаяніемъ и государскою милостію. Взятыхъ на бою «языковъ» статьи велятъ отдавать послѣ распроса тѣмъ, кто ихъ возьметъ, а имъ или у себя держать или продавать русскимъ людямъ и иноземцамъ русской службы; плѣнниковъ, которые дадутъ за себя «окупъ», отпускать, а «окупъ» выдавать тѣмъ-же ратнымъ людямъ, кто ихъ возьметъ; за обмѣненнаго плѣнника долженъ окупъ заплатить тотъ изъ русскихъ людей, кто выданъ въ обмѣнъ. Если будетъ получено извѣстіе о выступленіи изъ Крыма съ войскомъ хана, или нурадина, или калги, то объ этомъ отписать во всѣ малороссійскіе города для вѣдома наскоро. «А буде ханъ крымской пришлетъ пословъ своихъ и учнетъ просить мира отъ всего крымскаго юрта и отъ всѣхъ владѣнія своего людей и за сторону султана турскаго, то съ ханомъ крымскимъ и за сторону султана турскаго миръ учинить по договорамъ вѣчнаго мира, который учиненъ между великими государями и королевскимъ величествомъ польскимъ въ 194 году (1686 г.). А буде ханъ крымской съ ордою придутъ въ познаніе и не похотя себѣ и юртамъ своимъ отъ наступленія полковъ раззоренія, учнутъ быть челомъ великимъ государемъ, ихъ царскому величеству въ вѣчное подданство, въ такомъ случаѣ его, хана, и всего его владѣнія людей подъ высокодержавную руку великихъ государей принять и ихъ государскою милостію обнадежить». А на какихъ условіяхъ принять подданство хана—предоставлено усмотрѣнію Голицына; ему-же эти статьи предоставляютъ право непосредственнаго сношенія съ королемъ польскимъ.

Съ боярами и воеводами—товарищами своими и войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетманомъ Ив. Самойловичемъ статьи предлагаютъ Голицыну «пребывать совѣтно и пріятно и о надлежащихъ дѣлахъ, о чемъ пристойно, совѣтовать, и имѣть тщаніе и милостивое разсмотрѣніе о людяхъ; о бѣдныхъ и неимущихъ имѣть щедрое попеченіе, и къ добротворительнымъ и послушливымъ быть милостивымъ, любовнымъ, кроткимъ и пріятнымъ, а не послушливымъ

чинить наказаніе по градскимъ законамъ и по ихъ великихъ государей уложенію, не обинуяся лица сильна и убога человѣка, судъ-бо Божій есть».

Статьи оканчиваются приглашеніемъ кн. Голицына служить съ неотмѣннымъ своимъ усердіемъ, такъ какъ настоящее дѣло по милостивому изволенію государей положено на немъ ближнемъ бояринѣ и оберегателѣ съ товарищами.

Такимъ образомъ тайныя статьи предоставляютъ Голицыну чрезвычайно широкія полномочія: право суда и расправы въ войскѣ, право войны и мира съ крымскимъ ханомъ и право дипломатическихъ сношеній съ королемъ польскимъ безъ предварительнаго сношенія съ правительствомъ; словомъ, статьи даютъ только совѣтъ, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, предоставляя выполненіе совѣта его усмотрѣнію.

И съ внѣшней стороны воевода большаго полка былъ обставленъ весьма внушительно: съ нимъ были отпущены «сверху изъ государевыхъ ближнихъ хоромъ чудотворный образъ Спаса и животворящій крестъ; для отправленія божественной службы изъ приказа большого дворца выдана полотняная церковь со всякимъ церковнымъ украшеніемъ; для совершенія церковной службы, по благословенію Іоакима патріарха, посланы собора Рождества Богородицы, что у государей вверху, протопопъ Захарій съ священниками и дьяконами, а также государевы пѣвчіе дьяки и церковники; для полка отпущено знамя съ изображеніемъ лица Спасителя,—то знамя, съ которымъ царь Иванъ Васильевичъ «побѣдилъ многочисленные басурманскіе народы и покорилъ въ россійскую державу казанское царство»; для полковыхъ и всякихъ дѣлъ и для съѣздовъ съ боярами—товарищами и съ гетманомъ былъ отпущенъ шатеръ суконный цвѣтной.

О прибытіи въ Ахтырку Голицыну велѣно было отписать въ Москву, а во всѣ малороссійскіе города послать отписки о готовности къ походу и о многочисленности своихъ полковъ, «дабы о томъ разголосить во всѣ мѣста, чтобъ было то непріятелямъ къ страху».

Почти два мѣсяца пришлось Голицыну дожидаться въ Ахтыркѣ сбора ратныхъ людей и подводъ для перевозки хлѣбныхъ запасовъ и пушечныхъ снарядовъ; да едвали онъ могъ выступить въ походъ раньше и въ томъ случаѣ, если-бы всѣ ратные люди были въ сборѣ, такъ какъ распутица, свойственная этимъ мѣсяцамъ, препятствовала-бы

походу. Лишь 23-го апрѣля Голицынъ послалъ изъ Ахтырки на первый станъ солдатскіе и стрѣлецкіе пѣхотные полки и этой пѣхотой велѣлъ обнять и устроить въ 5-ти верстахъ отъ города меньшой обозъ, гдѣ быть церкви, разрядному шатру и его двору. 24 и 25 апрѣля выступили изъ города городовые дворяне и дѣти боярскіе, рейтарскіе полки и люди московскихъ чиновъ со всякими служилыми запасами; этими войсками былъ обнятъ и устроенъ большой обозъ; въ меньшемъ обозѣ поставлены разрядный шатеръ и дворъ Голицына. Наконецъ 26-го числа вышелъ изъ Ахтырки и самъ Голицынъ съ остальнымъ войскомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала шли стольническіе, стряпческіе, дворянскіе и жилецкіе роты; впереди каждой роты шли ротмистры за своимъ знаменемъ, которыя несли передъ ними хорунжіе; за ротами ѣхали и роты строили поручики; за послѣдними жилецкими ротами ѣхали кн. Голицына и его товарищей люди во всякомъ воинскомъ убраніи, а за ними вели лошадей въ «большихъ конскихъ нарядахъ». Передъ Голицынымъ везли въ каретѣ образъ Спаса, крестъ и образъ Богоматери, за каретою везли бунчукъ, копье и двѣ булавы, по два человѣка въ рядъ, полковое знамя, за которымъ ѣхали Голицынъ съ товарищами; за ними ѣхали «завоеводчики», а по обѣ стороны всей этой группы ѣхали эсаулы.

По прибытіи къ стану Голицына встрѣтили въ большомъ обозѣ стрѣлецкіе и солдатскіе полковники съ знаменами, при чемъ «въ барабаны били и въ сипоши играли», а до меньшаго обоза стояли ротмистры съ знаменами-же; когда-же онъ пришелъ въ меньшой обозъ и поставилъ въ шатрѣ св. иконы, въ то время у разряднаго шатра изъ большаго наряда и въ стрѣлецкихъ полкахъ, а также и въ большомъ обозѣ изъ всѣхъ полковыхъ пищалей стрѣляли трижды. 27-го апрѣля въ меньшемъ обозѣ поставлена церковь, а на слѣдующій день, въ четвергъ, въ ней была отслужена литургія, послѣ которой намѣстникъ брянскаго свѣнскаго монастыря Иванъ Максимовичъ читалъ «казаніе на похвалу и о чудесѣхъ преп. Сергія чудотворца»; послѣ молебна воеводы и ротмистры, завоеводчичи и эсаулы, намѣстникъ Иванъ Максимовичъ и протопопъ Захарій съ причетниками обѣдали у Голицына въ шатрахъ. Расположилось войско на станѣ такъ: въ меньшемъ обозѣ, гдѣ были церковь, разрядный шатеръ и дворъ Голицына, у знамени стоялъ кн. П. Л. Львовъ, съ большимъ нарядомъ воевода М. Беклемишевъ;

тугъ-же стояли дьяки, завоеводчики, эсаулы и стрѣлецкіе полковники. Въ большомъ обозѣ стояли въ правой рукѣ—бояринъ и воевода кн. К. О. Щербатой и думный генералъ А. А. Шепелевъ, въ лѣвой рукѣ окольничій и воевода В. А. Змѣовъ и думный дьякъ Е. И. Украинцевъ, въ большомъ-же полку стояли стольники, стряпчіе, московскіе дворяне и жильцы ротами, а городовые дворяне и дѣти боярскіе сотнями.

На этомъ стану Голицынъ стоялъ четыре дня, пока выбирались изъ Ахтырки обозы съ хлѣбными и пушечными запасами. Для подъема большаго полковаго наряда, а также хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ въ большой полкъ изъ разныхъ городовъ было прислано слишкомъ 10,000 подводъ съ телѣгами и проводниками, изъ коихъ многіе были вооружены длинными пищалями и бердышами; да кромѣ того сумскій, харьковскій и ахтырскій полковники прислали 600 паръ воловъ подъ полковые припасы. На этихъ присланныхъ подводахъ и волахъ изъ Ахтырки было вывезено огромное количество хлѣбныхъ запасовъ, кавардаку и масла; пушечные-же разные запасы, а также мушкеты и пистоли, за удовлетвореніемъ наличныхъ потребностей ратныхъ людей большаго полка, въ большомъ количествѣ посланы изъ Ахтырки въ полкъ боярина А. С. Шеина.

30 апрѣля войско тронулось въ дальнѣйшій путь къ р. Мерлу въ слѣдующемъ порядкѣ: напередъ шелъ рейтарской полковникъ Андрей Гулицъ съ рейтарами, за нимъ 150 человѣкъ стрѣльцовъ выборнаго полка и съ ними три легкія полковыя пищали, далѣе шла рота стольниковъ, за которою ѣхала карета со св. иконами, за каретой везли бунчукъ, копье, двѣ булавы и полковое знамя, а за нимъ Голицынъ съ товарищами, потомъ завоеводчики; по правую и по лѣвую сторону и сзади этой группы шли роты московскихъ чиновъ людей, а по обѣ стороны и сзади ихъ шелъ обозъ съ каждой стороны въ четыре телѣги. Второй переходъ былъ, какъ и первый, очень небольшой: прошли всего 7 верстъ и остановились въ 10 верстахъ отъ р. Мерла; переходъ продолжался съ 12 до 4 часовъ дня. Дальнѣйшіе переходы и остановки происходили въ томъ-же порядкѣ, какъ при первыхъ двухъ переходахъ; порядокъ размѣщенія измѣнился лишь по соединеніи съ «сходными» воеводами. На второмъ стану Голицынъ получилъ извѣстіе отъ Гетмана, что онъ съ войскомъ выступилъ изъ Гадяча и соединится съ большимъ полкомъ за р. Мер-

ломъ; тутъ-же были получены отписки отъ сходныхъ воеводъ: бояринъ А. С Шеинъ писалъ, что выступилъ изъ Сумъ 30 апрѣля и пойдетъ наскоро для соединенія съ большимъ полкомъ; бояринъ кн. В. Д. Долгорукой писалъ, что вышелъ съ войскомъ изъ Хотмышска и 30 апрѣля былъ въ 30 верстахъ отъ большаго полка, а соединится съ нимъ за Краснымъ Кутомъ.

Многіе изъ ратныхъ людей доселѣ еще не прибыли въ большой полкъ, вслѣдствіе сильной распутицы; такъ «ратные люди полковой службы», рейтары, копейщики и солдаты изъ городовъ бѣлогородскаго полка: Бѣлгорода, Карпова, Болховаго, Нирпгольска, Ливенъ, Стараго Оскола, Корочи, Яблонова и Новаго Оскола хотя и были высланы на службу въ полкъ, «но для конскихъ кормовъ и утѣсненія» стояли въ разныхъ мѣстахъ по р. Мерлу: въ Рублевкѣ, Колонтаевѣ и Красномъ Кутѣ; не прибыла еще и смоленская шляхта, пробиравшаяся сѣвскимъ уѣздомъ между Брянскомъ и Карачевымъ. Для сбора «нѣтчиковъ», высылаемыхъ изъ разныхъ городовъ, и отсталыхъ, не успѣвшихъ за распутицей прибыть къ сроку ратныхъ людей въ Ахтыркѣ былъ оставленъ Голицынымъ стольникъ А. И. Даниловъ, которому было приказано дожидаться сбора ратныхъ людей въ Ахтыркѣ до 11 мая, а потомъ съ собравшимися догнать большой полкъ.

О состояніи войска въ полку кн. Голицына дьякъ Еремѣй Полянскій въ маѣ мѣсяцѣ доносилъ розряду, что «московскихъ и всѣхъ чиновъ люди идутъ радостными сердцы и скудости у нихъ никакой нѣтъ и всякими запасы довольно, и конскими кормами нескудно, для того что и травы нынѣ велики». Въ началѣ мая сходные воеводы А. С. Шеинъ съ новгородскимъ розрядомъ, Вл. Дм. Долгорукой съ рязанскимъ розрядомъ и окольничій Л. Р. Неплюевъ съ сѣвскимъ розрядомъ присоединились къ большому полку на долинахъ р. Мерла и отсюда уже вмѣстѣ продолжали походъ. Въ 20 верстахъ отъ р. Самары на р. Кельченѣ, совершенно высохшей отъ жаровъ, для продовольствія войска были выкопаны колодцы глубиною въ аршинъ; воды въ нихъ оказалось довольно и хорошаго качества. На берегу р. Самары 2-го іюня съ московскимъ войскомъ соединился гетманъ Иванъ Самойловичъ съ запорожскими полками. Для переправы соединеннаго войска черезъ Самару было устроено 12 мостовъ, по которымъ обозы шли по 2 телѣги въ рядъ, и то

переправа всего войска продолжалась четыре дня. А тѣмъ временемъ воеводы обмѣнивались обѣдами съ черкасами: 3-го іюня гетманъ съ черкасскими полковниками обѣдали у кн. Голицына и когда стали пить за здоровье государей («государеву чашу»), у розряднаго шатра изъ большаго наряду, а въ стрѣлецкихъ полкахъ и въ большомъ обозѣ во всѣхъ полкахъ стрѣляли изъ полковыхъ пищалей трижды; въ свою очередь Голицынъ съ воеводами обѣдали 4 іюня у ахтырскаго и 5-го у полтавскаго полковниковъ; при питьѣ «государевой чаши» стрѣляли въ черкасскихъ полкахъ изъ полковыхъ пищалей по трижды. 7-го іюня черезъ Самару переправлялись послѣднія русскія войска: стольничьи, стряпческія, дворянскія и жилецкія роты и съ ними кн. Голицынъ. По переходѣ черезъ рѣку войска расположились въ такомъ порядкѣ: въ центрѣ стоялъ большой полкъ на берегу Самары, въ правой рукѣ А. С. Шеинъ съ новгородскимъ розрядомъ и кн. В. Д. Долгорукой съ рязанскимъ розрядомъ, въ лѣвой рукѣ Л. Р. Неплюевъ съ сѣвскимъ розрядомъ, думный генералъ А. А. Шепелевъ и генералъ-маіоръ П. Гордонъ съ солдатскими полками выборныхъ полковъ, вверхъ по рѣкѣ—гетманъ Ив. Самойловичъ съ черкасскими полками. О состояніи войска стрѣлецкой капитанъ Еремѣй Дмитріевъ, посланный изъ Москвы съ серебрянымъ окладомъ на образъ донской Божіей Матери въ полкъ кн. Голицына, доносилъ отъ 7-го іюня въ стрѣлецкій приказъ: «въ полку ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводы московскихъ и всѣхъ чиновъ ратные люди идутъ радостными сердцы и скудости никакой у нихъ нѣтъ и всякими запасы довольно, и конскими кормами нескудно, для того что травы велики. А купятъ въ полку хлѣбы и калачи передъ московскою цѣною съ малою прибавкою. Гетманскаго полка черкасы говорятъ, что великихъ государей ратныхъ людей и ихъ черкасъ собрано нынѣ многочисленно и никогда столько войска не бывало». Тотъ-же капитанъ доноситъ, что Голицынъ послалъ въ Крымъ къ хану и мурзамъ толмача съ татариномъ, взятымъ въ плѣнъ подъ Кіевомъ, и приказалъ съ тѣмъ толмачомъ къ хану, чтобъ онъ ханъ и мурзы съ великими государями учинили миръ или поддались подъ ихъ государскую высокодержавную руку; а если не поддадутся, то онъ, Голицынъ, съ ратными людьми пойдетъ на нихъ войною.

Но перейдя Конскія Воды и сдѣлавши еще два незначительные перехода, Голицынъ, не дойдя 20 верстъ до Сѣчи, 17-го іюня вдругъ началъ отступать назадъ къ Конскимъ Водамъ. Причиною такого позорнаго возвращенія не воевавшаго войска принято считать полное отсутствіе конскаго корма въ степи, выжженной татарами. Но на берегахъ Конскихъ Водъ травы было довольно для прокормленія въ теченіе нѣсколькихъ дней лошадей, бывшихъ въ войскѣ Голицына, а чрезъ нѣсколько дней и степь, благодаря сильнымъ дождямъ, снова покрылась травою, достаточною для корма лошадей; а между тѣмъ Голицынъ 26 іюня отступилъ еще дальше отъ Конскихъ Водъ къ р. Московкѣ. Тутъ прежде всего страннымъ представляется намѣреніе Голицына перейти голую степь, при ясномъ, конечно, сознаніи о невозможности прокормить лошадей, о чемъ онъ могъ хорошо освѣдомиться, пославши напередъ отрядъ для обозрѣнія степи, на какое разстояніе она сожжена татарами. При его крайне медленномъ походѣ ничего не значило выждать на Конскихъ Водахъ нѣсколько дней, пока степь покроется травой, и затѣмъ продолжать походъ. Еще болѣе страннымъ представляется его дальнѣйшее отступленіе отъ Конскихъ Водъ, когда онъ несомнѣнно уже зналъ, что степь покрылась хорошей травой, достаточной для корма лошадей. Нашелъ-же онъ возможнымъ чрезъ ту-же степь, чрезъ которую боялся идти самъ, послать окольничаго Л. Р. Неплюева съ 30 тысячнымъ войскомъ, 22 іюня уже переправившимся въ Сѣчь. Вотъ что доносилъ подъячій стрѣлецкаго приказа М. Симоновъ, посланный изъ Москвы 9 іюня съ грамотами къ Голицыну, о состояніи степи и войска: «съ Москвы ѣхалъ онъ, Михайло, на черкасскіе города: Батуринъ, Гадячъ, Полтаву, Переволочню, а отъ того города до Кадака ѣхалъ водою Днѣпромъ внизъ, а съ Кадака сухимъ путемъ черезъ почту до Сѣчи пріѣхалъ іюня 22 числа, а отъ Сѣчи пріѣхалъ въ полкъ кн. Голицына іюня въ 25 число на рѣчку, что слыветъ Конскія Воды. До Сѣчи кн. Голицынъ не дошедъ 20 верстъ, отступилъ назадъ, для того что по обѣ стороны Днѣпра степи всѣ выжжены. А какъ онъ, Михайло, отъ Сѣчи ѣхалъ до Конскихъ Водъ, и въ тѣхъ мѣстахъ на горѣлыхъ степяхъ трава вышла новая и лошадей кормить по нуждѣ можно. А около Днѣпра вода сбываетъ и луга оказываются, и какъ вода сольетъ и Днѣпръ станетъ въ берегахъ, и въ тѣхъ мѣстахъ на лугахъ около

Днѣпра трава будетъ. Да въ тѣхъ-же мѣстахъ и по горѣлой степи дожди были великіе дня по два и съ тѣхъ дождей по горѣлой степи трава будетъ скоро и лошадей кормить будетъ мочно. А на рѣчкахъ, что слывутъ Конскія Воды, и на Московкѣ и около Самары рѣки конскихъ кормовъ довольно. Будучи въ полкахъ, слышалъ онъ, Михайло, что московскихъ чиновъ люди скучаютъ конскими кормами, а съѣстными всякими запасами въ полкахъ довольство великое, потому что многіе завезли съ собою всякихъ запасовъ; да и изъ черкасскихъ городовъ привозятъ питья и хлѣбныхъ и съѣстныхъ запасовъ много и продаютъ дешевою цѣною. А какъ онъ, Михайло, ѣхалъ изъ полка, и съ нимъ встрѣчались черкасы съ питьемъ и съ хлѣбными и съѣстными запасы и со всѣмъ многое число».

Между тѣмъ слухъ о нашествіи войска московскаго сильно встревожилъ крымчанъ; изъ турецкихъ городковъ, расположенныхъ по берегамъ Днѣпра, какъ разсказывали козаки, жители толпами переходили Днѣпръ и укрывались въ Перекопъ, гдѣ стоялъ ханъ съ своимъ войскомъ. Въ степи-же крымскихъ воинскихъ людей никто не видалъ и даже слуха о нихъ не было. А Голицынъ спѣшилъ отступать все дальше и дальше. Впередъ къ р. Самарѣ были посланы ахтырскій и харьковскій полковники для заготовки сѣна. Авангардъ, состоявшій изъ новгородскаго розряда, 26 іюня былъ уже за р. Московкой, въ 2-хъ верстахъ шелъ большой полкъ, въ 3-хъ верстахъ отъ него черкасское войско; у Конскихъ Водъ стоялъ арріергардъ—рязанскій розрядъ. Сѣвскій розрядъ съ нѣсколькими черкасскими полками шелъ къ Казыкирменю—охранять отступленіе Голицына.

Такъ, благодаря неразъясненнымъ доселѣ, но весьма страннымъ распоряженіямъ Голицына, неудачно окончился этотъ широкозадуманный походъ, имѣвшій цѣлью въ самомъ сердцѣ поразить исконнаго врага московскаго государства. Жертвой этого похода, какъ извѣстно, сдѣлался гетманъ войска запорожскаго Иванъ Самойловичъ.

А. Востоковъ.

ВѢДЬМА.

(Польскій разсказъ) [1].

Былъ темный зимній вечеръ.

Въ огромной, высокой залѣ, во всемъ своемъ грозномъ величіи открывается засѣданіе окружнаго суда. Висящія съ потолка люстры и лампы, горящія у гладкихъ бѣлыхъ стѣнъ, освѣщаютъ яркими потоками свѣта пунсовыя покрывала столовъ, занавѣси оконъ и густую толпу собравшейся здѣсь публики, пестрѣвшую множествомъ разнообразныхъ физіономій и костюмовъ. Въ глубинѣ залы засѣдаютъ члены суда; въ сторонѣ отъ нихъ подъ стѣною, на двухъ красивыхъ высокихъ скамьяхъ уже заняли свои мѣста присяжные. У одного изъ оконъ, склонившись надъ ярко освѣщеннымъ столомъ, прокуроръ внимательно прочитываетъ открытую книгу закона, у другаго секретарь суда разбираетъ связки бумагъ. Судебный приставъ, въ разшитомъ золотомъ мундирѣ, пройдя залу быстрыми неслышными шагами, садится въ сторонѣ съ перомъ въ рукахъ. Среди глубокой тишины, ненарушенной даже задержаннымъ на минуту дыханіемъ всей публики, предсѣдатель суда громко и отчетливо назвалъ преступленіе, въ которомъ обвинялись подсудимые. Это былъ не проступокъ, но преступленіе, ужасное преступленіе, одно изъ тѣхъ, которыя только изрѣдка, подобно тяжелому, страшному

---

[1]) Въ журналѣ Athenaeum за 1885 г. эта повѣсть талантливой польской писательницы Елизы Оржешко помѣщена подъ заглавіемъ „Dziurdziowie“.

сну, проходятъ передъ пораженнымъ человѣчествомъ. Кто были, къ какому классу общества принадлежали, какъ выглядѣли несчастные и ужасные люди, совершившіе это преступленіе? Нѣсколько сотъ глазъ разомъ обращаются къ скамьѣ подсудимыхъ.

Противъ скамей для присяжныхъ, защитникъ по назначенію, задумчивый и встревоженный, нервнымъ движеніемъ руки набрасываетъ карандашемъ на клочкѣ бумаги какія-то бѣглыя замѣтки. Тотчасъ за нимъ, надъ высокими перилами скамьи подсудимыхъ подымаются въ полномъ освѣщеніи четыре мужескія фигуры въ арестантскихъ халатахъ. За минуту передъ тѣмъ они вошли сюда черезъ низкія двери, открывавшіяся въ совершенно почти темную боковую комнатку. Казалось, будто они выходили изъ бездны мрака. Низкія двери тотчасъ закрылись за четырьмя вооруженными солдатами, помѣстившимися по обѣ стороны скамьи, а блестящіе надъ ихъ головами штыки загорѣлись яркими звѣздами при ослѣпляющемъ свѣтѣ лампъ. Между блестѣвшими остріями штыковъ, лицемъ къ лицу со своими судьями, въ потокахъ свѣта, въ которыхъ рельефно выдѣлялась каждая черта, каждая морщинка ихъ лица, четверо подсудимыхъ въ неподвижныхъ и выжидающихъ позахъ отвѣчали на обращенные къ нимъ вопросы предсѣдателя.

— Имена ихъ?

Четыре мужскіе голоса довольно громко и отчетливо отвѣчали одинъ за другимъ.

— Петро Джурджа.

— Степанъ Джурджа.

— Семенъ Джурджа.

— Климъ Джурджа.

— Ихъ общественное положеніе?

— Крестьяне собственники. Только послѣдній не имѣлъ еще своей земли, но онъ былъ сыномъ и наслѣдникомъ перваго, Петра Джурджи, который не только владѣлъ землею, но еще въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ занималъ въ своемъ селѣ важную въ общественной жизни крестьянъ должность старосты.

Теперь самый любопытный вопросъ:

— Признаются-ли они въ совершеніи преступленія, въ которомъ обвиняются?

Опять четыре голоса, одинъ за другимъ, тише или громче, но все таки отчетливо отвѣчаютъ:

— Признаюсь.

Послѣ того нѣтъ уже сомнѣнія въ томъ, что они совершили это преступленіе. Итакъ это не бѣдняки, не бродяги, не члены пролетаріата, живущаго въ отправляющей атмосферѣ жгучей зависти и хищничества, а земледѣльцы, живущіе въ здоровомъ и отрезвляющемъ сельскомъ воздухѣ... владѣльцы, добывающіе, хотя съ трудомъ, средства къ жизни на собственной землѣ..., работники, которыхъ загорѣлое чело можетъ равняться чистотою и достоинствомъ съ челомъ, увѣнчаннымъ лаврами... Что-же это значитъ? Или они такъ и родились на свѣтъ нравственными уродами? Или геній зла еще въ колыбели напоилъ ихъ своимъ дыханіемъ? Или они не имѣли ни сердца, ни совѣсти, а въ груди ихъ не было ни одной изъ тѣхъ струнъ доброты, милосердія, справедливости, которыя съ великимъ трудомъ и усиліями выработало человѣчество въ теченіи многихъ вѣковъ? Можетъ быть это были сумашедшіе, идіоты, глупцы, которые не могли отличать добра отъ зла?

Удивительное дѣло! Напрасно нѣсколько сотъ паръ людскихъ глазъ съ напряженнымъ вниманіемъ устремились на подсудимыхъ, въ лицѣ ихъ нельзя было подмѣтить никакого соотвѣтствія съ совершеннымъ ими преступленіемъ. Эти люди не были похожи на тѣхъ, которые уже при появленіи на свѣтъ приносятъ съ собою задатки преступныхъ намѣреній, не похожи ни на сумасшедшихъ, ни на идіотовъ.

Первый изъ нихъ, назвавшій себя Петромъ Джурджею, былъ высокій, довольно худощавый человѣкъ, уже не молодой, но еще крѣпкій и сильный. Густые и длинные темнопепельные волосы, перемѣшанные съ сѣдиною, спадали на воротникъ арестантскаго халата. Обрамленное этими длинными сѣдѣющими волосами и коротко подстриженною бородою, лице его, нѣсколько блѣдное, привлекало своимъ кроткимъ, полнымъ достоинства выраженіемъ.

Щеки его, исхудавшія, быть можетъ, въ заключеніи, завершали правильный и кроткій овалъ, губы слегка дрожали подъ свѣтлыми усами, узкій лобъ изрѣзанъ нѣсколькими глубокими морщинами, а изъ подъ густыхъ выдающихся бровей сѣрые задумчивые глаза осматривали комнату медленнымъ, спокойнымъ и очень грустнымъ взглядомъ. Въ ту минуту, когда онъ вошелъ на скамью подсудимыхъ, едва примѣтнымъ движеніемъ руки онъ начерталъ на груди своей знакъ креста, а отвѣтивши на всѣ предложенные ему вопросы, сложилъ руки на перилахъ скамьи и поднялъ глаза къ небу. Тогда въ лицѣ его появилось что-то мечтательное, обличавшее внутреннюю, покорную, въ глубинѣ души произнесенную молитву. Вскорѣ однако глаза закрылись, голова опустилась на грудь и онъ такъ уже и остался съ сжатыми руками, кроткій, спокойный, съ выраженіемъ глубокой грусти.

Совершенно непохожимъ на Петра былъ его двоюродный братъ, Степанъ Джурджа. Также высокій, но плечистый и очень стройный, брюнетъ съ черными, какъ ночь, волосами и густыми черными усами, онъ былъ-бы прекраснымъ типомъ сильнаго, статнаго и красиваго крестьянина, если-бы не поражала въ немъ преждевременно состарѣвшаяся физіономія. Ему не было еще сорока лѣтъ, а между тѣмъ продолговатыя и правильныя черты его были такъ изборождены, помяты и изморщены, что невозможно было отыскать на нихъ ни малѣйшаго гладкаго мѣста. Сверхъ того казалось, что какой-то сильный огонь такъ долго обжигалъ это лице, что наконецъ покрылъ его темною, почти бронзовою корою. Видно было также, что не матеріальныя нужды сдѣлали его такимъ, а смяли и состарили его прежде времени бурныя страсти и тяжелое горе. Это была физіономія угрюмая и даже отчаянная, но въ тоже время смѣлая и разумная. Черные глаза Степана смотрѣли впередъ суровымъ, но быстрымъ и разумнымъ взглядомъ; въ его движеніяхъ и во всей фигурѣ сказывалась энергія, избытокъ которой долженъ былъ находить себѣ исходъ въ неукротимой, рѣзкой запальчивости.

Третій типъ крестьянина, совершенно отличный отъ двухъ первыхъ, представлялъ Семенъ Джурджа. Небольшаго роста, худой, съ вьющимися всклокоченными волосами, почти совсѣмъ закрывавшими лобъ, съ нѣсколько открытымъ ртомъ, съ небольшимъ круглымъ носомъ, вдавленнымъ у переносья, это былъ человѣкъ уже не молодой, некрасивый, глуповатый, оглупѣвшій и почти скотоподобный, очевидно вслѣдствіе сильнаго злоупотребленія спиртными напитками. Его пьяные блѣдно-голубые глаза были подернуты болѣзненной влагой; по временамъ онъ утиралъ на глазахъ слезы толстымъ темнымъ пальцемъ и безсмысленнымъ движеніемъ размазывалъ ихъ по худымъ и желтымъ щекамъ. Въ его фигурѣ, движеніяхъ и взглядахъ рисовались испугъ и печаль. Встревоженный, грустный, оглупѣвшій, онъ не зналъ, куда дѣвать руки, то складывалъ ихъ, то опускалъ вдоль тѣла и при томъ ни на минуту не закрывалъ рта.

Самымъ младшимъ, еще очень молодымъ двадцати двухлѣтнимъ юношею былъ Климъ, сынъ бывшаго старосты, Петра Джурджи. Этотъ красивый свѣтловолосый юноша съ круглымъ, румянымъ лицемъ и синими, какъ небо, глазами напоминалъ полевой макъ, выросшій на волѣ среди полей и насильно пересаженный въ эту тѣсную толпу, въ эту атмосферу искусственнаго свѣта, проникнутую грозою произносимыхъ здѣсь приговоровъ. Господствующимъ чувствомъ, выражавшимся на его молодой открытой физіономіи, былъ стыдъ. Когда на него въ первый разъ устремились взоры толпы, огненный румянецъ залилъ все его лице до корней волосъ. Также точно вспыхнулъ онъ, произнося отвѣтъ: признаюсь, и затѣмъ въ продолженіи цѣлаго засѣданія краснѣлъ каждый разъ, когда во время судебныхъ разбирательствъ слышалось его имя. По временамъ онъ глубоко задумывался и смотрѣлъ куда-то далеко, далеко; тогда на глаза его набѣгали слезы. Но по временамъ также свойственное его возрасту любопытство брало верхъ надъ всѣми другими чувствами. Тогда опущенные глаза его робко, но съ любопытствомъ присматривались ко всему окружающему, о чемъ ему

никогда и не снилось подъ родною крышей. Боже мой! здѣсь такъ свѣтло и ясно, какъ будто небо открылось и весь свой свѣтъ пролило въ эту залу; столько здѣсь народу и въ такихъ прекрасныхъ нарядахъ, что можно подумать, полъ свѣта собралось сюда на какой-то большой и веселый праздникъ. А онъ-же здѣсь зачѣмъ? онъ преступникъ, котораго должны судить, и, Богъ знаетъ, какъ осудятъ. За этими стѣнами гуляетъ вольный вѣтеръ, летитъ къ его родному селу, къ той хатѣ, гдѣ старая мать осталась, въ отчаяніи ломая руки, когда отъ нея уводили сына, къ тому полю, которое онъ пахалъ уже нѣсколько лѣтъ; тогда солнце ярко сіяло, пахли душистыя травы, сердце билось тихо, ровно, весело, не такъ какъ теперь бьется отъ стыда и тревоги, точно рвется въ силкѣ пойманная птичка...

Итакъ, вотъ тѣ четыре человѣка, которые совершили это ужасное преступленіе, тяжелое какъ сонъ бурной зимней ночи. Дѣло было тоже въ зимнюю бурную ночь... Но для чего и какъ они это сдѣлали? подъ вліяніемъ какихъ искушеній и навѣтовъ?

На основаніи свидѣтельскихъ показаній, признаній подсудимыхъ передъ своимъ защитникомъ и всѣхъ подробностей, выясненныхъ судебнымъ слѣдствіемъ и всѣмъ ходомъ дѣла, а также собранныхъ на мѣстѣ разсказовъ и слуховъ объ этомъ событіи, передъ нами развивается слѣдующая, весьма характерная исторія

I.

Необычайное движеніе умовъ, принявшее почти размѣры народнаго волненія, господствовало въ селѣ Сухой Долинѣ. Чтоже волновало такъ сильно жителей этой деревни? Но прежде о самой деревнѣ. Довольно живописно раскинулась она длиннымъ рядомъ около сорока хатъ и огородовъ среди волнующихся полей, окруженныхъ березовыми и осиновыми лѣсами. Большинство хатъ носили отпечатокъ зажиточности; правда встрѣчались между ними убогія хаты, низкія, почернѣвшія, съ ободранною

крышею, но были и другія, съ бѣлыми трубами, съ большими окнами, съ чистенькимъ крылечкомъ на столбахъ и узкими лавочками для сидѣнья. Волнующіяся поля носили признаки недурной обработки и обѣщали хорошій урожай, за ними зеленѣли луга; въ огородахъ уже поспѣвала густая конопля, картофель въ полномъ цвѣту подавалъ надежды на большой сборъ, капуста уже складывалась въ крупныя головки, а густыя вишневыя деревья, окружающія хаты, краснѣли отъ множества поспѣвающихъ ягодъ. Повидимому нужда заглядывала только въ самыя убогія хаты; болѣе зажиточныя смотрѣли такъ, что у ихъ обитателей долженъ быть въ волю, по народному выраженію, «и хлѣбъ, и до хлѣба», могла даже водиться и лишняя копѣйка. Что-же могло такъ сильно встревожить жителей этого села?

Былъ тихій, прекрасный лѣтній вечеръ. Собравшись передъ одною изъ самыхъ лучшихъ хатъ, група женщинъ толковала о чемъ-то, вѣроятно очень интересномъ, съ такимъ оживленіемъ, что вокругъ нихъ собралась цѣлая толпа дѣтей различныхъ возрастовъ. Дѣвочки отъ семи до четырнадцати лѣтъ, босыя, въ синихъ юпочкахъ и въ рубашкахъ изъ небѣленаго холста, съ красными платочками на головахъ, изъ подъ которыхъ выбивались пряди бѣлокурыхъ волосъ, длиннымъ рядомъ выстроились вдоль плетня, сложивши на юпочкахъ маленькія, загорѣлыя руки и широко раскрывши любопытные глазки, въ которыхъ блестящими искрами отражались лучи заходящаго солнца. Со вниманіемъ и любопытствомъ, къ которому примѣшивался страхъ, прислушивались они къ бабьимъ толкамъ, а бабы говорили всѣ вмѣстѣ, кричали, жестикулировали, не слыша одна другой. Мальчики разныхъ возрастовъ тоже помѣстились возлѣ бабъ, но не такъ неподвижно, какъ дѣвочки. Съ такими-же свѣтлыми волосами, и босыми ногами, въ одеждѣ изъ небѣленаго полотна, они протискивались въ толпу, подымая вверхъ свои загорѣлыя, веселыя и смѣлыя лица, кривляясь на всѣ лады и прямо въ глаза передразнивая бабскую болтливость и запальчивость. Старшіе дергали женщинъ за фартухи и настойчиво вмѣшивались въ разговоръ; одинъ изъ самихъ младшихъ, мальчикъ лѣтъ пяти,

одѣтый въ длинную до земли рубашку, съ огромнымъ отвисшимъ животомъ и одутловатыми, желтыми щеками, безпрестанно держа во рту мокрые пальцы, не спускалъ безсмысленныхъ голубыхъ глазъ съ лица своей матери и время отъ времени выводилъ протяжнымъ, плаксивымъ голосомъ: та-то!

Въ небольшомъ дворѣ той-же хаты, передъ которою столпились женщины и дѣти, замѣтно было также нѣкоторое волненіе, но въ значительно меньшей степени; здѣсь собрался кружокъ мущинъ, которые говорили меньше, не такъ громко и не всѣ вмѣстѣ, какъ женщины. Одинъ изъ нихъ, стоя на колѣняхъ подъ коморою, откалывалъ топоромъ тонкую лучину отъ осиноваго полѣна съ такимъ вниманіемъ и сосредоточенностью, какъ будто исполнялъ какое-то чрезвычайно важное и торжественное дѣйствіе. Этотъ крестьянинъ, худощавый и уже не молодой, но еще сильный и крѣпкій, хозяинъ этой хаты Петръ Джурджа, былъ однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ и самыхъ разумныхъ хозяевъ въ Сухой Долинѣ. Возлѣ него стояли два его сына, молодые парубки, дальше двоюродный братъ Петра, совершенно непохожій на него, Степанъ, глядѣвшій на его работу съ угрюмымъ выраженіемъ на состарѣвшемся прежде времени, измятомъ и какъ-бы обожженномъ лицѣ; еще дальше стоялъ послѣдній изъ Джурджей Семенъ, который смотрѣлъ бѣднымъ и несчастнымъ; его дыханіе распространяло въ кругѣ сильный запахъ водки.

Вѣроятно отъ водки покраснѣли бѣлки его глазъ, высохли и пожелтѣли щеки; можетъ быть по той-же причинѣ онъ ходилъ босой и въ порванной рубахѣ, тогда какъ другіе были одѣты въ крѣпкія свиты домашняго издѣлія и толстые, высокіе сапоги. Кромѣ этихъ пяти Джурджей во дворѣ находилось еще нѣсколько десятковъ крестьянъ старыхъ и молодыхъ; всѣ они были болѣе или менѣе оживлены, всѣ казались сильно заинтересованными тѣмъ, что дѣлалъ Петръ Джурджа, и то посматривали другъ на друга съ улыбкою на губахъ и выраженіемъ живаго любопытства въ глазахъ, то пожимали плечами, произнося по временамъ отрывистое слово или восклицаніе. А за воротами про-

должали шумѣть женщины, кричали и жестикулировали попрежнему; по временамъ то одна, то другая отъ большаго азарта почти присѣдала къ землѣ, либо хватала сосѣдокъ за плечи или за рукавъ, чтобы привлечь ихъ вниманіе; тѣ, оборотившись, поспѣшно отталкивали ее и каждая продолжала свое до полной потери голоса; у другихъ напротивъ голосъ подымался до неестественно высокихъ и рѣзкихъ нотъ, какихъ не можетъ ни взять, ни слышать человѣкъ въ спокойномъ состояніи. Такимъ-то именно голосомъ крикнула одна изъ нихъ, перегнувшись черезъ плетень во дворъ.

— Петро! а, Петро! чи ты коли скинчишъ, чи ни? А то сонце зайде и тоди вже псы ходитимуть по полю, а не люде!

— А часъ вже йти, ей Богу, часъ! хоромъ подхватило нѣсколько визгливыхъ женскихъ голосовъ.

Иныя прибавили:

— Чи вамъ не соромъ, Петре, такъ марудити? Ой! чоловикъ нибы-то дужчій, а баба швидче-бъ тихъ трисокъ нащепила, якъ винъ... господарь великій!

Петръ Джурджа точно не слыхалъ обращенныхъ къ нему возгласовъ, даже не поднялъ головы, не пошевелилъ губами. Онъ продолжалъ колоть лучину съ такимъ вниманіемъ и торжественностью, что казалось, вотъ-вотъ перекрестится самъ и перекреститъ свою работу, такою она была для него важною, почти священною. Двое стоявшихъ близъ него крестьянъ одновременно обратились къ Степану Джурджѣ съ вопросомъ:

— То такъ и нема? ани трошки нема?

— Якъ нема—такъ нема! отвѣчалъ суровый Степанъ. Капелинку пустить изъ себе и, хочъ забый іи, вже бильше не дасть. Дытыни нема чого въ ротъ влити, якъ розкричиться...

— Не-вже! протяжно и съ удивленіемъ замѣтили собесѣдники.

— А перше якъ було? спросилъ кто-то со стороны.

— Першъ то було и бильше якъ гарнець дають...

— Обыдви?

— Та обыдви-жъ!

— То такъ, якъ и въ мене! замѣтилъ убогій Семенъ; одна тилько, а колись було зъ гарнець дае...

Подталкивая другъ друга локтемъ, крестьяне вглядомъ указывали на угрюмую физіономію Степана. Одинъ голосъ отозвался полушутливо, полунасмѣшливо:

— Ой! бида-жъ тоби, Степане! То-жъ теперъ тамъ въ тебе пекло гаряче...

Другой прибавилъ съ грубымъ смѣхомъ:

— Онъ я вчора чувъ, якъ тая верещала въ своій хати мовъ навижена...

— Хто? спросилъ кто-то со стороны.

— Та вже-жъ не хто, якъ Степанова Варка.

— О, що люта баба, то люта... якъ огонь... замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ. Степанъ еще ниже опустилъ голову и упорно молчалъ

За воротами снова послышался прежній женскій голосъ, но еще болѣе рѣзкій и сердитый.

— Петро! а Петро! чи ты скинчишъ коли нибудь, чи ни?

Въ толпѣ мущинъ раздался дружный смѣхъ.

— Бачъ, якъ Степанова жинка лящить! отъ кому не терпится піймать видьму. Ходи швидче, Петре, бо якъ розлютуется баба, та бида буде... тоди вже ій не порадишъ... битиме!

Въ эту минуту хозяинъ окончилъ работу, поднялся съ земли и приказалъ сыну отнести топоръ въ хату. Подъ коморою лежитъ толстый снопъ тонкой, сухой, отличной для распала лучины. Петръ наклонился, взялъ этотъ снопъ въ охапку и вышелъ за ворота. Появленіе его привѣтствовалось дружнымъ восклицаніемъ женщинъ, а дѣти роемъ окружили его. Дѣвочки оставили плетень и медлено подходили къ нему, мальчики прыгали вокругъ, какъ жеребята, крича и болтая.

— Геть! пишлы! крикнулъ Джурджа.—Дѣти разбѣжались во всѣ стороны, впрочемъ не далеко, и остановившись по близу, не сводили глазъ съ этой лучины, точно первый разъ въ жизни видѣли такой необыкновенный предметъ. Степанова жена, которая кричала громче другихъ и потому давала тонъ въ кругу

женщинъ, женщина высокаго роста, худая, смуглая, съ черными сверкающими глазами, выскочила впередъ и ухватившись за бока, съ необыкновеннымъ жаромъ обратилась къ Петру.

— А осинове дерево?

— А тожъ яке? отвѣчалъ съ пренебреженіемъ серьёзный Петро.

— Чи певно жъ осинове? переспросила она и, не получивъ отвѣта, снова быстро и запальчиво замолола языкомъ:

— Бо якъ не осинове, то ничого зъ того не выйде... видьма на инше дерево не прыйде, тилько на осинове... Присягни, Петре, що нащепивъ осинового дерева. Чуешь, присягай. Клади заразъ пальци на крестъ и присягай передъ миромъ, що осинове...

Остановившись на минуту перевести духъ, она молча дергала Петра за рукавъ и полы его самодѣльной свиты и въ тоже время отталкивала обоими локтями сосѣдокъ, которыя хватали ее за плечи, пытаясь удержать ея энергичныя движенія. Тоже пробовалъ сдѣлать и Степанъ. Черные глаза его заблестѣли отъ гнѣва и онъ ударилъ жену кулакомъ съ такою силою, что она отлетѣла за нѣсколько шаговъ и «достала тыну». Но, быстрая какъ молнія и ловкая какъ бѣлка, она въ тоже мгновеніе подскочила къ мужу, отвѣтила ему звонкою оплеухой и затѣмъ, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, снова бѣжала за Петромъ, заступая ему дорогу, и продолжала повторять на разные голоса:

— Чи осинове дерево? Певно осинове?.. Присягни, Петре, що осинове...

Грубый и визгливый смѣхъ среди окружавшей Петра толпы привѣтствовалъ эту выходку. Степанъ шелъ молча и опустя голову; щеки его покрылись багровою краскою, но онъ не дотрогивался къ ней и только еще сильнѣе нахмурилъ и сморщилъ лице. Сверкающіе глаза его опустились въ землю и сквозь стиснутые зубы вырвалось энергичное проклятіе. Онъ весь кипѣлъ отъ стыда и гнѣва.

— Соромъ! замѣтила вслухъ не молодая уже, болѣзненная, но еще красивая жена Петра Джурджи, одѣтая лучше другихъ и говорившая меньше всѣхъ остальныхъ женщинъ. Я зъ своимъ старымъ викъ изжила, сынивъ погодувала, диждала, що повы-

ростали якъ ти дубы, а николы мижъ нами не було ани сварки, ани бійки, ей Богу, не було.

— Соромъ! Соромъ! повторило нѣсколько голосовъ, а одинъ изъ крестьянъ прибавилъ съ насмѣшкою, указывая на Степана:

— Такій зъ ёго мужикъ! Дае баби верховодити! та я-бъ іи...

Среди общаго гула голосовъ и смѣха снова поднялся голосъ Варки, на этотъ разъ съ такимъ рѣзкимъ и яростнымъ тономъ, точно ей приставили ножъ къ горлу.

— Та кажи вже, чи осинове дерево? чи справди осинове? присягай швидче, Петре, що осинове...

Изъ группы мущинъ отдѣлился небольшого роста худощавый, почтенный старикъ, Яковъ Шишка, и приблизившись къ женщинѣ, которой сомнѣніе относительно породы нарубленнаго дерева переходило въ родъ помѣшательства, спокойно и съ достоинствомъ произнесъ:

— Та вгамуйся, Варко, не дури! Було-бъ тоди дывитись, якъ рубали дерево, а не теперъ въ вичи лизти чоловикови. Яжъ тамъ бувъ и бачивъ, що дерево справди осинове... Тожъ и въ мене нещастья. . и я раднійшій побачити въ вичи ту прокляту видьму.. чи мы-бъ таки вси згодились, якъ-бы було инше дерево, а не осинове!...

Отъ этихъ словъ Варку точно холодной водой облило; она умолкла и, оставивъ Петра, быстро, неровною походкою, свойственною страстнымъ и безпокойнымъ натурамъ, выступила впереди прочихъ женщинъ. Впрочемъ, по мѣрѣ того какъ продолжалось шествіе, толпа мало по малу рѣдѣла. Во дворахъ мычали коровы, только что пригнанныя съ поля, тонкими дрожащими голосами блеяли овцы; кое-гдѣ стояли нераспряженные возы въ такомъ положеніи, какъ оставили ихъ хозяева, побуждаемые любопытствомъ поскорѣе узнать причину волненія. Тамъ и сямъ въ открытыя двери хаты виднѣлся огонь и какая нибудь изъ оставшихся дома женщинъ суетилась возлѣ печи, приготовляя ужинъ; при такой заманчивой картинѣ каждый чувствовалъ голодъ и вспоминалъ о своемъ ужинѣ. Мущины и женщины незамѣтно отдѣлялись отъ толпы и скрывались за

плетнями своихъ хатъ. Но прежде, чѣмъ удалиться окончательно, сосѣди собрались въ небольшой кружокъ и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ обмѣнивались лаконическими замѣчаніями, выражающими всю ихъ мысль.

— Кумедія, та й годи! пожимая плечами, говорили мущины.

— Нехай вже тую кумедію лыхо возьме! сердито отвѣчали женщины. Тутъ бида, лыхо, шкода така, що й Господи, а вони... кумедія! .

— Цикавый-бы я знати, хто та видьма!

— Чи вона прыйде на огонь, чи ни?

Этотъ послѣдній вопросъ оставался на всѣхъ устахъ: и мущины, и женщины, и дѣти, старые и молодые повторяли его въ хатахъ, коморахъ, въ хлѣвахъ и загонахъ; повторяли его дѣвушки у колодцевъ, черпая воду скрипучимъ журавлемъ. Прійдетъ-ли она на огонь или нѣтъ? Старые люди отвѣчали:

— Чому-бъ не мала прыйти! за дидивъ и прадидивъ нашихъ приходила, то и теперъ мусить прыйти .

Между тѣмъ Петръ Джурджа по прежнему шелъ впередъ спокойнымъ, мѣрнымъ шагомъ. Выходя со двора, онъ надѣлъ на голову старую, вытертую баранью шапку, изъ подъ которой выбивались длинные, густые съ серебристою сѣдиною волосы. Одѣтый въ длинную полотняную свиту, окрашенную въ красный цвѣтъ, въ высокихъ сапогахъ, съ повисшими на глаза клочками бараньей шапки, съ толстою вязанкою щепокъ въ рукахъ, онъ напоминалъ собою жреца, который готовится совершить торжественный обрядъ въ пользу какого-то общественнаго дѣла. Продолговатое лице его, обрамленное короткою бородою, носило выраженіе глубокой задумчивости, почти торжественности, безъ малѣйшей тѣни угрюмости или раздраженія, какое замѣчалось у нѣкоторыхъ другихъ. Онъ хранилъ мертвое молчаніе; сѣрые глаза его, въ которыхъ отражалось смиреніе и какъ-бы внутреняя, обращенная къ кому-то просьба, смотрѣли прямо впередъ; можно было подумать, что въ глубинѣ его души произносилась горячая молитва. За нимъ шли два его сына, высокіе, бѣлокурые парубки съ открытыми, веселыми лицами. Далѣе, еще ниже

опустивъ голову, тяжелыми шагами шелъ Степанъ; рядомъ съ нимъ передвигалъ ноги оборванный Семенъ Джурджа и наконецъ съ важностью выступалъ старый Яковъ Шишка. Изъ женщинъ оставались только жены трехъ Джурджей и красивая молодая дѣвушка съ веселой физіономіею, безпрестанно поглядывавшая на молодого Клима Джурджу, которая и замыкала шествіе. Дѣти со всего села и мальчики и дѣвочки отъ всей души рады были-бы присоединиться къ процессіи, если-бы родители насильно не затащили ихъ домой; нельзя было прогнать только пятилѣтняго мальчика въ рубашкѣ, съ огромнымъ животомъ и отвисшими щеками. Онъ по прежнему бѣжалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ старшихъ, скоро, скоро перебирая маленькими босыми ногами по грязи и кочкамъ деревенской улицы, и время отъ времени выводилъ протяжно плаксивымъ голосомъ: тато! Но люди, составлявшіе процессію, не обращали никакого вниманія на этотъ жалкій дѣтскій голосъ. Тамъ и сямъ вспорхнетъ съ крыши стая голубей и съ тихимъ воркованьемъ подымается въ высоту на серебристо-розовыхъ или синеватыхъ крыльяхъ; гордые пѣтухи, покрытые роскошными пестрыми перьями, встревоженные топотомъ столькихъ шаговъ, тяжело взлетаютъ на воздухъ и тотъчасъ-же опускаются на заборъ; при видѣ такой толпы изъ дворовъ выбѣгаютъ съ неистовымъ лаемъ рыжія, черныя, сѣрыя и пестрыя дворняги, но, узнавши своихъ, скоро умолкаютъ и съ любопытствомъ или съ недовѣріемъ смотрятъ на прохожихъ. Заходящее солнце вотъ-вотъ скроется за полями и лѣсами; послѣдніе лучи его озаряютъ бѣлыя стѣны хатъ и людскія лица бѣлымъ красноватымъ свѣтомъ. Оконныя рамы сверкали на минуту рубинами, но вскорѣ поблѣднѣли и погасли; изъ трубъ вылетаетъ тонкою струйкою красноватый, серебристый дымъ и подымается къ небу темно-сѣрыми клубьями. Мало по малу стихаетъ мычаніе скота, блеяніе овецъ, лай собакъ, стукъ отворяемыхъ и затворяемыхъ воротъ. Въ такой торжественный вечеръ всѣ проникнуты важностью совершающагося событія; семья усаживается за скромный ужинъ; дѣти ѣдятъ молча, но всѣ умы заняты поимкою вѣдьмы и разговоры старшихъ естественно при-

нимаютъ такое направленіе. Припоминаются и передаются въ полъ-голоса съ глубокою вѣрою всѣ слышанные когда либо разсказы о такого рода случаяхъ и мало по малу деревня погружается въ глубокую чарующую тишину.

А за селомъ, за полями и лѣсами густыя темныя тучи полукругомъ затянули западный край неба; солнце окрашивало края ихъ пурпуровою и фіолетовою краскою, но сумерки давно уже опустились на землю. Небесный сводъ, блѣдный, золотистый и лиловый въ одномъ краю становился все темнѣе и темнѣе; вотъ высоко надъ землею заблестѣла звѣздочка, а земля мало по малу покрывалась легкими прозрачными сумерками, сквозь которые еще можно было различить и желтѣющія поля, и зеленѣющіе луга, и синеватый лѣсъ, и бѣловатыя песчаныя дороги, вьющіяся среди полей. За версту отъ послѣдней хаты четыре дороги расходились изъ одного пункта въ различныхъ направленіяхъ. Одна вела въ село, другая, слѣдуя склону волнистой поверхности, исчезала гдѣ-то въ недоступной для глазъ дали, третья прямою, ровною лентою тянулась въ глубину лѣса, четвертая и самая короткая, мѣстами обсаженная вербами и березами, оканчивалась передъ хатою, окруженною нѣсколькими старыми деревьями и стоящею одиноко вдали отъ села. Вблизи этой хаты замѣчалась небольшая низкая постройка безъ оконъ, на подобіе землянки, въ которой каждый знакомый съ деревенскимъ ітомъ тотчасъ узналъ-бы кузницу.

Въ томъ тѣстѣ, откуда онѣ расходились въ различныя стороны свѣта, на темномъ фонѣ поля, окаймленнаго лѣсомъ, виднѣлся старый высокій крестъ; противъ креста лежалъ по другую сторону дороги огромный поросшій мхомъ камень. Въ двугъ шагахъ отъ этого камня остановился Петръ Джурджа, опустилъ на землю свою ношу, затѣмъ выпрямившись во весь ростъ, громко перевелъ духъ, взглянулъ на небо и, вынувъ изъ кармана губку, огниво и кремень, молча принялся добывать огонь. Глубокое молчаніе воцарилось среди окружающихъ; всѣ столпились въ тѣсный кружокъ, не сводя глазъ съ его руки, и казалось удерживали въ груди дыханіе, по видимому забывая обо всемъ,

что не относилось къ тому дѣлу, для котораго они собрались здѣсь. Степанова Варка сильнѣе сжала свои тонкія губы, жена Петра и одинъ изъ его сыновей, напротивъ, не замѣтно для самихъ себя широко раскрыли глаза; Яковъ Шишка выпрямился, какъ только могъ, и принялъ такую торжественную позу, что показывался гораздо выше своего обыкновеннаго роста; его внучка, красивая дѣвушка, которая во время шествія постоянно посматривала на Клима, теперь съ выраженіемъ боязни и любопытства на лицѣ спряталась за спину статнаго парубка, прижалась къ нему, положила подбородокъ на его плечо, вѣроятно считая себя въ безопасности за такимъ оплотомъ. Красивый парубокъ, меньше всѣхъ остальныхъ заинтересованный совершавшимся актомъ, отлично замѣтилъ приближеніе дѣвушки и слегка улыбнулся полудовольной, полу-досадливой улыбкой. Казалось, его нѣсколько раздражала и красивая Приська и то, что совершалось и еще должно было произойти передъ нимъ. Между тѣмъ Петръ Джурджа добылъ огня, наклонился къ землѣ и часть принесенныхъ имъ сухихъ щепокъ вспыхнула яркимъ пламенемъ.

Господи! вскрикнули въ одинъ голосъ всѣ четыре женщины.

Почему-же огонь такъ сильно испугалъ или поразилъ ихъ? Вѣдь они могли освоиться съ его блескомъ и жаромъ съ перваго дня своего появленія на свѣтъ и сами разводили его ежедневно утромъ и вечеромъ. А между тѣмъ они вскрикивали такъ, какъ будто первый разъ въ жизни видѣли огонь. Всѣ уже умолкли, одна Варка продолжала причитать: «Ой Господи, Боже мій! Господи милостивый!» Петрова жена стояла, подперши голову рукою, и поминутно тяжко вздыхала; Семенова жена задумчиво качала головой и тоже вздыхала, а Приська обѣими руками схватила Клима за плечи и такъ крѣпко сдавила ихъ, что тотъ оттолкнулъ ее локтемъ и съ досадой произнесъ: «Та отчепись! чого припъялась до мене... якъ той клищъ!». Однако дѣвушка, названная клещомъ, не отставала и держась еще крѣпче за плечи парубка, въ полъ-голоса шептала ему надъ самымъ ухомъ: «Ой Климку! Климку! ой Климку! Климку!» Мущины хранили молчаніе, вскорѣ умолкли и женщины и ждали, сжавши губы и удерживая въ

груди дыханіе. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали дѣйствія огня, который сперва разливался низко по землѣ, охватывая желтою струею осиновыя щепки, потомъ вспыхивалъ на минуту высокимъ яркимъ пламенемъ и снова опускался къ землѣ, пока не подкидывали новую охапку щепокъ.

Въ полѣ было тихо и пустынно. Горѣвшая на западѣ туча совсѣмъ угасла и потемнѣла, только блѣдно-желтое зарево виднѣлось еще на горизонтѣ. Гдѣ-то за пригоркомъ послышался стукъ колесъ по сухой землѣ и затихъ вдали; изъ села доносился лай собакъ, да изрѣдка человѣческій голосъ. Ни души не видно было на всѣхъ четырехъ дорогахъ, только въ открытыя двери кузницы показался огонь и раздались нѣсколько ударовъ тяжелаго молота; эхо громко и протяжно повторило ихъ въ сосѣднемъ лѣсу. Вскорѣ молотъ затихъ на нѣкоторое время, а между густыми вербами по дорогѣ, ведущей въ кузницу, раза два послышался жалобный стонъ козодоя. Въ кругу людей столпившихся у огня, свѣжій мужскій голосъ громко и отчетливо произнесъ:

— Або-жъ то правда?

Отъ такой неожиданности всѣ обратились въ сторону говорящаго, не исключая и сосредоточеннаго въ себѣ Петра Джурджи.

— Що таке? що правда? що ты выгадуешъ?—засыпала Варка, не переводя духу.

— Або то правда, що видьма прыйде на огонь? повторилъ Климъ, переступая съ ноги на ногу.

При такой дерзости женщины широко открыли глаза. Приська снова зашептала ему надъ ухомъ: ой Климку! Климку! а старикъ Шишка произнесъ торжественнымъ тономъ:

— За дидивъ и прадидивъ нашихъ приходила, то чому-бъ теперъ не мала прыйти?

— Але-жъ! хоромъ повторили слушатели.

Климъ опять переступилъ съ ноги на ногу и уже не такъ смѣло, какъ прежде, замѣтилъ:

— А може и зовсимъ на свити нема...

— Кого? вскрикнула Варка.

— А видьмы... уже колеблющимся голосомъ отвѣтилъ парубокъ.

О, на этотъ разъ такой крайній безпримѣрный скептицизмъ вызвалъ цѣлую бурю. Варка обѣими руками ухватилась за бока и подскочила къ преступнику.

— Нема видьмы? а чому коровамъ молоко пропало? га! чому пропало? Може не правда? може я брешу, що пропало? Коли я брешу, спытай риднои неньки, чи пропало, чи ни?... Онъ и въ Якова спытай, и въ Семена, и въ усихъ... Ой бидна-жъ моя головонько! видьмы нема. Въ коровы ани крапельки молока немае... нема чого дытыни въ ротъ влити..., а винъ каже, що видьмы нема... Ой, доле моя безталанная! Ой, ты паскуднику, недовирку поганый, нечестивець такій, що хай Богъ милуе всякаго хрещеного...

Все это говорилось съ чрезвычайною быстротою и запальчивостью, но Климу удалось вставить въ этотъ потокъ еще нѣсколько словъ не столько изъ убѣжденія, сколько на перекоръ, изъ желанія еще больше подразнить раздраженную женщину.

— Видьма! засуха така, що не приведи Господи, паша кепська, то й молоко пропало...

На этотъ разъ обратился къ сыну самъ священнодѣйствовавшій въ этомъ торжественномъ актѣ, Петръ Джурджа, съ кроткими. серьёзными словами:

— Годи, Климе! коли вже наши диды и прадиды вирилы тому, то се вже мусить бути правда. Не бреши, дурно, а чекай. Може Господь милосердный покаже свое чудо намъ гришнимъ и тая, що намъ таку кривду зробила, прыйде на огонь; бо огонь запаленый зъ осинового дерева, съ того самого, на якому повисывся проклятый Іуда (бисова ёго душа), що продавъ у жыдивськи руки Господа нашего Исуса Христа. Аминь!

Отвѣтомъ на эту рѣчь было нѣсколько глубокихъ вздоховъ, надъ которыми снова поднялся громкій, рѣзкій, запальчивый голосъ Варки:

— А осинове дерево? чи певно осинове?

Но Яковъ Шишка порывистымъ жестомъ принудилъ ее замолчать и снова въ кружкѣ воцарилась тишина. Въ густыхъ вербахъ при дорогѣ снова закричалъ козодой, а въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ оставшихся вокругъ огня людей слабый, дѣтскій, измученный голосъ заплакалъ: тато! Никто не обратилъ вниманія на этотъ жалкій голосокъ, кромѣ Степана Джурджи, который обернулся, посмотрѣлъ вокругъ и съ глухимъ, сердитымъ ворчаньемъ поднялъ на руки бѣднаго заплаканнаго ребенка. Это былъ его единственный сынъ. Отецъ съ досадой взялъ его на руки, но тотчасъ крѣпко обнялъ его, прижалъ къ груди и прикрылъ полою свитки его босыя, мокрыя отъ вечерней росы ножки. Несомнѣнно бѣдный ребенокъ сильно нуждался въ томъ сладкомъ здоровомъ молокѣ, которое отняла у коровъ злая вѣдьма.

Кругомъ все тихо. Въ полѣ и на дорогахъ по прежнему ни души живой. Изъ кузницы снова послышался стукъ молота; эхо повторило его въ ближайшемъ лѣсу, а огонь разгорался все выше и выше при полной неподвижности воздуха. Варку мучитъ желаніе закричать снова: чи осинове древо? чи справди осинове? но она боится немного Петра и стараго Шишки и молча, нетерпѣливо обѣими руками теребитъ свой передникъ. Между тѣмъ Петръ подбросилъ въ костеръ новую вязанку дровъ, яркое пламя сразу освѣтило стоящій напротивъ крестъ и огненные языки подымались все выше и выше до самой перекладины креста... Увидя такъ внезапно старый крестъ въ золотомъ сіяніи, всѣ присутствующіе наклонили головы и медленно, благоговѣйно перекрестились...

Въ ту-же минуту на дорогѣ, которая вилась между холмами и исчезала въ дали, послышалось за пригоркомъ громкое, еще отдаленное пѣніе. Широко разносились въ ночной тишинѣ мелодичные звуки пѣсни, протяжные, тоскливые; прекрасный женскій голосъ, сильный и чистый, громко и отчетливо выговаривалъ слова пѣсни:

Черезъ риченьку, черезъ быструю,
Подай рученьку, подай милую;
Черезъ болото, черезъ риченьку,
Ходи до мене, мое серденько

На лицахъ столпившихся вокругъ огня людей отразились смѣшанныя чувства удовольствія, страха и въ особенности любопытства. Даже маловѣрный Климъ широко раскрылъ глаза и поднялъ руку, чтобы перекреститься въ другой разъ, но отъ сильнаго волненія рука опустилась и онъ не кончилъ начатаго жеста.

— Иде! иде вже! шепнули женщины.

Приська совсѣмъ присѣла къ землѣ изъ страха передъ вѣдьмой и обѣими руками держалась изо всей силы за полы Климовой свиты. Между тѣмъ голосъ невидимой пѣвицы раздавался все ближе и ближе.

Де ты дивчино мыслями блудишъ?
Скажи ты правду, кого ты любишъ?
Ой, знаю, знаю, кого кохаю,
Тильки не знаю, зъ кимъ ся звинчаю.

На этотъ разъ всѣ три Джурджихи многозначительно переглянулись между собою.

— Ковалиха, чи що? прошептала жена Петра.

— А то-жъ! такимъ-же шопотомъ отвѣчала Семенова жена; нихто такъ не спиватиме, якъ вона!

Варку съ головы до ногъ охватила страстная дрожь; противъ обыкновенія она не сказала ни слова и только быстро, саркастически, посматривала на мужа горящими глазами. Удивительное дѣло! Степанъ весь подался впередъ и такъ вытянулъ шею, точно хотѣлъ увидѣть черезъ пригорокъ ту, чей голосъ доносился до его слуха. При этомъ отъ напряженія мускуловъ темная кожа на его лицѣ совсѣмъ разгладилась и только сморщенный, измятый лобъ придавалъ всему лицу выраженіе страданія.

Но вотъ на вершинѣ небольшаго холма показалась женская фигура, черты которой еще нельзя было различить; быстро спускаясь съ пригорка, она продолжала свою пѣсню.

Ой, пиду, пиду, у лисъ, у лисочки,
Де розцвитають дрибни квиточки.

Тамъ я ходила та говорила,
Суди мени Боже!...

Голосъ пѣвицы вдругъ оборвался и замолкъ. Она остановилась всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ огня, словно изъ земли выросла. Теперь при свѣтѣ костра, смѣшанномъ съ блѣднымъ свѣтомъ луны, черты лица ея и вся фигура выдѣлялись съ отчетливостью рѣзьбы. Это была еще молодая женщина высокаго роста, сильнаго и стройнаго сложенія; босыя ноги ея тонули въ густой травѣ. Одѣта она была въ толстую рубаху, короткую синюю юпку и длинный полосатый передникъ съ прикрѣпленными къ поясу углами, наполненный такою массою цвѣтущихъ полевыхъ растеній, что часть ихъ выпадала изъ передника и, цѣпляясь между собою, свѣшивалась почти до земли. При свѣтѣ костра можно было различить нѣжно голубыя цвѣты полевого цикорія, свѣтлорозовый золототысячникъ, бѣлый и розовый трилистникъ, бѣлую ромашку, желтые Иванъ-да-Марья, чебрецъ, материнку, полынь и другія лѣкарственныя травы. Сверхъ того она обѣими руками несла огромный снопъ травъ съ длинными и твердыми стеблями, между которыми выдѣлялись желтыя звѣзды «дывыны» и бѣлыя головки деревѣя; эти растенія закрывали всю ея грудь и часть лица, видно было только голову, повязанную краснымъ платкомъ, изъ подъ котораго выбивались пряди темныхъ, матовыхъ спутанныхъ волосъ, спадавшія на лобъ, загорѣлую шею и толстый воротникъ рубахи. На половину закрытое цвѣтами и волосами лице ея показывалось грубымъ и зауряднымъ; это загорѣлое румяное лице съ вишневыми губами, круглыми щеками и весело приподнятымъ носомъ красили только большіе, продолговатые глаза, сѣрые, блестящіе и такіе выразительные, что, казалось, они говорили, смѣялись, нѣжили... Съ босыми ногами, обагренными отблескомъ огня, вся покрытая цвѣтами и травами, съ распущенными волосами и блестящимъ, смѣлымъ, смѣющимся взглядомъ, она, перекрестясь, остановилась подлѣ самаго креста, освѣщеннаго яркимъ пламенемъ. Первыя слова, сорвавшіяся съ ея устъ, звучали нѣсколько наивнымъ изумленіемъ.

— Боже поможи! а що вы тутъ робите, люде добри?

Но тотчасъ-же, какъ-бы припомнивши хорошо извѣстную вещь, прибавила вопросительнымъ тономъ:

— Видьму ловите на огонь? чи що? и затѣмъ, поднявъ голову, докончила уже съ полнымъ убѣжденіемъ:

— Ага, коровамъ молоко пропало! и качая головою, продолжала удивляться: охъ! чудна ричъ! чого тилько не трапляеться на симъ свити!

Въ кругу господствовало мертвое молчаніе. Казалось, въ эту торжественную минуту души всѣхъ этихъ людей слились въ одну душу, которая сосредоточивала всѣ силы своей мысли, чувства, взгляда и слуха и какъ острое жало вонзила ихъ въ лице этой женщины. Вытянувъ шею, всѣ пронизывали ее глазами. Пока еще во всѣхъ глазахъ можно было прочесть только удивленіе и отчасти отвращеніе. Только горящій взглядъ Варки, исполненный ѣдкой насмѣшки, поминутно перебѣгалъ отъ женщины, стоящей подъ освѣщеннымъ крестомъ, на лице мужа, принявшее особенное выраженіе; неясная улыбка, отражавшая какое-то внутреннее наслажденіе, разлилась по его лицу и мѣсто обычной суровости занялъ наивный восторгъ, проникавшій насквозь все его существо, какъ будто онъ не могъ въ волю наглядѣться на что-то, или на кого-то. Между тѣмъ женщина снова заговорила:

— Що-жъ? чи вже приходила?

Никто не отвѣчалъ. Въ ея блестящихъ веселыхъ глазахъ промелькнуло безпокойство.

— Що-жъ? бачили вже видьму? чи приходила?

На этотъ разъ изъ кружка отозвался кроткій и серьезный голосъ Петра Джурджи:

— Або не знаете, що котра перша пройде коло вогню, та и есть видьма.

— Ну, тономъ глубокаго убѣжденія отвѣчала женщина, якъ бы-жъ я того не знала, знаю! то й котора перша пройшла?

Два серьезные мужскіе голоса, одинъ Петра Джурджи, другой Якова Шишки отвѣчали:

— Ты.

И въ то-же мгновеніе, точно ракета съ трескомъ разорвалась въ воздухѣ, одинъ женскій голосъ разразился всѣми тонами страсти, доведенной до бѣшенства и вмѣстѣ какого-то страданія, граничившаго съ отчаяніемъ, повторяя до безконечности одно только слово: ты, ты, ты! Ничего другаго Варка не могла произнести; она дрожала вся съ головы до ногъ, а изъ пылающихъ глазъ ручьями текли слезы. Она смѣялась и плакала, топала ногами и, грозя кулаками, кричала: ты, ты, ты!

— Я? произнесла пораженная женщина, и въ изумленіи опустила руки такъ, что бѣлый деревѣй и желтая «дывына», разсыпались по травѣ и покрыли ея босыя ноги.

— Я! повторила она, складывая на передникѣ загорѣлыя, огрубѣвшія отъ работы руки. Пунсовыя губы слегка раскрылись, въ глазахъ мелькнуло сознаніе опасности; но это продолжалось всего одно мгновеніе; глаза тотчасъ прояснились, губы дрогнули и на лицѣ появилась веселая улыбка, пока наконецъ, пересиливши страхъ и изумленіе, звонкій смѣхъ вырвался изъ ея груди. Какъ прежде пѣсня, такъ теперь смѣхъ ея широкою волною разливался по полю, чистый, звонкій. Слышалась въ немъ душа живая и свѣжая, что-то въ родѣ дѣтской наивности, или невозмутимаго веселія птички.

— Я! я! говорила она сквозь смѣхъ, я перша на огонь прыйшла! Я коровамъ молоко одняла! я видьма! ой, люде добри! що вы выгадали! чи вы здурили? чи вамъ въ головахъ замакитрилось?—И она еще долго смѣялась, держась за бока, пока наконецъ слезы брызнули изъ глазъ и, съ дрожавшей еще отъ смѣха грудью, она громко сплюнула.

— Пфу! таку бридку рѝчъ казати на христіянську душу! чи вамъ не соромъ?—Наклонясь, она собрала разсыпавшіеся по землѣ цвѣты и травы и затѣмъ, проходя мимо стоящей группы, проговорила:

— Стійте-жъ тутъ и чекайте видьмы, бо якъ есть Богъ у неби, вона ще не оказалася. Мени треба до чоловика и диточокъ. Бувайте здорови!

Она такъ привѣтливо кивнула головою, какъ будто совершенно забыла все происшедшее между нею и этими людьми, и быстрыми шагами пошла по направленію къ кузницѣ, и тотчасъ-же запѣла бойкую, веселую пѣсню.

Гиля, гиля, сири гуси,
Сири гуси на рику,
Ой, якъ звяжуть билы ручки,
Не розвяжуть до вику.

Оставшіеся у костра люди долго еще стояли, потупивъ голову; Петръ Джурджа первый прервалъ молчаніе.

— Отъ и оказавъ намъ Господь милосердный нашу скривдительку...

Двѣ женщины громко вздохнули, а Варка подскочила къ мужу, державшему на рукахъ ребенка, и схватившись за бока, подавшись впередъ, съ устремленными на мужа глазами проговорила сквозь стиснутые зубы:

— Видьма Ковалиха! видьма твоя мила! видьма твое серденько кохане!

Казалось, она бросала ему въ лице эти три восклицанія, будто три пощечины. Онъ склонилъ голову къ головкѣ спящаго ребенка и лице его приняло обычное суровое выраженіе глубокой скорби. Онъ какъ-бы совсѣмъ не замѣчалъ жены, не слышалъ ядовитой ея насмѣшки и тихо пробормоталъ про себя:

— Та я вже давно знавъ, що вона видьма!

Красивая Приська оставила своего парубка, и обратившись въ ту сторону, куда скрылась Ковалиха, надъ чѣмъ-то глубоко задумалась, приложивъ палецъ къ губамъ. Никто не подкладывалъ дровъ въ костеръ и огонь мало по малу угасалъ; блескъ его уже не освѣщалъ креста, который выдѣлялся теперь изъ мрака, высокій, черный, нѣмой. Люди, словно мотылька на свѣчку, поймавшіе вѣдьму на огонь изъ осиноваго дерева, могли-бы уже разойтись по домамъ, однако не расходились, а все стояли и слушали, точно еще чего-то ждали. Въ густыхъ вербахъ все чаще слышался крикъ козодоя; пара летучихъ

мышей, погнавшись другъ за другомъ, промелькнула надъ крестомъ и упала на землю. По дорогѣ въ кузницѣ продолжалъ раздаваться тотъ-же громкій, чистый голосъ, который пѣлъ слѣдующій куплетъ пѣсни:

Гиля, гиля, сири гуси,
Сири гуси на писокъ.
Молодый викъ утеряла
И свій тонкій голосокъ.

Казалось, пѣнію вторили частые удары молота, а въ открытыя двери кузницы густымъ роемъ вылетали блестящія искры и разсыпались въ темнотѣ. Поющая женщина прибавила шагу и, когда уже близко подошла къ одинокой хатѣ, изъ свѣтящейся кузницы послышался мужской басъ и при непрерывныхъ ударахъ молота присоединился къ голосу женщины и началъ громко и весело вторить словамъ пѣсни:

Гиля, гиля, сири гуси,
Сири гуси на Дунай.
Не хотила ити замижъ,
Теперъ сиди та гадай...

II.

Давнымъ давно уже жители Сухой Долины подозрѣвали Василину, внучку слѣпой Оксаны въ томъ, будто она обладаетъ такими свѣдѣніями и средствами, какихъ нельзя имѣть безъ нѣкоторыхъ сношеній съ нечистою силою. Правда, эти неясныя подозрѣнія никѣмъ еще не высказывались громко, но это зависѣло какъ отъ недосуга деревенской жизни, исполненной ежедневныхъ трудовъ и заботъ, которые не давали времени заняться систематически такого рода толками, такъ и отъ того, что никто не имѣлъ еще ясныхъ доказательствъ, что-бы Василина кому нибудь причинила какой-бы то ни было вредъ. Тѣмъ не менѣе эти подозрѣнія еще въ неясномъ, зачаточномъ состоянiи все таки существовали и ждали

только повода, чтобы высказаться во всей силѣ. Да и какъ имъ не быть, если нѣкоторыя подробности въ жизни Василины, нѣкоторые ея поступки и черты характера были исключительными, т. е. не совсѣмъ такими, какъ у всѣхъ остальныхъ жительницъ Сухой Долины. Другія, напримѣръ, родились въ этомъ селѣ на глазахъ у всѣхъ и люди помнили ихъ дѣтскую и домашнюю жизнь; затѣмъ по выходѣ замужъ онѣ жили въ хатахъ, не стоящихъ одиноко среди поля, а выстроенныхъ въ рядъ, такъ что въ каждой было прекрасно видно и слышно все, до послѣдней мелочи, что дѣлалось и говорилось у сосѣдей; домашняя жизнь ихъ проходила различно—мирная или сварливая, трудолюбивая или лѣнивая, бѣдная или богатая, смотря по тому, какая у кого натура и кому какъ Богъ дастъ; но ни одна не вышла замужъ и не жила такъ, какъ Василина, жена кузнеца Михайла. Ни одна также не знала столько удивительныхъ вещей, какъ она. Отъ кого она могла знать ихъ? Развѣ отъ слѣпой бабки своей Оксаны, которая много лѣтъ назадъ забрела откуда-то съ маленькою внучкою; въ то время она еще не была слѣпою, какъ милости просила у людей работы и выполняя различную службу у болѣе зажиточныхъ крестьянъ и на дворахъ сосѣднихъ помѣщиковъ, воспитала изъ малютки взрослую, здоровую дѣвушку, привычную ко всякой работѣ. Казалось, она того только и ждала, чтобы ослѣпнуть; когда случилось это несчастье, она не жаловалась, не плакала, только взлѣзла ощупью на печь и, взявши въ руки веретено и пряжу, обратилась къ внучкѣ съ такими словами:

— Теперъ ты вже, хвалити Бога, велика й дужа. Можешъ заробляти и годувати мене до вику, якъ я тебе зъ малечку годувала й доглядала, якъ небижчикъ твiй батько й мати одного року повмирали, царство имъ небесне! Прясти я ще и такъ потраплю, то на одежу сама соби зароблю.

Такъ спокойно говорила худая, уже очень старая женщина съ лицемъ, какъ-бы выточеннымъ изъ желтоватой кости, съ глазами, подернутыми какою-то бѣлою плевою; лобъ ея весь покрытъ былъ легкими морщинками, носъ длинный и острый, а блѣдныя губы такъ высохли и впали, что ихъ почти не было замѣтно. Одежда

старухи была такъ незатѣйлива, что она дѣйствительно могла заработать на нее сама, одною пряжею на память; самодѣльная синяя юбка, толстая рубаха, передникъ и *очипокъ* изъ чернаго колинкору такъ плотно и гладко охватывавшій голову, что видно было только тонкую прядь бѣлыхъ, какъ молоко, волосъ вокругъ лба—вотъ и весь костюмъ. Старуха, какъ-бы въ доказательство, что она не хвалилась напрасно, а говорила правду, усѣвшись на печи, взяла веретено въ одну руку, другую положила на гребень и начала прясть. Она совершенно ничего не видѣла, не могла даже отличить дня отъ ночи, однако изъ подъ пальцевъ ея выходила такая тонкая, ровная нитка, какую не легко выпрясть и при самомъ лучшемъ зрѣніи. Въ желтой костлявой рукѣ быстро кружится и жужжитъ веретено, время отъ времени старуха послюнитъ пальцы и нитка тянется длинная, ровная, тонкая; на высохшихъ губахъ показалась едва замѣтная улыбка, а слѣпые глаза казалось смотрѣли на внучку и говорили:

— А що? бачъ? я хочъ и слипа, а ще на що-нибудь здамся. Тильки нагодуй мене, а на одежу я й сама зароблю.

Василина, тогда уже семнадцатилѣтняя дѣвушка, здоровая и румяная, но еще тонкая и гибкая, какъ молодой тополь, сидѣла на краю печи съ глазами полными слезъ и вотъ-вотъ готова была разразиться горькимъ плачемъ и жалобами надъ увѣчьемъ бабки; но видя, что та сама не плачетъ и даже улыбается, а веретено все жужжитъ и крутится, наклонилась, поцѣловала ея руку и сказала только:

— Добре, бабуню, годуватиму и пильноватиму васъ, якъ ока въ лоби, такъ само, якъ и вы мене годували и доглядали змалечку, якъ осталась я сиротою отъ ридного батька и неньки, царство имъ небесне! Накажи мене Богъ, коли не буду.

При послѣднихъ словахъ дѣвушка ударила себя въ грудь и заплакала, но не долго, потому что и сама была не изъ числа плаксивыхъ, а бабка, погладивъ ее по головѣ, сказала:

— Ну, теперъ иди до роботы. Не можна гаяти часу. Петриха ныни заслабла, не здужае сама коровы подоити и свини нагодувати. Пиди, поможи и пороби, що треба.

Дѣвушка отправилась и словно рѣзвый духъ носилась по двору, поспѣвая и въ хатѣ, и въ хлѣву, и въ огородѣ. Это была хата Петра Джурджи, котораго жена постоянно болѣла уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а такъ какъ дочери у нея не было, а сыновья были еще слишкомъ молоды, чтобы жениться, то всѣ женскія работы по домашнему хозяйству прежде, за пищу и одежду, исполняла старая Оксана, а теперь ее замѣнила внучка. Петръ былъ зажиточнымъ хозяиномъ и могъ позволить себѣ такую роскошь, чтобы держать для жены работницу; да впрочемъ онъ ничего не терялъ на этомъ, хотя и вынуждала его къ тому необходимость. Какъ прежде Оксана, такъ и теперь Василина дѣлала все, что нужно, съ усердіемъ особы, которая ничего не имѣетъ въ цѣломъ свѣтѣ и потому самому должна изо всѣхъ силъ угождать людямъ болѣе достаточнымъ; и обѣ угождали имъ, какъ только могли. Благодаря имъ, въ Петровой хатѣ не только выполнялись всѣ женскія работы, поддерживался порядокъ, присматривалось и сберегалось всякое добро, но сверхъ того онѣ вносили сюда такой элементъ, который, хотя и не необходимъ для жизни, но все таки дѣлаетъ ее пріятнѣе и веселѣе

Обѣ эти женщины, одна старая и слѣпая, другая молоденькая, бойкая, веселая, наполняли хату сказками, пѣснями и шутками. Старуха знала множество сказокъ, повѣрій, преданій, а внучка множество пѣсень. Здѣсь были какъ мѣстныя сказки и пѣсни, такъ и тѣ, которыя Оксана принесла съ собою изъ той довольно далекой стороны, откуда она забрела сюда много лѣтъ назадъ. Долго странствовала она изъ села въ село, ища пріюта и заработка, пока наконецъ забрела сюда, пріютилась здѣсь вмѣстѣ съ малюткой и всѣ свои силы, всѣ свои знанія отдала жителямъ Сухой Долины. Сидя за пряжею въ зимніе вечера, старуха разсказывала собранныя изъ различныхъ мѣстъ сказки и, хотя сама никогда уже не пѣла, за то всѣмъ пѣснямъ, какія знала, научила свою внучку, для которой, казалось, были врожденными движеніе, смѣхъ и пѣсни. Откуда брался такой неистощимый запасъ живости, веселія, остроумія у этой убогой, бездомной сироты—трудно сказать. Должно быть такою уже родилась она на свѣтъ, а можетъ быть

много значило и то, что хоть и выросла она въ нуждѣ, знала и голодъ, и холодъ, за то никогда не видѣла дурного обращенія.

Отъ всего охраняла ее бабка, всячески угождая людямъ, лишь-бы не обижали ребенка, а сама души въ ней не слышала, берегла и смотрѣла за нею съ такою тревожною надеждой, какъ смотритъ странникъ въ глухую ночь на единственный огонекъ, который указываетъ ему путь. Всѣхъ близкихъ, одного за другимъ, утратила старуха на своемъ жизненномъ пути: дочь ея умерла вскорѣ послѣ рожденія Василины; зятя унесла зараза; мужъ, съ измолотою на мельницѣ рукою, умеръ въ больницѣ; сына взяли въ солдаты, угнали куда-то далеко на край свѣта, тамъ онъ и пропалъ безъ вѣсти; можетъ быть его на войнѣ убили, а можетъ быть разбаловался и умеръ гдѣ нибудь въ острогѣ... Кромѣ всѣхъ родныхъ потеряла она и послѣднее—родное село, въ которомъ выросла и состарѣлась и которое было такъ бѣдно, лежало въ такой безплодной, песчаной полосѣ, что не въ состояніи было прокормить ее. Не по доброй волѣ, а изъ крайности пошла она въ чужую сторону. И кто-же, зная все это, могъ-бы удивляться тому, что внучка была для нея единственной отрадой и надеждой въ жизни, тою звѣздою, которая свѣтила одинокому путнику? Старуха никогда не била и не бранила ее, но и ласкала очень рѣдко,—просто не было времени и постоянно усталая физически, съ твердыми мускулами и крѣпкими нервами, не чувствовала потребности въ ласкахъ. За то бывало не съѣстъ куска хлѣба, пока не накормитъ внучку; нитки для себя не купитъ, пока прежде не одѣнетъ дѣвочку чисто и тепло; на ночь клала ее съ собою на печь и укрывала старой свиткой; по воскресеньямъ и праздникамъ чесала ей головку, учила молитвамъ и пѣснямъ, разсказывала такія чудныя вещи о старинѣ и прежнихъ людяхъ, о далекой родной сторонѣ, о вѣдьмахъ, чертяхъ, упыряхъ, разбойникахъ, объ ангелахъ, которые охраняютъ сиротъ, закрывая ихъ своими серебристыми крыльями. И дѣвочка чувствовала распущенныя надъ нею ангельскія крылья и не дрожала при страшныхъ разсказахъ; иногда, вспоминая бабку въ разговорахъ со своими сверстницами, она начинала: «Вони, якъ той янголь надо мною»... но никогда не оканчивала начатой фразы;

словъ не хватало, да и стыдно дѣлалось, что вдругъ рѣшилась такъ смѣло высказать волновавшія ея чувства. Она умолкала, длинныя рѣсницы опускались на сѣрые глаза, а руки теребили концы передника. Впрочемъ смущеніе быстро проходило у нея, какъ и всякое тяжелое или непріятное чувство; она не могла долго пребывать въ неподвижности, молчаніи или грусти. Ходила она проворной легкой походкой, какъ будто каждую минуту готова была пуститься въ плясъ, постоянно напѣвая во время работы, даже не могла ѣсть молча и разговоры переплетала шутками и смѣхомъ. Такая уже была у нея натура.

Когда старуха совсѣмъ ослѣпла, Василина примолкла на нѣсколько дней и стала серьезнѣе, но и на этотъ разъ вскорѣ возвратилась къ ней прежняя веселость. Впрочемъ и сама Оксана не жаловалась, напротивъ цѣлые дни и вечера она спокойно пряла, сидя на печи, разговаривала, если представлялась возможность поговорить съ людми, давала имъ совѣты, объясняла сны, разсказывала различныя вещи, какъ будто не случилось съ нею ничего особеннаго. Василина подавала ей на печь кушанье, если оно было горячо, раздавливала ложкою картофель въ крупникѣ, вынимала всѣ твердые куски, клала въ руки слѣпой ложку и хлѣбъ и приглашала ласковымъ голосомъ: «ȋжте, бабуню, ȋжте на здоровъячко, я мыску подержу». Каждое воскресенье по утру, пока всѣ еще были въ церкви, она быстро оканчивала все, что нужно было сдѣлать въ хатѣ, брала гребень и *кухоль* воды, лѣзла на печь и начинала разчесывать старуху такъ заботливо и осторожно, какъ малаго ребенка; намоченнымъ въ водѣ полотенцемъ такъ усердно мыла и терла ея лице, что оно еще черезъ два-три дня блестѣло какъ желтоватая полированная кость. Затѣмъ надѣвала на ея бѣлыя волосы *очипокъ* изъ чернаго или краснаго ситцу, если-же иногда подъ праздникъ успѣвала раньше покончить работу и обшить очипокъ цвѣтною тесьмою или узенькимъ галуномъ, тогда уже радости ея не было конца; она не могла налюбоваться на свою нарядную бабушку и повторяла, качая головою: «о, якъ гарно! отъ гарно!». Казалось, будто блѣдное лице старухи, обрамленное узенькой полоской бѣлыхъ волосъ и блестящимъ галуномъ на пунсовомъ *очипкѣ*,

сурово вглядывалось своими слѣпыми глазами въ круглое, румяное, смѣющееся лицо внучки. Дотрогиваясь желтымъ пальцемъ до *очипка*, старуха спрашивала:

— А де жъ ты взяла позументъ?

— Дядько Петро ïздили до миста, то ихъ просила купити.

— А де-жъ грошей взяла?

— Ще одъ лита заховала, якъ ото ходила жати до двора.

Въ голосѣ дѣвушки звучала искренность. Старуха замолкла, но черезъ минуту спрашивала снова:

— А не залицаеться хто до тебе?

Дѣвушка отвѣчала, опустивъ глаза:

— А залицяеться. То-жъ я вамъ, бабуню, тамъ теи недили вже казала.

— Степанъ Джурджа? шопотомъ спросила старуха.

— Эге!

— А хто ще?

— То-жъ я казала,—Михайло Ковальчукъ.

— Ага! то ничого... На то ты дивка. щобъ зъ тобою хлопци женихалися. А позумента одъ ихъ не брала, ани пацьорокъ, ани грошей, ничого не брала?

— Їй Богу, не брала!

— Певно?

— Покарай мене Богъ.

— Памъятай-же. Ты сирота, тебе одинъ тилько Богъ береже, не давай себе скривдити, бо пропадешъ, якъ та крапля дощова у великій ричци... Я вже теперъ за тобою не дивлюсь, але Господь дивиться и люде тежъ бачять. Памъятай, щобъ не було тоби видъ Бога гриха, а видъ людей сорома. Коли якій кохае, нехай одружиться, а не хоче присылати сватывъ, то якъ почне зачипати, ты ёго разъ, другій, третій въ писокъ, тай годи! Дивчина повинна бути якъ шкло чиста, якъ вода кринична, онъ що!

И долго еще старуха читала наставленіе внучкѣ на эту тему; повторялось это каждое воскресенье, а однажды, послѣ нѣкотораго молчанія, обратилась къ ней съ такими словами: «якъ-шо полюбишъ кого и доконче схочешъ, щобъ одружився зъ тобою, скажи

тилько мени. Я на те найду способъ... На то вже я твоя баба, едина твоя порадныця на симъ свити, щобъ тебе въ кожній хвили ратувати...

Очень смущенная, точно бабка читала въ ея душѣ, и вмѣстѣ заинтересованная, дѣвушка спросила шопотомъ:

— А якій-же то спосибъ, бабуню?

Старуха также въ полголоса начала разсказывать:

— Всяки на те бувають способы. Можна закопати кажаиа у комашникъ и якъ вже комашня ёго чисто объисть, тоди треба зъ тыхъ кисточокъ одну таку выбрати; можна и зилля пошукати, що зветься *загардушка*, а квиточки на ёму, неначе дви ручки держаться. Можна и другого зилля...

Все это старуха говорила очень серьёзно, съ полнымъ вниманіемъ и даже съ нѣкоторою таинственностью и разсказала-бы гораздо больше, если-бы внучка не остановила ее, дернувъ за передникъ и засмѣялась, стыдливо и вмѣстѣ радостно.

— Годи, бабуню, годи! Ничого того мени не треба, ани кажана, ани *загардушки*, ани якого иншого зилля. Винъ и такъ одружиться зо мною.

Старуха съ необыкновеннымъ вниманіемъ прислушивалась къ шопоту внучки.

— Который? спросила она.

— А Михайло!

— Ковальчукъ?

— Эге!

Бабка одобрительно кивнула головою.

— Добре, добре, чому ни? своя хатинка и клаптикъ земли одъ батька достався. До того ще й ремесникъ... Ай, ай, якъ-бы було добре! А-бы тильки оженився!

— Ой, ой! съ торжествомъ прервала Василина, ій-Богу, ожениться! казавъ мени самъ не разъ, а може сто разъ.

Говоря это, она вся просіяла. Изъ молодыхъ веселыхъ глазъ брызнулъ цѣлый снопъ лучей, а зубы какъ крупный жемчугъ блеснули изъ-за коралловыхъ губъ и чистая, невозмутимая радость наполняла все ея существо такъ, что не въ состояніи будучи

усидѣть на мѣстѣ, она соскочила съ печи и кружась по хатѣ, запѣла во весь голосъ:

Есть у мене мій миленькій,
Вся моя родина,
Якъ прыйде винъ до мене,
Щаслива година!

Въ хатѣ было пусто, хозяева еще не возвратились изъ церкви.

Начатая пѣсня имѣла четыре строфы и дѣвушка пропѣла ихъ всѣ до конца, кружась какъ волчекъ, стирая столъ мокрымъ полотенцемъ, заглянувъ въ печь, гдѣ готовился обѣдъ, наконецъ прогнавъ подъ печь куръ, которыя воспользовались было тишиною и вышли на середину хаты. Когда наконецъ прекратилась вся возня, пѣсня умолкла, затихло и кудахтанье куръ, и хрюканье выгнаннаго въ сѣни поросенка, съ печи послышался голосъ старухи.

— Василино!

— А що?

— Ходи-лишъ сюды.

— Дѣвушка тотчасъ вскочила на лавку возлѣ печки.

— Чого, бабуню?

— Отъ чого. Михайлови оце вже двадцять першій рикъ пишовъ.

— Эге! подтвердила дѣвушка.

— Тожъ-то й горе! Якъ-же винъ зъ тобою ожениться, коли ёму саме треба до війська йти?

Какъ громомъ поразило веселую дѣвушку это замѣчаніе.

— Не може цёго бути! крикнула она не своимъ голосомъ.

— Ой, дитино моя нещасливая! та хиба-жъ ты цёго не знала?

Что она тамъ могла знать о какомъ-то войскѣ? Ей никогда и въ голову не приходило, что есть на свѣтѣ какая-то воинская повинность, которая можетъ повліять на ея жизнь. И милый тоже ни разу не говорилъ ей, что пойдетъ въ солдаты, хотя хорошо долженъ былъ знать объ этомъ, но извѣстно—молодость; пока любилъ дѣвушку, шептался съ нею у плетня,—думалъ только о томъ, какъ-бы обняться безъ свидѣтелей, а о томъ, что будетъ дальше, совсѣмъ не думалъ. За то старая Оксана знала свѣтъ и

много имѣла житейской опытности. Сколько разъ на своемъ вѣку видѣла она, какъ брали въ солдаты молодыхъ людей; очень и очень не скоро возвращались они, а иные и совсѣмъ никогда не возвращались, какъ и ея родной сынъ. Если случалось, что какая нибудь дѣвушка ожидала своего жениха, то уже всю жизнь могла сѣять руту, потому что если онъ и возвращался, то уже съ другимъ сердцемъ и другими мыслями. А если выходила замужъ раньше призыва, было еще хуже,—житье солдатки уже такое житье, что не приведи Господи. Все это и многое другое Оксана долго еще шептала на ухо внучкѣ, пока та наконецъ не выдержала, закрыла лице руками и горько заплакала.

— Ну, начала бабка тономъ убѣжденія, то йди за Степана Джурджу. Винъ до тебе прихильный и господарь зъ ёго заможный. Зъ нимъ тоби добре життя буде.

Дѣвушка затопала по лавкѣ босыми ногами.

— Ни за-що въ свити! хочъ-бы тамъ не знаю що, а Степановою жинкою не буду.

— Чому ни? такій господарь, и молодый, и хорошій, и высокій якъ той дубъ, и бративъ мае багатыхъ.

Василина, не открывая глазъ, продолжала нетерпѣливо повторять съ выраженіемъ крайняго отвращенія:

— Не пиду за ёго! ни за-що въ свити не пиду! не пиду! не пиду!

И только послѣ усиленныхъ распросовъ со стороны бабки объяснила причины своего нерасположенія. Причинъ этихъ было двѣ.

— Гідкій винъ мени и лютый вельми. Буде бити.

Противъ этого Оксана не могла возразить ни слова; она давно знала Степана Джурджу, знала его вспыльчивый, порывистый, необузданный нравъ, склонный къ ссорамъ и дракамъ. Глаза его еще съ молодыхъ лѣтъ сверкали огнемъ сильныхъ, недобрыхъ страстей, движенія были быстры и порывисты, голосъ грубый и суровый. Это былъ трудолюбивый хозяинъ, разумный въ бесѣдѣ и совѣтѣ, напивался очень рѣдко, въ хозяйствѣ его былъ достатокъ и не было ни копѣйки долгу; однако не смотря на все это, онъ не пользовался симпатіею и уваженіемъ въ селѣ, такъ какъ всѣхъ

вооружилъ противъ себя своею запальчивостью, грубою бранью и скорымъ до драки кулакомъ; а *дивчата* просто бѣжали отъ него со страхомъ. Сколько разъ уже посылалъ онъ сватовъ въ различныя хаты и нигдѣ его не приняли. Дивчата, захлебываясь отъ слезъ, кричали не своимъ голосомъ: бить буде! ще забье колись? кидались въ ноги родителямъ, умоляя не отдавать ихъ за такого *урода*. Послѣ каждой неудачи Степанъ хвалился, что не нуждается въ этихъ дурахъ и пошлетъ сватовъ въ другое село, а тѣмъ временемъ въ хатѣ его двоюроднаго брата подростала Василина и Степанъ пересталъ смотрѣть на другихъ дѣвушекъ. Все чаще и чаще заходилъ онъ къ брату и не сводилъ глазъ съ молодой работницы. Прідетъ бывало и безъ всякой нужды сидитъ на лавкѣ часъ, другой. Иногда каждая минута на счету, нужно пахать, косить, молотить, а онъ сидитъ, слѣдя глазами за дѣвушкой, какъ она дѣлаетъ ловко и проворно, какъ легко поспѣваетъ всюду; слушаетъ ея пѣсни и суровое лице его становится такимъ кроткимъ и мягкимъ, что казалось, можно-бы размазать его на хлѣбъ, какъ масло. Однажды даже прямо сказалъ Петру:

— Хочъ вона й бидна, а я до неи старостивъ пришлю...

— Приблуда, замѣтилъ Петръ.

— Приблуда, чи не приблуда, а старостивъ пошлю, абы тильки въ неи спостеригъ хочъ яку небудь прихильность.

Но этой именно *прихильности* къ нему у Василины не было и слѣда. Какъ Степанъ съ нея, такъ она не сводила глазъ съ Михайла Ковальчука и теперь такъ точно, какъ другія дѣвушки, съ плачемъ говорила бабкѣ:

— Не хочу! ни за-що въ свити не хочу! Битиме! ще забъе колись.

Послѣ всего, что говорила ей бабка о будущей и неизбѣжной судьбѣ Михайла, Василина выплакалась въ волю и затѣмъ снова развеселилась и запѣла:

Не тамъ щастя, не тамъ доля,
Де багати люди,
Хто по сердцю побереться,
Тому любовъ буде.

Отъ, може й не пиде... чого тамъ. Може Михайла й не визьмуть у москали... проговорила дѣвушка, прерывая пѣсню и затѣмъ прибавила:

— Абы тильки ныни прыйшовъ...

Оксана, которой можетъ быть жаль стало, что довела внучку до слезъ своими словами, отозвалась съ печи.

— Кынь вŷникъ на огонь.

— А то на-що, бабуню? удивилась Василина.

— Кынь вŷникъ на огонь, кажу тоби, повторила старуха, якъ спалишъ вŷникъ, гости будуть.

Дѣвушка бросила въ огонь старую метлу, а когда Ковальчукъ дѣйствительно пришелъ въ тотъ день въ хату къ Петру, она свято повѣрила въ чудесную силу этого средства и послѣ совѣтовала его всѣмъ своимъ подругамъ. И не одну еще вещь такую-же и даже еще болѣе удивительную Василина разсказывала и совѣтовала людямъ. Все это она узнавала отъ бабушки, а такъ какъ сама безпрестанно болтала языкомъ, то и не могла ничего удержать въ тайнѣ и никогда не могла даже подумать, что нужно скрывать что нибудь отъ людей. Однако, не смотря на свои свѣдѣнія, она не отгадала однажды предсказанія, касавшагося ея собственной судьбы.

Однажды она вынимала лопатою хлѣбъ изъ печи. Обыкновенно печеніе хлѣба удавалось ей превосходно, такъ что даже опытныя хозяйки нерѣдко приходили въ изумленіе и шептали про себя, что вѣроятно какая-нибудь *сила* помогаетъ ей, если ей такъ постоянно все удается. На самомъ дѣлѣ такою силою была внимательность и ловкость дѣвушки, которая, если дѣлала что нибудь, то уже вкладывала въ работу всю свою душу и всѣ свои способности. Такъ и на этотъ разъ, ковриги хлѣба одна за другую показывались изъ печи и опускались съ лопаты на столъ, румяныя, пухлыя, въ мѣру выпеченныя и распространяли на всю хату свой апетитный запахъ. Кусокъ хорошаго хлѣба—веселіе для крестьянина. Сидя на лавкѣ, облокотясь на столъ руками, Петръ улыбался своею обычной кроткой, серьёзной улыбкой; жена его, не смотря на нездоровье, стирала бѣлье возлѣ печи и тоже съ улыбкой разсказывала о чемъ-то; оба парубка смѣясь пробовали

пальцемъ пухлость хлѣба, улыбалась на печи и старая бабушка и одна только молодая пекарка не засмѣялась и даже не улыбнулась. Такое важное дѣло, какъ доставаніе хлѣба изъ печи, она всегда выполняла съ полною серьёзностью, засучивъ по локоть съ раскраснѣвшимися отъ жару щеками, съ вытянутыми впередъ губами и даже нѣсколько нахмуреннымъ лбомъ. Вдругъ она вскрикнула: ой! ой! и сдвинувши на столъ послѣдній хлѣбъ, въ отчаяніи бросила лопату на полъ.

— Ой Боже-жъ мій, Боже мій! почти со слезами заголосила она, ломая руки. Хозяинъ и хозяйка разомъ протянули голову и, взглянувъ на хлѣбъ, спросили въ одинъ голосъ.

— Луснувъ, чи що?

Они не ошибались: послѣдній хлѣбъ, вынутый изъ печи, треснулъ почти насквозь, какъ будто разрѣзанный надвое ножемъ.

— Луснувъ, повторила Василина.

Нѣсколько секундъ царило молчаніе, наконецъ съ печи отозвался голосъ старой Оксаны:

— Хтось одійде!

— Во имъя Отца и Сына... Нехай Господь милосердный... боронить насъ одъ всякого нещастя, со срахомъ прошептала хозяйка, крестясь дрожащею рукою.

— Хтось одлучиться! повторила старуха.

— Зъ хаты, чи зъ села? спросилъ Петръ.

Оксана нѣсколько минутъ молчала въ раздумьи.

— Може зъ хаты, а може и зъ села, але хтось такій, що когось въ цій хати вельми обходить.

Дѣйствительно изъ села ушелъ кто-то, кѣмъ сильно были заинтересованы въ хатѣ у Петра Джурджи; Михайло Ковальчукъ вынулъ жребій и отправился въ полкъ. Наканунѣ того дня въ сумерки двѣ фигуры долго сидѣли за селомъ на старомъ, поросшемъ мхомъ камнѣ, тамъ, гдѣ расходились дороги на всѣ четыре стороны свѣта и возвышался старый, темный крестъ. Два парубка проходили въ это время изъ экономіи, гдѣ нанялись въ работники на мельницу, видѣли сидѣвшую пару и разсказали по всему селу, что Василина прощается съ своимъ Ковальчукомъ подъ крестомъ

на камнѣ. Говорили о томъ, смѣясь во все горло; засмѣялись и женщины:

— Нехай прощаеться! Попрощаеться вже вона на вики виковъ, аминь.

Всѣ единогласно утверждали въ селѣ, что Василина попрощалась со своимъ милымъ на вѣки вѣковъ, аминь. Воротиться-то онъ воротится, конечно, потому что имѣетъ свою землю и хату въ Сухой Долинѣ, но воротится черезъ шесть лѣтъ, а это для дѣвушки цѣлая вѣчность. Она или выйдетъ за кого другого въ это время, или состарѣется, и Ковальчукъ не захочетъ на ней жениться. Съ инымъ сердцемъ и иными мыслями воротится онъ изъ далекаго свѣта. Тоже самое говорила внучкѣ и сама старая Оксана, но дѣвушка только отрицательно качала головой и повторяла свое.

— Казавъ, що одружиться зо мною, якъ вернеться. Казавъ: чекай на мене Василино...

— И ты, дурна, чекатимешъ?

— Чекатиму.

Старуха сильно встревожилась; съ тѣхъ поръ ея сухія губы и впалыя щеки нерѣдко бывало усиленно задвигаются, точно она съ большимъ трудомъ жевала что-то твердое беззубыми деснами. Нѣсколько разъ еще говорила она внучкѣ:

— Иди за Степана, може не буде бити, а якъ коли и прибъе, то що? завжде лирше въ своïй хати робити, а нижъ по чужихъ людяхъ ввесь викъ горювати.

Но Василина на всѣ уговоры и убѣжденія отвѣчала одно и то-же:

— Не хочу! не пиду!

Уговаривала ее и сама хозяйка идти за Степана, но также безуспѣшно.

— Чому не йдешъ? господарь багатый, працёвитый, непитущій. Будешъ у ёго въ купованыхъ китайкахъ ходити, ложкою сало ïсти.

— Нехай Степанове сало свини ïдять, отвѣчала дѣвушка.

Такого рода убѣжденія, раздававшіяся со всѣхъ сторонъ, наконецъ пробудили у нея гнѣвъ, несомнѣнно первый въ жизни, и

она перестала отвѣчать. Что-бы тамъ ни говорили при ней о Михайлѣ и Степанѣ, она прикуситъ губу и молчитъ. Бабы свое, а она свое. Онѣ толкуютъ, уговариваютъ, сокрушаются надъ ея глупостью, даже начинаютъ бранить—она ни слова; бывало, что ни дѣлаетъ, коровъ доитъ, кормитъ свиней, моетъ бѣлье, мѣситъ хлѣбъ—все молча; не слышно прежнихъ пѣсенъ, веселаго смѣху и шутокъ. Заупрямилась. Можетъ быть она думала, что люди поговорятъ, поговорятъ, да и оставятъ ее въ покоѣ, предоставятъ ей жить, какъ сама знаетъ. Вѣроятно этимъ-бы и кончилось, если-бы Степанъ отсталъ отъ нея. Но онъ и не думалъ объ этомъ. Сколько разъ уже пробовалъ онъ обнять и поцѣловать дѣвушку то въ огородѣ, то во дворѣ, то въ загорожѣ, однако ей всегда удавалось ускользнуть такъ, что дѣло никогда не доходило ни до объятій, ни до драки. Но однажды въ воскресенье онъ пришелъ въ такое время, когда въ домѣ никого не было, кромѣ Василины и старой Оксаны. При видѣ его дѣвушка отъ страху выскочила въ комору и стала набирать изъ мѣшка горохъ для ужина, но Степанъ тотчасъ-же очутился подлѣ нея, обнялъ ее одной рукой, а другою пытался запереть дверь коморы. Онъ казался такимъ страшнымъ и такъ ужасно проклиналъ дѣвушку, которую на этотъ разъ уже навѣрно держалъ въ рукахъ, какъ говорилъ, что у нея сразу потемнѣло въ глазахъ и она вскрикнула не своимъ голосомъ. Но въ тоже мгновеніе къ ней возвратилось все присутствіе духа, можетъ быть пришли на память слова и совѣты бабушки и она, раскраснѣвшись какъ піонъ, съ горящими глазами, сжатыми губами вырвалась изъ рукъ Степана и подняла обѣ руки вверхъ. «Разъ, два, три въ писокъ, тай годи!» Какъ опаренный выскочилъ Степанъ изъ коморы и со двора; онъ услышалъ голосъ Петра въ сѣняхъ и не хотѣлъ имѣть свидѣтеля своего позора. Василина вся въ слезахъ упала въ ноги бабушкѣ, которая на крикъ ея слѣзла съ печи и, опираясь на палку, ощупью перешла черезъ сѣни и остановилась въ дверяхъ коморы, шевеля губами, и казалось съ напряженіемъ вглядывалась въ пространство слѣпыми глазами. Однако и на этотъ разъ она не разразилась ни гнѣвомъ, ни жалобами, только желтыя руки ея съ минуту поискали въ воздухѣ и, пой-

мавши голову внучки, обняли ее такъ крѣпко, какъ будто нашли какой-то давно утерянный, дорогой предметъ.

— Ну, Василино! сказала она послѣ минутнаго молчанія, теперъ намъ вже тутъ нема чого робити... Вже тоби тутъ доброи доли не буде. Подякуемо господарю и господыни за хлибъ, за силь, тай помандруемо де инде.

Хлѣбъ и соль Василинѣ не трудно было найти, она слыла уже самою лучшею работницею въ цѣлой околицѣ; владѣлецъ сосѣдняго хутора, мелкій шляхтичъ, принялъ ее въ работницы и позволилъ содержать при себѣ бабушку, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы старуха за свое пропитаніе пряла ленъ и шерсть для двора. Дня черезъ два послѣ памятнаго столкновенія съ сиротою, окончившагося такъ позорно для Степана Джурджи, на разсвѣтѣ тихо отворилась дверь Петровой хаты; изъ нея вышла Василина въ синей юпкѣ и короткой свиткѣ, въ низкихъ башмачкахъ и съ краснымъ платкомъ на головѣ; въ полотняномъ мѣшкѣ за плечами она несла все свое небольшое имущество, одежу свою и бабкину, а въ рукахъ держала обернутую въ полотно прялку. За нею шла слѣпая Оксана въ такой-же свиткѣ и башмакахъ въ темномъ платкѣ поверхъ очипка; одною рукою она опиралась на палку, другою крѣпко держалась за рукавъ внучки; обѣ были почти одного роста, высокія, худощавыя. Выйдя изъ хаты, они молча пошли вдоль улицы. Солнце еще не всходило, утренній туманъ подымался съ земли; по обѣ стороны улицы стояли запертыя хаты и неподвижныя деревья. Нигдѣ еще не мычали коровы, не кричали куры, даже не слышно было лая собакъ, только гдѣ-то въ саду запѣла первая птичка. Изрѣдка только у воротъ или за низкимъ плетнемъ показывались раньше другихъ поднявшаяся человѣческая фигура и, увидѣвъ этихъ двухъ странницъ, привѣтствовала ихъ то насмѣшливо, то съ ласкою въ голосѣ:

— Идить зъ Богомъ!

А онѣ отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Оставайтесь зъ Богомъ!

И шли дальше. Румяная дѣвушка съ грустными глазами, задумавшись, ускоряла шагъ, а старуха спокойно и довѣрчиво спѣ-

шила за нею, всматриваясь слѣпыми глазами въ свѣтъ, котораго не видѣла, а только чувствовала его прикосновеніе въ свѣжести утренняго воздуха, охватившаго плохо защищенное ея тѣло.

Что тамъ дѣлалось съ Василиной въ шляхетскомъ хуторѣ, за три версты отъ Сухой Долины, жители села мало знали. Служила и только. Замужъ не шла. Черезъ годъ послѣ ея удаленія изъ села, Степанъ Джурджа формально посылалъ къ ней сватовъ съ соблюденіемъ всѣхъ обычаевъ.

Она ни съ чѣмъ отослала сватовъ, а Степанъ цѣлую недѣлю послѣ того пилъ безъ просыпу въ шинкѣ и дрался съ кѣмъ попало. Люди начали уже серьёзно поговаривать, что дѣвушка вѣроятно околдовала его, если онъ такъ тоскуетъ и не можетъ забыть объ ней; должно быть напоила его чѣмъ нибудь, чтобы никогда уже не отставалъ отъ нея. И зачѣмъ это ей, если сама не хочетъ и не любитъ его? Бывшая еще въ живыхъ мать Степана, сильно разгнѣванная на дѣвушку за сына, сказала однажды въ кругу женщинъ: «Видьма. Бабу мае таку видьму, що тилько и выгадуе, дебъ ёго яке лыхо зробить людямъ», и слова эти на всѣ лады повторялись и комментировались жиночками.

Вскорѣ однако Степанъ женился на дѣвушкѣ изъ сосѣдняго села и людскіе толки по немногу затихли. Василину видѣли рѣдко; иногда только дѣвушки изъ Сухой Долины, возвращаясь съ полевыхъ работъ, встрѣчали ее также идущую домой съ серпомъ или граблями въ рукахъ и поровнявшись съ дѣвушкой, которой лѣта перешли уже за двадцать, начинали пѣть будто про себя, въ дѣйствительности же на ея счетъ:

Гиля, гиля, сири гуси,
Сири гуси на Дунай,
Не хотила итн замужъ,
Теперъ сиди и гадай.

Иногда также кто нибудь изъ старыхъ знакомыхъ, при встрѣчѣ съ нею, съ состраданіемъ кивалъ головою, или спрашивалъ шутя:
— А що-жъ твій Ковальчукъ? чи хутко поверне?

Хоть и не скоро, но все таки онъ долженъ былъ возвратиться, такъ какъ въ селѣ у него оставалась земля и хата, которою управлялъ въ его отсутствіи какой-то чужой человѣкъ, вѣроятно арендаторъ. Однажды въ воскресенье разнеслась по селу вѣсть о томъ, что Ковальчукъ возвратился изъ службы и уже принимаетъ хозяйство отъ своего «заступника», а вечеромъ, когда все населеніе собралось въ корчмѣ, старики бесѣдовали за чаркою, а молодые танцовали, онъ и самъ пришелъ сюда; но его едва можно было узнать, такъ онъ сильно измѣнился. Оставляя село, онъ былъ худощавымъ, походилъ скорѣе на подростка мальчика, чѣмъ на мужчину, а одѣвался въ такую же суконную свиту или полотникъ изъ синяго или красноватаго толстаго холста.

Теперь, куда! Шесть лѣтъ военной выправки и походовъ развили его грудь, расширили плечи и блѣдное прежде лице облили здоровымъ румянцемъ и загаромъ; онъ возмужалъ и выровнялся; густые, черные усики появились надъ губами, глаза смотрѣли бойко и смѣло, а одѣтъ онъ былъ уже не въ свиту или полотникъ, а въ пиджакъ изъ темнаго сукна, франтовскіе высокіе сапоги, съ яркимъ платочкомъ на шеѣ.

Въ такомъ нарядѣ, съ папироской въ зубахъ, Ковальчукъ явился въ корчму, гдѣ на него со всѣхъ сторонъ посыпались привѣтствія, и въ свою очередь началъ здороваться со всѣми. Сразу можно было узнать, что онъ видѣлъ много свѣта, поумнѣлъ, понатерся, пріобрѣлъ извѣстныя манеры, но все таки съ радостью возвращался на родину. Старымъ знакомымъ поставилъ четверть водки и самъ выпилъ двѣ-три рюмки, но дальше уже на отрѣзъ отказался пить. Онъ курилъ папиросы, говорилъ съ апломбомъ и во всеуслышаніе, разсказывалъ о тѣхъ сторонахъ, въ которыхъ привелось побывать и, вмѣшавшись въ кружокъ танцующихъ, такъ ловко и бойко отплясывалъ съ дѣвчатами *метелыци* и *ворона*, точно никогда и не выѣзжалъ изъ села. Вообще онъ видимо чувствовалъ себя героемъ дня. Отъ мазаннаго пола, изрытаго ногами танцующихъ, въ корчмѣ поднялась такая пыль, что можно было только неясно, какъ сквозь туманъ, различить неуклюжія фигуры *парубковъ* и пеструю одежу *дивчатъ*; но Ковальчука тотчасъ можно было отли-

чить въ этой толпѣ кружившихся среди густой пыли фигуръ не столько по его темному пиджаку и яркому платку на шеѣ, сколько по ловкости и гибкости движеній. Онъ съ найбольшимъ азартомъ выкрикивалъ слова пѣсни и послѣ нѣсколькихъ десятковъ оборотовъ *метелыци* съ самой разбитной граціей водилъ вокругъ избы свою запыхавшуюся танцорку. Онъ перетанцовалъ со всѣми дѣвушками по очереди, съ каждою въ шутку начиналъ ссору, каждой заглядывалъ въ глаза, одну даже, убѣгавшую отъ него въ смущеніи, поймалъ въ уголкѣ между дверьми и печкой и поцѣловалъ, а объ Василинѣ ни словомъ не вспомнилъ, ни у кого даже не спросилъ объ ней. Зато въ этомъ отношеніи прислужились ему пожилыя женщины, которыя просто силою вырвали его изъ кружка танцующихъ, обступили его тѣснымъ кругомъ и распустили языки. Такъ и такъ было съ Василиною, говорили они, на перерывъ другъ передъ дружкою, такъ и такъ; то и то произошло между нею и Степаномъ, то и то совѣтовали ей люди; куда пошла она и что дѣлала, какъ досаждали ей по временамъ насмѣшливыми шутками и пѣснями, все до малѣйшихъ подробностей сообщили услужливыя *жиночки*. Ковальчукъ слушалъ бабскія сплетни и заливался отъ смѣха; по временамъ смѣхъ его заглушалъ не совсѣмъ тихіе голоса нѣсколькихъ разсказчицъ заразъ, но самъ онъ ничего не говорилъ. Не сказалъ ни слова ни о Василинѣ, ни о своихъ намѣреніяхъ, угостилъ бабъ водкою и сыромъ и принялся танцовать и шутить еще съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ прежде. Тогда для всѣхъ дѣлалось яснымъ, что онъ и думать перестал о Василинѣ. „Сказано, вернувся зъ иншимъ серцемъ, зъ иншою думкою", говорили одни; другіе прибавляли: „де вже ёму теперъ про неи згадувати. Приблуда тай годи, тильки й того, що якусь сорочку мае на плечахъ; тай стара вже зъ неи дивка, щось вже ій двадцать четвертый рикъ иде, чи що. Винъ мигъ-бы теперъ узяти яку небудь панянку"..

Можетъ быть утверждавшіе это совсѣмъ не ошибались, можетъ быть Ковальчукъ дѣйствительно не думалъ уже о Василинѣ, а уплывшіе годы и новыя впечатлѣнія изгладили въ немъ воспоминаніе о прежней невѣстѣ и о данныхъ ей обѣщаніяхъ. Въ теченіи цѣлыхъ двухъ недѣль онъ ни разу не встрѣчался съ нею и даже

не старался увидѣться. Поговаривали, что онъ все кончалъ дѣла съ своимъ арендаторомъ, или по просту выгонялъ его изъ хаты, не безъ громкихъ споровъ и претензій о разореніи хозяйства, такъ что дѣло дошло даже до суда. По всему видно было, что онъ готовился основательно приняться не только за хозяйство, но и за кузнечное ремесло. И дѣйствительно онъ вскорѣ объявилъ своимъ односельчанамъ, что какъ отецъ и дѣдъ его занимались кузнечествомъ, такъ и самъ онъ намѣренъ продолжать ихъ занятіе и просилъ не обходить его мастерскую.

Однажды въ жаркій лѣтній день, недѣли черезъ двѣ по возвращеніи, Ковальчукъ вышелъ изъ дому и отправился дорогою далеко въ открытое поле. Въ бѣломъ полотняномъ кителѣ, съ военной шапкой на головѣ, онъ шелъ повидимому безъ цѣли, не спѣша, покуривая папиросу и слегка покачиваясь на обѣ стороны, какъ кавалеръ съ обеспеченнымъ состояніемъ, который знаетъ себѣ цѣну и голова котораго не занята никакими заботами. Такъ зашелъ онъ за пригорокъ, поросшій березовымъ лѣсомъ, за которымъ начиналось поле, покрытое золотистымъ хлѣбомъ.

Жатва только что началась; нѣсколько десятковъ жницъ шли наклонившись надъ золотистыми волнами, которыя при каждомъ движеніи ихъ рукъ, казалось, кланялись передъ ними въ землю. Ковальчукъ остановился на опушкѣ лѣса и устремилъ глаза на одну изъ жницъ, которая, выпрямившись, подняла толстый снопъ жита и, пройдя нѣсколько шаговъ, бросила его въ кучу, гдѣ лежало уже много другихъ сноповъ. Затѣмъ, блеснувши серпомъ въ воздухѣ, она наклонилась и снова принялась жать; шагъ за шагомъ она все приближалась къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Ковальчукъ, но ни разу не подняла головы и только руки двигались быстро, а серпъ все чаще и чаще сверкалъ надъ землею. Ковальчукъ бросилъ на землю недокуренную папиросу и стоялъ какъ вкопанный между березами, скрестивъ руки на груди, слегка раскрывъ губы и не сводя взгляда съ этой жницы, а подъ его черными усами заиграла улыбка. Онъ ясно замѣтилъ, что приближавшаяся дѣвушка, хотя и шла наклонившись, однако видѣла прекрасно, что это онъ стоитъ тамъ; время отъ времени она взгляды-

вала на него изъ подлобья, но не подняла головы, не отозвалась ни словомъ, а напротивъ, продолжала жать все быстрѣе и усерднѣе. Когда она очутилась всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опушки лѣса, Ковальчукъ наконецъ обратился самъ:

— Добры-вечиръ, Василино!

Она выпрямилась, опустила руки съ серпомъ и отвѣчала:

— Добры-вечиръ.

Но по прежнему не смотрѣла на него; длинныя рѣсницы опустились на глаза, она стояла бокомъ къ нему, какъ будто ожидала чего-то, или же будто просто остановилась отдохнуть на минуту среди работы. Ковальчукъ граціозно оперся локтемъ на выдающійся сукъ дерева, прищурилъ глаза и снова заговорилъ.

— Чи то-жъ годыться такъ нехтувати давними знаёмыми?

— Яке тамъ нехтування! полусердитымъ тономъ проворчала дѣвушка, пожавъ плечами и не подымая глазъ.

— А якъ-же! чи то такъ Василина повинна зо мною привитатись?

— Коли хто зо мною не витаеться, то й мени нема чого витатись.

Ковальчукъ оставилъ дерево, на которое облокачивался, и приблизился къ ней на нѣсколько шаговъ. Глаза ея по прежнему смотрѣли въ землю, а руки съ серпомъ опустились на передникъ. Она жала уже нѣсколько часовъ подрядъ, день былъ душный и знойный, крупныя капли пота блестѣли на ея загорѣвшемъ лбу и пунсовыхъ щекахъ, почти не отличавшихся цвѣтомъ отъ полеваго мака, который опускался ей за ухо изъ темныхъ волосъ. Ковальчукъ пристально смотрѣлъ на нее; казалось, онъ присматривался такъ къ этимъ каплямъ пота, катившимся съ еа лица.

— Що-жъ ты, началъ онъ снова, працюешъ та горюешъ?..

— Горюю.

— Якъ той вилъ у ярми?

— Якъ той вилъ...

— По чужихъ людяхъ?

— По чужихъ.

— И стареньку бабу при соби годуешъ?

— Годую.

Онъ еще подступилъ къ ней на нѣсколько шаговъ и снова спросилъ:

— А чому-жъ за Степана Джурджу не пишла?

— Не схотила, то й не пишла!

— А намовляли люде?

— Намовляли.

— И бабуня казала?

— Казали.

— То чему-жъ не йшла? Було йти! Була-бъ у своій хати працювала, въ купованыхъ китайкахъ ходила, що-дня яешню зъ саломъ ûла...

При этихъ словахъ дѣвушка нетерпѣливо переступила съ ноги на ногу и сердито проворчала:

— Нехай Степанову яешню свини ûдять...

— А теперъ дивчата смишныхъ писень до тебе спивають, глузують, що нибы вже стара дивка зъ тебе.

Она снова пожала плечами.

— Нехай соби спивають.

У Ковальчука заблестѣли глаза и слегка задрожали руки.

— Що ты такъ до мене, нибы говоришъ, нибы не говоришъ... неначе до пса якого. . Скаже слово и зновъ мовчить, навить и въ вичи не дывиться... Що я тоби злого зробивъ?..

При этихъ словахъ дѣвушка выронила серпъ и, схватившись за голову руками, заговорила со стономъ:

— Ой, зробивъ ты мени, зробивъ недолю на циле життя, на смихъ людямъ... Вже два тыжни, якъ повернувъ, а про мене и не згадавъ, не прыйшовъ навить добраго слова сказати, ани поглянувъ въ ту сторону, де я живу ..

Съ трудомъ удерживая слезы, готовыя брызнуть изъ глазъ, она наклонилась поднять серпъ и, дѣлая движеніе какъ-бы готовясь уходить, проговорила на половину съ гнѣвомъ, на половину со слезами:

— Не хочешъ мене, не хочу-жъ и я тебе... Иди соби зъ Лобудовою дочкою одружись... найбагатша на все село, а очи таки гарни, одно на право дивиться, друге на ливо... Иди до Лобудовои дочки... зъ Богомъ одъ мене!..

Вотъ эти-то глаза, косые и безобразные у Лобудовой дочки, у Василины представляли такія чары, сильнѣе которыхъ не могла-бы придумать никакая вѣдьма. Кромѣ глазъ, ничего въ ней не было такого особеннаго; такихъ свѣжихъ и быстрыхъ, какъ она, можно было отыскать множество; но глаза ея отличались тѣмъ, что просто говорили, высказывали всѣ ея мысли и чувства и своею необыкновенною выразительностью привлекали къ ней каждаго. Они высказывали всю ея душу, которую она не умѣла, или не рѣшалась выразить словами. Такъ и теперь, въ ея сѣрыхъ глазахъ, устремленныхъ на Ковальчука, выразилось столько страстнаго негодованія и жалобной просьбы, врожденной веселости и долгой тоски, что Ковальчукъ схватилъ ее за руки и потянулъ къ себѣ.

— Не йшла за Степана, бо на мене чекала? спросилъ онъ быстрымъ шопотомъ.

— А то-жъ на кого! прошептала дѣвушка.

— А тяжко було жити?

Отирая слезы рукою, на которой виднѣлся свѣжій шрамъ отъ серпа или отъ ножа, она отвѣчала:

— Тяжко.

— Чекаючи на мене, жила въ такимъ горюванни людямъ на посмихъ? продолжалъ онъ допрашивать.

— А то-жъ на кого?

— Побожись.

Сложивъ пальцы на крестъ, она подняла глаза на глубокую синеву небесъ.

— Нехай мени такъ Богъ помагае и Пречистая Дива, якъ я за тобою власно и души не чула, а дожидала тебе, якъ теи пташки, що якъ прилетыть, то вже ясне солнце засвитыть и вернеться весна красна...

Ковальчукъ не далъ ей окончить, обхватилъ руками и потянулъ въ лѣсъ, между березы.

— Отъ-же и дочекалась, бо далеби, визьму тебе за жинку и за господыню до своеи хаты. Трохи було забувъ про тебе, то правда, але тилько побачивъ твое горювання та твій тяжкій питъ,

такъ мене заразъ щось за серце здавило, немовъ обценьками; а якъ поглянули на мене твои ясни очи, такъ мени любо стало...

Сидя на землѣ среди зеленыхъ березъ, при шелестѣ вѣтерка и чириканьи птичекъ, онъ крѣпко прижималъ къ груди заплаканную дѣвушку, рукою, какъ-бы созданною для молота и наковальни, утиралъ съ лица ея капли пота и слезъ и поцѣлуями замыкалъ уста, изъ которыхъ вырывался то смѣхъ, то рыданье.

Долго еще поговаривали въ Сухой Долинѣ, что Василина дожно быть и его также околдовала; потому что гдѣ-же это видано, что-бы парубокъ въ продолженіи шести лѣтъ помнилъ дѣвушку, особенно если уходилъ въ широкій свѣтъ, да къ тому-же еще такой, которому самыя богатыя невѣсты готовы были вѣшаться на шею, чтобы женился на не совсѣмъ уже молодой дѣвушкѣ, *приблудѣ*, самой бѣдной въ цѣломъ селѣ... Прежде Степана причаровала, а теперь этого, но того послѣ все таки отчаровала, а этого уже взяла себѣ. Должно быть она знаетъ такое зелье, а можетъ быть и еще что нибудь похуже...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Секретная переписка Коша запорожскаго

(1734—1763 г.).

Въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» 1885 г. (стр. 365—417) помѣщена весьма любопытная статья, подъ заглавіемъ: «Воеводскія вѣстовыя отписки XVII вѣка, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи». Авторъ ея, г. *Н. Оглоблинъ* считаетъ ихъ, и весьма справедливо, серьёзнымъ источникомъ для исторіи русскихъ пограничныхъ отношеній, хранящимся въ нашихъ государственныхъ архивахъ и доселѣ еще почти не извѣстнымъ многимъ нашимъ археографамъ. Нѣчто въ этомъ родѣ, хотя изъ эпохи болѣе къ намъ близкой, нашли мы въ остаткахъ хранящагося у насъ запорожскаго архива, и были удивлены большимъ сходствомъ нашихъ бумагъ съ драгоцѣннымъ матеріаломъ, предложеннымъ г. Оглоблинымъ на страницахъ «Кіевской Старины». Находящіяся у насъ бумаги представляютъ переписку «по секретамъ Коша запорожскаго», большею частью политическаго содержанія, о пограничныхъ дѣлахъ. Онѣ заключаются въ пяти связкахъ или «дѣлахъ» и состоятъ болѣе чѣмъ изъ сотни распоряженій высшей власти и отвѣтовъ запорожской старшины. Предлагаемъ здѣсь тѣ изъ этихъ документовъ, которые мы считаемъ найболѣе сходными съ упомянутыми выше «отписками» XVII столѣтія. Періодъ времени, обнимаемый этими бумагами, составляетъ около 20 лѣтъ; но къ сожалѣнію переписка первой половины этого періода очень неполна.

«Секреты» Коша запорожскаго были послѣдствіемъ требованій современнаго начальства, т. е. гетмана Малороссіи, войсковой генеральной канцеляріи, кіевскаго генералъ-губернатора, изрѣдка

командующаго войсками на украинской линіи и начальниковъ въ новосербскомъ поселеніи, какъ напримѣръ генерала Хорвата. Требованія писались въ одинаковой почти формѣ, въ родѣ слѣдующихъ двухъ.

14-го января 1755 года гетманъ прикказываетъ Кошу:

„При нынѣшнихъ въ Турціи сумнительныхъ обстоятельствахъ, для примѣчанія происхожденій и обращеній въ сосѣдствѣ. тотъ часъ отправить нарочныхъ надежныхъ людей, подъ приличнымъ претекстомъ, и имъ велѣть всѣми образы о тамошнихъ обращеніяхъ провѣдывать секретно, и что извѣдано будетъ, о томъ доносить Кошу, а Кошъ намъ или въ генеральную канцелярію рапортовать“.

9-го февраля того-же года кіевскій вице-губернаторъ Г. М. Костюринъ писалъ кошевому Григорію Федорову:

„Особливо стараться чрезъ посыланныхъ, подъ приличнымъ претекстомъ, надежныхъ и бывалыхъ людей въ Крымъ и Очаковъ развѣдывать о тамошнихъ обращеніяхъ и о томъ почаще доносить, ибо того высочайшій его императорскаго величества интересъ требуетъ.“

Хотя послѣ побѣдъ Петра Великаго положеніе Россіи уже было не то, что въ періодъ обнимаемый «воеводскими отписками» (1625—1690 г.), но на рубежѣ Имперіи: въ Малороссіи, запорожскихъ владѣніяхъ, донскихъ станицахъ и Новосербіи, постоянная опасность враждебнаго намъ сосѣдства ощущалась и продолжала ощущаться почти до конца XVIII столѣтія. Намъ грозили своими подъѣздами и интригами съ одной стороны Турція, все еще могущественная и полудикая держава, напускавшая на насъ подвластныхъ ей татаръ, кочевавшихъ на рубежахъ нынѣшняго новороссійскаго края, съ другой Польша, въ которой королевская власть безъ народнаго уваженія, безъ арміи и денегъ, безчинства и развратъ магнатовъ, разузданность мелкаго дворянства, а еще болѣе фанатизмъ католическаго духовенства, не только производили внутри государства невообразимый хаосъ, но и причиняли сосѣдямъ, а особенно Россіи, безчисленныя хлопоты. Не имѣя средствъ и охоты сдѣлать нападеніе на наши новыя поселенія, запорожскія поланки и Новосербію, польское правительство и пограничные помѣщики подущали и подкупали татаръ, волоховъ и всякую сволочь безпокоить наши зимовники, селенія и даже «роты» новосербскаго и новослободскаго поселенія въ нынѣшней херсонской губерніи. Вотъ почему наше правительство имѣло необходимость знать положительно,

что дѣлается за нашими польскими и турецко-татарскими рубежами, и, за отсутствіемъ настоящихъ дипломатическихъ агентовъ, обращалось къ запорожскому Кошу, какъ ближайшему органу для полученія такихъ свѣдѣній и справокъ. Правда, въ Константинополѣ въ это время были уже наши постоянные резиденты, сперва статскій совѣтникъ Неплюевъ, а потомъ надворный совѣтникъ Обрѣсковъ, въ Крыму и молдавскихъ государствахъ были гласные и не гласные агенты, какъ поручики *Никифоровъ* и *Невядомскій* (въ 1750—60 годахъ), а послѣ путивльскій купецъ *Шестаковъ;* но какъ первые не имѣли большаго вѣса въ глазахъ султана, такъ вторые въ глазахъ хановъ, хотя къ послѣднимъ и посылались французскіе агенты, въ родѣ барона *де-Тотъ* и *Пейсонеля,* съ богатыми денежными подарками и приличною свитою [1]). Отъ того наше правительство для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о своихъ порубежныхъ сосѣдяхъ и ихъ намѣреніяхъ употребляло тѣ-же пріемы и такихъ-же дѣятелей, что и за 100 лѣтъ предъ тѣмъ, именно «развѣдчиковъ», и довольствовалось ихъ показаніями или отписками. И вѣроятно донесенія запорожцевъ были вѣрны и добросовѣстны, ибо въ 5-ти связкахъ дѣлъ, между сотнями бумагъ, мы не нашли ни одного упрека или выговора, сдѣланнаго опытнымъ и надежнымъ развѣдчикамъ.

«Секреты» Коша запорожскаго начинаются со времени возвращенія запорожцевъ изъ турецкаго въ русское подданство. Кіевскій генералъ-губернаторъ, графъ фонъ-Вейсбахъ, которому Россія обязана возвращеніемъ «славнаго войска запорожскаго низоваго», съ первыхъ-же дней водворенія запорожцевъ на древнихъ ихъ пепелищахъ, поручаетъ имъ развѣдывать о намѣреніяхъ турокъ и татаръ. Вотъ что читаемъ мы въ ордерѣ его отъ 19 апрѣля 1734 года, на имя Кошеваго Милашевича:

По полученнымъ свѣдѣніямъ чрезъ польскихъ обывателей гор. Дубассаръ [2]), крымскій ханъ Капланъ Гирей (сынъ Селимъ-Гирея)

---

[1]) *Пейсонель* былъ французскимъ консуломъ въ Крыму въ 1753 году, а въ 1787 году издалъ драгоцѣнное до сихъ поръ сочинееіе подъ заглавіемъ: Traité sur le commerce de la Mer-Noir. Paris". *Баронъ де-Тоттъ*, инженеръ, былъ такимъ-же консуломъ при ханахъ въ 1768 и 1769 годахъ. Онъ сопровождалъ Крымъ-Гирея хана въ его наѣздѣ на Запорожье и Ново-Сербію и описалъ его въ весьма любопытномъ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *„Memoires sur les Turcs et le Tatars. Amsterdam"*.

[2]) *Дубоссары* херсонской губерніи, тираспольскаго уѣзда.

собирается выступить изъ Каушанъ [1] и со всею почти своею ордою буджакскою переправляется чрезъ Днѣстръ, но еще не извѣстно, куда оная орда имѣетъ идти: въ Крымъ-ли и отътуда въ Персію, ибо, какъ я предъ симъ имѣлъ извѣстіе, что большая часть татаръ, которые были въ Каушанѣ, получили отъ Порты указъ, что-бы идти въ Персію чрезъ Царь-Градъ и якобъ уже часть оныхъ перешла за Дунай, или въ Польшу [2] противъ нашего войска, или-же противъ вашей Запорожской Сѣчи, что-бы вамъ, запорожскому войску, за переходъ изъ стараго мѣста (Алешекъ) на новое учинить какую злость, и ежели оная орда пойдетъ въ Польшу, то противъ ей обрѣтающемусь тамъ отъ войскъ его императорскаго величества корпусу велѣно съ нимъ поступать, яко съ неприятели и стараться, что-бы ихъ разогнать; а ежели оная орда имѣла-бы идти къ вашей Запорожской Сѣчи и намѣрена какое учинить нападеніе, то вы со всѣмъ своимъ войскомъ изволите въ такомъ случаѣ поступать съ нею, какъ съ неприятелемъ и учинить имъ знатной воинскій отпоръ. Для того изволите приказать всякими мѣрами заподлинно провѣдывать, и какъ увѣдано будетъ, что оная орда чрезъ рѣку Бугъ переправилась и пойдетъ не въ Крымъ, но къ Сѣчи, то о томъ изволите тотчасъ дать знать чрезъ нарочныхъ бѣлгородскаго коннаго полку къ полковнику *Дунину*, стоящему въ м. Мѣдведевкѣ, что-бы онъ къ вамъ въ Сѣчь на сикурсъ съ своею командою противъ той орды шелъ, въ Переволочну, къ маіору *Шишкевичу* и потому-жъ требовать отъ него сикурсу, и къ тому м. Переволочнѣ отправить съ низовыхъ запорожскихъ козаковъ 100 человѣкъ конныхъ, которые-бы, прибывъ туда, явились у г. генералъ-маіора Гейна, ибо оному генералу велѣно отъ украинской линіи, со всею опредѣленною командою, слѣдовать къ Переволочнѣ и тамъ, перебравшись за Днѣпръ, стоять съ ожиданіемъ прибытія посланныхъ отъ васъ означенныхъ 100 человѣкъ козаковъ, и присовокупя ихъ къ себѣ и полковника Дунина съ конницею, слѣдовать къ вамъ въ помощь противъ татарской орды и вмѣстѣ чинить надъ татарами знатный поискъ, а козаки имѣютъ быть до Сѣчи приведены.

Въ слѣдующемъ 1735 году тотъ-же гр. Вейсбахъ отъ 10 мая писалъ тому-же Кошевому слѣдующее:

Извѣстился я чрезъ присланнаго отъ вашего благородія козака, зовомаго *Москове*, будто вы ему наказывали и мнѣ донести о ногай-

---

[2] *Каушаны*, с. въ Бессарабіи, близъ Бендеръ.

[1] Въ Польшу тогда вступила было русская армія, подъ начальствомъ генерала Лассіе, въ помощь союзнику нашему королю Августу II.

цахъ, яко они чрезъ ваше благородіе изъявили охотное желаніе въ высокой его императорскаго величества протекціи быть. Чему я хотя не такъ склоненъ (вѣрить) нахожусь, для того, что отъ васъ о томъ никакого письменнаго виду нѣтъ, однако принужденъ отозваться симъ: такъ-ли есть или нѣтъ? и на какомъ основаніи произошло? меня въ непродолжительномъ времени увѣдомить, а ежели вправди отъ нихъ (ногайцевъ) желаніе есть, то весьма оное содержать въ тайности, дабы со стороны Турціи до времени увѣдать и намъ за разрывъ миру почесть не могли.

Хотя отвѣта запорожскаго Кошеваго на этотъ запросъ мы и не нашли, но усматриваемое изъ самаго запроса столь невѣроятное въ то время желаніе ногайцевъ, 34 года спустя, именно въ 1769 г. вполнѣ оправдалось. Графъ Панинъ во время первой нашей противъ турокъ войны (1769—1775 г.) обращался по тому-же предмету къ запорожцамъ и пользовался ихъ услугами для вывѣдыванія намѣреній ногайскихъ ордъ, которыя дѣйствительно въ 1770 году, въ числѣ болѣе 12,000 душъ обоего пола, перешли подъ русскую державу.

Развѣдыванія, за посредствомъ запорожскаго Коша, о заграничныхъ похожденіяхъ продолжались и въ послѣдующіе годы. Кошевой Семенъ Еремѣевичъ 10 мая 1742 года доноситъ генералу Кейту, вѣроятно командующему на украинской линіи, что козаки, ходившіе въ Крымъ за солью, видѣли и слышали, что «ничего не чуть того, щобы ихъ (т, е. татаръ) войска уже рушали, а въ Перекопи-то ихъ малолюдно находится. Токмо Иманъ, который при озерѣ соляномъ зостаетъ, допытывался: чего ради зъ Малороссіи купцы и люди не пропущаются въ Крымъ?—и говорилъ такъ: чи не замышляетъ ли чего еще Россія на нихъ въ задоръ идти? А по томъ тоже Иманъ говорилъ, что слышно (у насъ у татаръ), же будто россійскія войска по Днѣпру приходятъ и чего ради? то ему сказали: же нѣтъ такихъ войскъ, и не надѣемся всячески. *Не такое время*, что-бы осматривать полки [1]).

Развѣдыванія не прекратились со смертію Вейсбаха, вполнѣ довѣрявшаго запорожцамъ. Въ ордерѣ новаго кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева къ кошевому Василію Григорову (15-го ноября 1746) читаемъ:

---

1) И точно, это было печальное для Россіи время возврата, по бѣлгородскому договору, Азова и Таганрога туркамъ.

Отъ посланника въ Константинополѣ *Неплюева* извѣстился я о заключеніи у турковъ съ персіянами мира и что потому бывшіе въ той сторонѣ европейскія (турецкія) войска во свояси возвращаются. А понеже легко статься можетъ, что бендерской и хотинской гарнизонъ прибавятся, для того нужно чрезъ имѣющихся пріятелей по часту развѣдывать, что вдоль Днѣстра и въ Крыму происходитъ, толь найначе, что Порта повелѣла хану быть въ Константинополь, сказываютъ де для полученія обыкновенно даваемаго ханамъ почетнаго халата, но подлинная ли это причина призыву его — неизвѣстно.

Чѣмъ дальше, тѣмъ эти развѣдки становились правильнѣе и чаще. Изъ Коша отправлялись нарочитые развѣдчики, которые по возвращеніи своемъ представляли болѣе или менѣе обстоятельныя донесенія, носившія названіе «доѣздныхъ доношеній». Первое такое доношеніе относится къ 1755 г. Посылаемъ былъ въ Крымъ, подъ видомъ купечества, козакъ *Василій Похила*, по слухамъ о новомъ султанѣ въ Турціи, и вотъ что доносилъ Кошевой о результатѣ сего посольства:

Сего января 8-го числа (1755) онъ Василь Похила съ товарищемъ *Василіемъ Зубенко*, подъ образомъ продажи пушнаго товару, изъ Сѣчи отлучился и прибылъ въ Никитинъ [1]), и тамо отъ переводчика *Ф. Семенова* получилъ россійскій императорскій билетъ. Здѣсь поживъ по 12-ое число генваря, по причинѣ великой стужи и морозовъ, въ Крымъ ѣхалъ съ превеликою трудностью, также за неимѣніемъ на Крымскомъ степу, да и по селамъ лошадямъ корму, и едва токмо, милостію Божіею, къ Перекопу сего же генваря 19-го числа доѣхали. Коль скоро къ башнѣ пріѣхали, то оной башни смотрители ничего не спрашивали за большимъ морозомъ, стужею и метелицею и во внутрь Перекопа пустили. Куды пріѣхавъ въ хану и тамо пробыли 6 день. Турки, татары, греки и русскіе купцы къ намъ по торгу изъходили, а турки и татары спрашивали: кто старшина въ Сѣчи? а потомъ сказывали: „слышно де намъ всѣмъ въ Крыму, что его императорское высочество великій князь Петръ Федоровичъ на россійскій престолъ вступилъ и для того во всемъ государствѣ тако-же и въ Сѣчи Запорожской пушечная пальба была.“ Напротивъ чего онъ Василь Похила отвѣтствовалъ, что такого извѣстія не слышно, а извѣстно подлинно, что Богъ даровалъ ихъ императорскимъ высочествамъ

---

[1]) „*Никитинъ перевозъ*“ на татарскую сторону—нынѣ Никополь, екатеринославской губерніи и уѣзда.

первороднаго сына, благовѣрнаго государя и великаго князя Павла Петровича, и для тогого радостныя торжества были. Они жъ турки и татары при этомъ объявили, что въ Царь-градѣ новый великій султанъ Османъ престолъ Турціи принялъ и указалъ крымскому хану Арсланъ Гирею по прежнему ханомъ быть. Для чего предъ пріездомъ въ Перекопъ запорожскихъ посланцевъ, съ 17 на 18 января, Капиджиль Паша съ тѣмъ указомъ и со всѣмъ ханскимъ уборомъ, яко то: соболею шубою, шаблею, ножемъ и прочими вещами отъ него султана великаго слѣдовалъ въ Бахчисарай съ ассистенціею провожатыхъ 40 янычаръ царьградскихъ, да татаръ джамбуй-лучкихъ 100 чел. Только ночью въ Перекопъ выѣхавъ и переночевавъ, 18 дня генваря выступилъ съ Перекопа рано, которому честь отдавали: была въ городѣ пушечная пальба 6-ю выстрѣловъ, а отъ янычаръ съ ружейнымъ провожаніемъ. Янычары же для полученія жалованія великаго, обѣщаннаго отъ ихъ новаго султана, съ Карасева (Карасу-базара), Бахчи-сарая, Кефы, Козлова и съ прочихъ мѣстъ собирались къ своимъ ордамъ въ Перекопъ, коихъ уповательно до 600 человѣкъ будетъ. А приготовленій и обращеній и намѣреній (враждебныхъ) никакихъ не слышно. Не только у Перекопа, но и у Бахчисарая такой большой снѣгъ, что не малое число скота и даже людей погибло.

Слѣдующее за симъ донесеніе кошеваго Григорія Федорова гетману и въ Кіевъ относится къ тому же году. Въ немъ читаемъ:

Войсковой толмачъ и кантаржей (хранитель вѣсовъ) Василій Лазаревъ донесъ Кошевому, что перекопскаго гарнизона янычары: Арпатъ-Али и Ахметъ-Баша, прибывшіе въ Сѣчь Запорожскую по купеческому промыслу, между разговорами съ находящимися при Сѣчи же по купечеству, братьямъ своимъ, туркамъ и татарамъ крымскимъ словесно объявили, что посланные крымскаго Арсланъ-Гирея хана сынъ, его сераскиръ султанъ, съ другими двумя султанами, съ войскомъ до 40.000 (?) или болѣе: крымскихъ, буджацкихъ, едисанскихъ и киргизскихъ татаръ на кабардинскихъ черкесовъ, для войны за ихъ черкесовъ къ хану крымскому непокорность, тамо въ черкесской сторонѣ всѣ пропали, и мало хто оттудова ушелъ, да и султаны живы ли или нѣтъ, не слышно. По такой причинѣ крымскій ханъ, съ своимъ вейзиромъ и мурзами, въ немалой печали находится, такъ что и говорить къ себѣ иныхъ не допускаетъ. А разглашеніе де по Крыму учинено, якобы россійскіе солдаты, купно съ черкесами будучи и нарядясь въ черкесскую одежу, такову побѣду надъ татарами учинили (9-го мая 1755 г.).

Въ этомъ донесеніи слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что въ Сѣчи находились и къ нимъ по купечеству свободно приходили турки и татары и торговали подъ надзоромъ переводчика и кантаржея, т. е. смотрителя вѣсовъ на базарѣ и, вѣроятно, сборщика пошлинъ и податей.

17 мая текущаго года Кошевой не мало удивилъ кіевское и малороссійское начальство слѣдующимъ показаніемъ козаковъ, которые были посылаемы къ хану съ письмами:

4 маія, въ бытность ихъ въ Бакчисарае на квартирѣ въ ѣздномъ дворѣ, пріѣхавшій съ Буджакъ съ мурзою волошинъ, между разговорами ихъ, объявилъ, что крымскіе мурзы и прочіе ихъ старшины въ немаломъ сожалѣніи находятся, что въ россійской имперіи дѣлается новый городъ *Елисаветъ* и потому домогательство чинить будутъ, чтобы разоренный россійскимъ государствомъ турецкій городъ Азовъ, паки коштомъ россійсвой-же имперіи издѣланъ былъ. Ежели-же по такому ихъ домогательству не сдѣлается, то яко-бы въ прійдучую сего 1750 года осень розмиръ (т. е. нарушеніе мира) будетъ.

Такъ зорко слѣдила Турція за мѣрами, которыя наше правительство принимало въ видахъ защиты нашихъ границъ, а одною изъ такихъ мѣръ было въ то время поселеніе сербовъ и другихъ славянъ въ нынѣшней херсонской губерніи и учрежденіе крѣпости св. Елисаветы.

Въ томъ-же году, и кажется въ послѣдній разъ, встрѣчаемъ извѣстіе о бывшихъ бѣглецахъ-сообщникахъ Мазепы и Орлика, которые въ 40 лѣтъ послѣ полтавскаго пораженія искали еще покровителей въ Крыму и Польшѣ. Вотъ показаніе козака запорожскаго Василія Романовскаго, по возвращеніи изъ Крыму, куда онъ посылаемъ былъ съ цѣлью развѣдыванія объ интригахъ оставшихся еще въ живыхъ этихъ измѣнниковъ, 6 декабря 1755 года.

По отправленіи меня въ Крымъ, прибывши я въ городъ Бакцисарай, съ имѣющимся у меня къ продажѣ купеческимъ товаромъ, взявъ даннаго братомъ моимъ, войска запорожскаго войсковымъ писаремъ, Дмитріемъ Романовскимъ, по совѣту г. маіора Ферцова [1], осетра, къ пребывающимъ тамъ въ Бакцисараѣ двомъ человѣкамъ *Федору Мировичу* да *Федору Иванову* сыну *Нафимовскому*, пошедши въ ихъ квартиру, изъ вышеписанныхъ единому токмо Мировичу поклонъ отдалъ

---

[1]) Комендантъ ново-сѣченскаго ретраншамента.

и того осетра вручилъ, и вѣдая, что якобы у его Мировича имѣются въ Малороссіи родственники, при томъ объявилъ, яко де было у мене отъ реченнаго писаря Романовскаго къ врученію ему Мировичу письмо, а въ томъ письмѣ другое съ Малороссіи переданное, а отъ кого именно—отъ родственниковъ его Мировича или отъ кого другого, не зналъ, но на пути, якобы при разграбленіи меня гайдамаками, тое письмо потеряно. Почему онъ передалъ мнѣ отъ такихъ родственниковъ письмо и картелюшекъ, писанный моею рукою, при печати его Мировича, которое письмо и картелюшекъ при семъ сообщаю. Будучи по нѣскольку разъ въ ихъ Мировича и Нахимовского квартирѣ на кушаніи, между разговорами они мнѣ объявляли: „имѣютъ де они свое жительство въ польской области, въ пожалованной польской области короннымъ гетманомъ Потоцкимъ ему Мировичу селѣ, называемомъ *Грабичь*, состоящомъ подъ Хотинымъ, да сверхъ того отъ бывшаго великаго султана позволительный листъ имѣли, дабы имъ отъ господаря волошского жалованье денежное давано было. По умертвіи-же султана, жалованья денежнаго отъ господаря не стали давать, и затѣмъ они въ Бакцисарай прибыли, дабы тотъ листъ нынѣшнимъ великимъ султаномъ о выдачѣ по прежнему жалованья потверждено было, который листъ вмѣстѣ съ мурзацкими фирманами въ Цареградъ и посланъ. При отзывѣ-же моемъ Мировичь объявилъ, имѣютъ де они (измѣнники) желаніе, чтобы войско запорожское низовое отъ россійскаго государства отвратить и привернуть до хана крымского, и сію рѣчь его вельможности пану Кошевому и другимъ стариннымъ козакамъ велѣлъ объявить. Егда же войско запорожское къ тому ихъ желанію соизволитъ, тобъ г. Кошевой упевнялъ ихъ вѣрностію и письменно имъ-бы далъ знать. Ежели-же къ тому войска запорожскаго желаніе и произволеніе не будетъ, то предъ симъ запорожскимъ козакамъ ноги вмѣсто красныхъ чоботъ, также и головы россіяне обдирали, а нынѣ уже войско запорожское въ конецъ истребить хотятъ, для чего и вновь по сей сторонѣ Днѣпра городы, яко-то Елисаветъ и прочіе подѣланы, и уже войско запорожское все въ мѣшокъ убрано; токмо-же еще, чтобъ тотъ мѣшокъ завязать, россіяне способу не избрали.

Такое полусерьезное и полукомичное политическое сообщеніе крамольниковъ надѣлало не мало тревоги и въ Кіевѣ и въ генеральной войсковой канцеляріи, а потому строго воспрещено имѣть какія-либо сношенія съ измѣнниками, а письма ихъ, если будутъ, не распечатывая, пересылать немедленно кіевскому вице-губернатору Костюрину.

Польскій рубежъ въ это время, какъ кажется, мало безпокоилъ наше правительство, вслѣдствіе крайняго ослабленія польскаго государства: отъ того въ числѣ «Секретовъ» Коша запорожскаго встрѣчаемъ весьма немного посылокъ за польскій рубежъ и довольно рѣдко оттуда приходили даже пограничныя вѣсти. Но вотъ образчикъ весьма оригинальнаго донесенія съ этого сосѣдства.

Полковникъ Перевозной паланки, наблюдавшій за соляными и рыбными промыслами на «косахъ», т. е. устьяхъ Днѣпра и Буга, *Якимъ Лелекъ* доноситъ Кошу слѣд.:

Текущаго августа 1 числа (1756 г.) я своего писаря Данила Малиновскаго на косы въ разъѣзды посылалъ, и тотъ, возвратясь, мнѣ объявилъ, что онъ тамъ отъ приходячихъ съ польской области (Украйны) за рыбою ватажанъ слыхалъ, что тамо въ Польшѣ всѣхъ по своимъ губерніямъ (т. е. помѣщики въ своихъ имѣніяхъ) людей въ козачество насильно приводятъ, а хто весьма убогъ, то своимъ ружьемъ и прочимъ припасомъ снабдѣваютъ. А особенно отъ польскаго человѣка слыхалъ, что коронный польскій гетманъ (вѣроятно Потоцкій Иванъ) орды ногайской султановъ 4 затягъ и нынѣ тѣ султаны два въ м. Палѣевомъ озерѣ, а два въ гору р. Буга на вершинѣ р. Чигаклея въ Копанкѣ[1]) яко бы съ немалымъ войскомъ стоятъ. Къ тому-жъ и отъ запорожскихъ нашихъ козаковъ, кои въ Прогнояхъ[2]) за солью были, слыхалъ, что прошлаго іюля остатнихъ чиселъ польскій посолъ чрезъ Очаковъ и Кинбургъ къ хану крымскому ишолъ и дѣвицу весьма нарядную и хорошую реченному хану въ презентъ везъ; почему я съ старшиною доумѣваю, что тотъ польскій посолъ къ хану крымскому не для чего другого, какъ только чтобы еще больше орды просить, пошелъ и пр.

Кромѣ приведенныхъ доселѣ свѣдѣній нарочитыхъ, офиціальнаго такъ сказать происхожденія, въ дѣлѣ развѣдыванія о «заграничныхъ обращеніяхъ» правительство наше пользовалось и свѣдѣніями случайными, получавшимися отъ возвращавшихся изъ татарской и турецкой неволи, а такихъ плѣнниковъ, при частыхъ и въ то еще время набѣгахъ татаръ на заднѣпрскую Малороссію и въ особен-

[1]) „Палѣево-озеро" м. въ херсонской губерніи, ананьевскаго уѣзда, на р. Выси; с. Копанка с. полтавской губерніи на р. Чигаклеѣ, впадающей въ Бугъ.

[2]) *Прогнои*—соляныя лужи на Кинбурскихъ пескахъ, гдѣ устраивались небольшіе промыслы.

ности на Западную Украйну было очень много. Когда плѣнники сами по себѣ, или по сношеніямъ правительства или Коша Запорожскаго освобождались отъ плѣна, ихъ допрашивали въ Кошѣ и полученныя отъ нихъ свѣдѣнія политическаго характера представляли по начальству. Вотъ образчикъ такого донесенія отъ кошеваго Григорія Федорова командующему на украинской линіи генералу князю Кантеміру:

Сего 1755 г. февраля 20 дня, вышедшій изъ неволи, съ турецкой области, невольникъ Иванъ Даниловъ сынъ показалъ, что родился онъ польской области въ с. Капустинъ (кіевской губерніи) и взятъ татарами въ неволю, въ тотъ часъ, когда Медведовку брали (будетъ тому назадъ годовъ 18), гдѣ будучи въ неволѣ служилъ у ногайца въ с. Делегіелъ на р. Тилигулъ), именемъ Машбета, пасучи скотъ чрезъ всю свою у него бытность, а нынѣшнею зиму по тому боку р. Бугу, въ урочищѣ р. Чигаклей, былъ съ отарою (стадомъ овецъ) Машбета, гдѣ и ногайцевъ для сбереженія, а отъ чего, не знаетъ, было болѣе 2,000, между коими командирами были: Капланъ-Мирза, Уразъ-Мурза, да чабанскій Мурза. Будучи между ногайцами, онъ не однажды слышалъ, какъ они хвалились, что якъ де наступитъ новый султанъ, то на будущее лѣто на запорожскія вольности и въ пограничныя мѣста они намѣрены вдарить, что они у покойнаго султана уже просили позволенія идти за ясыромъ (ловить плѣнныхъ), но султанъ не позволилъ". Плѣнникъ еще показалъ, что „слѣдуючихъ, лежачимъ по надъ Богомъ шляхомъ (дорогою), въ Сѣчь Запорожскую на 5 возахъ, для продожи пшена, людей христіанъ 5 человѣкъ ногайцы порѣзали, пшено и 10 воловъ забрали". Буго-гардовый полковникъ прибавилъ къ сему показанію, что и „ему его козаки докладывали, что видѣли близъ Чигаклеи двухъ запорожцевъ, которыхъ ногайцы зарѣзали".

Донесенія этого рода составлялись на основаніи допросныхъ рѣчей плѣнниковъ.. Изъ нихъ извлекались свѣдѣнія, имѣвшія какой либо интересъ для правительства; но въ нихъ находимъ извѣстія, любопытныя въ другихъ отношеніяхъ, а потому приводимъ здѣсь одинъ изъ такихъ документовъ въ подлинномъ видѣ, съ вопросами, какіе предлагались плѣннымъ и отвѣтами, какіе отъ нихъ получались.

1759 года февраля 2 явившіеся въ Кошъ ушедшіе изъ татарскаго плѣна 4 человѣка показали слѣдующее:

Вопросъ: Какъ васъ зовутъ и гдѣ вы родились?

Отвѣтъ: 1-й, Зовутъ меня *Юріемъ*, а чей сынъ, не знаю, потому что малолѣтнимъ въ плѣнъ взятъ. Родился я въ Грусинской зем-

лѣ, въ городѣ Червенъ (?). Въ неволѣ находился 25 лѣтъ у татаръ, мнѣ лѣтъ 33.

2) Меня зовутъ *Мейметонъ Кимличекъ* (калмычекъ); родился въ россійскомъ городѣ Астрахани. Малолѣтнимъ украденъ татарами, и былъ въ неволѣ у татаръ до сего времени, лѣтъ мнѣ даютъ 25.

3) Зовутъ меня татарскимъ именемъ *Шуре,* родился въ Малой Россіи, малолѣтенъ взятъ въ плѣнъ, а въ какомъ городѣ именно, не знаю; и былъ у татаръ въ плѣну до сего времени; законъ (вѣру) содержалъ такую, какъ и они, когда жъ съ прочими невольниками христіанами, каковъ выше писанъ Гурженинъ (грузинецъ) Юріемъ сойдусь, то крешчусь, а больше о вѣрѣ христіанской ничего не знаю; мнѣ лѣтъ отъ роду 25.

4) Зовутъ меня *Али Кимличекъ* (калмычекъ). Родился въ россійскомъ городѣ Астрахани, взятъ въ плѣнъ въ то время, какъ вышеписанный Мейметъ. Отъ роду мнѣ 29 лѣтъ.

Вопросъ: Гдѣ вы именно въ плѣну были, изъ коего и какъ бѣжали, и что съ собою унесли и давно ли?

Отвѣтъ: Были мы въ плѣну у татаръ, живутъ онѣ не подалеку отъ Очакова въ степу, пять братьевъ, прозываются они *Бейсаджи*; какъ бѣжали сего числа 9-го, прямо пришли къ Ингулъ рѣкѣ, до козаковъ, откудова и въ Сѣчь приведены; а хозяйскаго ничего не унесли.

Вопросъ: Будучи тамо, слыхалиль или видѣли, нѣтъ ли гдѣ какихъ ордъ въ собраніи, а эдисанскіе татаре снова съ ханами обходительно ли живутъ, и нѣтъ ли у нихъ теперь какихъ споровъ и бунтовъ и за что?

Отвѣтъ: Будучи мы тамъ, отъ многихъ тамошнихъ жителей слышали и вездѣ эхо носится, что крымскій новый ханъ зимуетъ въ Бендерѣ и опасается въ Крымъ ѣхать, для того, что волосскаго народа правитель великому султану жаловался на хана за учиненное волохамъ разореніе и смертное убійство, и боится, что за то у турокъ войною штрафованъ будетъ. Онъ ожидаетъ весны, а по веснѣ когда нападутъ на него, то имѣетъ намѣреніе подъ защищеніе въ россійскіе границы уйти.

Вопросъ: Вы сюда за чѣмъ бѣжали?

Отвѣтъ: Мы сюда бѣжали для полученія совершеннаго православія и христіанской вѣры, и жить здѣсь желаемъ.

Примѣчаніе Коша: Въ куренѣ поповичевскомъ остались служить.

Возвратимся опять къ «доѣзднымъ» или «пріѣзднымъ доношеніямъ». Они такъ разнообразны по своему содержанію, такъ мно-

го мелкихъ свѣдѣній содержатъ въ себѣ, что трудно поддаются какой либо группировкѣ, и мы по необходимости должны приводить ихъ, держась лишь порядка времени. Вотъ напр. «пріѣздное доношеніе товарища каневскаго куреня *Василія Похиловскаго* [1]), яснѣе и полнѣе другихъ опредѣляющее какъ цѣль развѣдокъ, такъ и самый процессъ собиранія нужныхъ свѣдѣній и трудность добыванія ихъ.

По отправленіи нашемъ съ Сѣчи генваря 8-го дня въ крымскую сторону, для провѣданія ихъ намѣреній и дѣйствъ и прочихъ знатныхъ разговорокъ, то мы только и ѣхали что до Каменнаго [2]), а въ Каменномъ насъ заразъ и захватила великая вѣтряная да снѣжная фуртуна (буря), которая насъ не пустила съ Каменнаго 3 дня, а четвертаго дня хотя мы и поѣхали, однакожъ на силу за цѣлый день доѣхали на ночь въ Мамайсуру [3]), и тако даже до самаго Перекопа, съ великимъ бѣдствомъ ѣхали. Егда же пріѣхали въ въ Перекопъ генваря 19-го дня, то насъ въ баштѣ ихъ баштовые уряды, за великимъ вѣтромъ да морозомъ, ни очемъ и не спрашивали, но велѣли намъ ѣхать въ городъ и по ихъ обыкновенію стать въ хану (гостинномъ дворѣ). И до оного хану пришло за нами много турковъ и татаръ, и которые между ихъ грамотные были, то осматрували нашъ императорскій билетъ и зѣло тому удивлялись, что ихъ турецкими литерами выписанъ и почтили насъ за купцовъ, и взяли съ насъ свой баштовой доходъ, и того дня много съ нами разговорились. Такожъ они и по всякъ день до насъ для разговоровъ приходили и перве насъ испрашивали о нашей войсковой старшинѣ: и кто де увасъ кошевой, кто судья. кто писарь, и прочее-жъ. А потомъ паче всего испрашивали насъ о нашемъ государствѣ, что будто имъ вездѣ въ Крыму извѣстно учинилось, что якобы новый государь принялъ престолъ, и вездѣ о томъ вѣ Россіи, такожъ и въ Сѣчи пушечная пальба была. А больше мы отъ нихъ о нашемъ государствѣ никакихъ рѣчей не слышали. Между тѣмъ стали они намъ похваляться: «теперь де у насъ въ Стамбулѣ новый великій султанъ Османъ падишахъ и сказуютъ, что хорошъ человѣкъ, уся ему долге, лѣтъ въ 30, и оный новый падишахъ всему турецкому

---

[1]) По ветхости документа годъ не уцѣлѣлъ, но полагаемъ 1754 г., ибо говорится о вступленіи на престолъ Османа, который воцарился именно въ 1754 г.

[2]) Каменная, или „Каменный базаръ" на Днѣпрѣ (въ днѣпровскомъ уѣздѣ таврической губерніи) была *Кошемъ* въ 1711 году.

[3]) *Мамай-Сура*—татарскій аулъ, въ ногайскихъ степяхъ (таврической губерніи днѣпровскаго уѣзда).

яничарству велѣлъ дать великое жалованье, и того ради въ Перекопъ съ Козлева (Евпаторіи), съ Карасева (Карасу-базара), съ Бахцисара, съ Кефы (Ѳеодосіи) и прочихъ городовъ крымскихъ все турецкое войско пріѣхало до Перекопской орты (отряда), сподѣваючись оное жалованье получить, только-жъ они того жалованья уже болѣе двухъ недѣль ждали, да еще не получили, и о томъ жалованьи до моего пріѣзду никакого не было извѣстія. А когда мы въ Перекопъ пріѣхали, то напередъ насъ, съ 17 по 18-е генваря, ѣхалъ съ Цареграда великій турецкій старшина, нѣякійсь Капиджи-баша, и онъ въѣхалъ въ Перекопъ ночью, а когда ѣхалъ съ Перекопу, то ему все турецкое янычарство велику честь отдавали, и пушечная пальба была, и при немъ шло турецкаго войска до 40 ч., а татарскаго войска до 100 ч. Оный Капиджи-баша отъ своего падишаха везъ крымскому хану грамоту, дабы имѣлъ по прежнему надъ Крымомъ владѣніе, и притомъ везъ ему шубу, шаблю и прочее по ихъ обыкновенію. А послѣ того мы извѣстились отъ нихъ и о посланномъ татарскомъ войскѣ [1]), что теперь имъ великая тамо нужда состоитъ, яко то, что оно мало что побѣждено отъ черкесъ, а еще отъ сей зимы великой много у нихъ коней пропало да и самымъ татарамъ нѣкоторымъ ноги поотмерзали, а нѣкоторымъ руки, а иные, сказуютъ, и въ смерть померзли. И отъ такой нужды много ихъ оттуда бѣжало, съ коихъ бѣжавшихъ поймано было въ Перекопѣ болѣе 20 человѣкъ, и вкидали ихъ въ тюрьму, а 6 человѣкъ старшинъ ханъ велѣлъ повѣсить. А намъ съ Перекопу въ Бахцисарай и въ Кефу отнюдъ невозможно было ѣхать, едино затѣмъ, что тамо снѣгъ зело превеликій, что и дороги не знать, а другое затѣмъ, что по оному тракту вездѣ въ татарскихъ селахъ весьма невозможно сѣна ниже единаго стебла купить, ни соломы, ни оброку, ни хлѣба. А въ Перекопѣ единъ конь за сутки изъѣсть сѣна за 5 гривень по недовольству, а какъ по довольству дать, то можетъ изъѣсть за 7 гривень или за 8.

А о мирному трактату, или чтобъ гдѣ готовлено въ крымскихъ городахъ воинскихъ запасовъ, мы о томъ ни отъ турковъ, ни отъ татаръ, ни отъ прочихъ купцовъ ниже одного слова не слыхали.

Русскимъ пограничнымъ властямъ, въ виду всегдашней враждебности татаръ и ихъ внезапныхъ набѣговъ, нужно было имѣть постоянно свѣдѣнія о томъ, что происходитъ у нихъ на мѣстѣ, чтобы по ихъ перекочевкамъ, сборамъ и запасамъ, а иногда по случайно оброненнымъ въ разговорѣ словамъ заключать о ихъ настроеніи, намѣ-

[1]) Противъ непокорныхъ горцевъ кавказскихъ.

реніяхъ и дѣйствіяхъ относительно пограничныхъ нашихъ владѣній и принимать соотвѣтственныя тому мѣры. И наши власти не только пользовались всякимъ удобнымъ для сего случаемъ, но придумывали и изыскивали нарочито такіе случаи, и если разъ удавалось имъ добыть такія свѣдѣнія чрезъ кого либо посланаго подъ предлогомъ купечества, то въ другой разъ отправляемъ былъ курьеръ съ письмомъ и въ тоже время и даже главнымъ образомъ для развѣдокъ. Такъ въ сентябрѣ 1758 года генералъ Юстъ посылалъ въ Очаковъ сотника ново-слободскаго полка Василія Кошовенка съ письмомъ въ сераскиру, а вмѣстѣ для вывѣдки о тамошнихъ «похожденіяхъ». Сотникъ, воротившись, донесъ слѣдующее:

11-го сентября изъ крѣпости св. Елисаветы выѣхалъ и ѣхалъ на Сѣчь запорожскую, съ даннымъ къ лучшему препровожденію изъ Сѣчи козакомъ, по надъ Днѣпромъ до Перевѣзки [1]), а оттудова на Косы запорожскія, а съ Косъ въ дубу переплавленъ чрезъ Лиманъ въ Очаковъ, и по переправѣ приведенъ отъ янычаръ, кои для осмотренія по берегу стоятъ, къ Имаму, т. е. секретарю очаковскаго паши, который представляемый ему пашпортъ, данный отсюдова, осмотря, объявилъ черезъ толмача, что его Кошовенка самого, хотя онъ и съ письмами присланъ, до паши не допустятъ, и взявъ письма отъ генерала Юста, самъ до паши понесъ, а его самаго внутрь крѣпости не допустили, а показана имъ была квартира за городомъ. И въ разговорахъ тотъ секретарь спрашивалъ: сколько здѣсь, по границѣ, войска русскаго имѣется и для чего?—Онъ Кошовенко объявлялъ ему, что нѣсколько его имѣется, точію не для чего инаго, токмо для искоренения гайдамацкаго; почему онъ секретарь все его объясненія за изрядное и дружественное почелъ. Въ Очаковѣ онъ Кошовенко находился 3 дня, а въ 4-й, принявши отъ паши письмо въ отвѣтъ генералу Юсту, переправился на сю сторону дубомъ и прямо степью ѣхалъ до здѣшней (Елисаветинской) крѣпости. А будучи въ Очаковѣ, вывѣдалъ, что 1) въ Очаковѣ и около онаго, также при р. Березани состоятъ самые военные (ногайцы), а кибитки ихъ съ женами и дѣтьми на польской границѣ къ р. Кодыма, всего до 20.000, что онъ самъ видѣлъ: которая орда самое м. Дубоссаръ и не малые 3 села разорили и что у тамо живущихъ людей, гдѣ живутъ и турки и волохи, имѣніе и скотъ и все, что съискать могли, заграбили, а людей, которые противились, били и до смерти; 2) крымскаго татарскаго вой-

---

[2]) *Перевѣзка*, паланка, т. е. постъ запорожскій на устьяхъ Днѣпра для защиты рыболововъ и солевозовъ; она была, какъ полагаютъ, на оконечности р. Ингульца. Въ послѣдствіи названа „Ингульскою".

ска не мало съ Кинбуры чрезъ лиманъ въ Очаковъ судами возятся и намѣрены съ бѣлогородскою (буджакскою) ордю баталію имѣть и за причиненные туркамъ и волохамъ обиды и притѣсненія отмстить, и самую орду въ послушаніе хану привести; 3) городъ Очаковъ починенъ, а къ тому еще изрядно построенъ земляной валъ вокругъ прежнихъ и около онаго полисадникомъ весь обставленъ, турокъ же или янычаръ, военныхъ людей, кромѣ тамошняго гарнизона, не имѣется. О прибытіи туда турецкаго войска не слышно, кромѣ только, что туда изъ Царыграда военныхъ запасовъ, яко-то пороха и пуль, 2 корабля великіе привезли, и еще подъ городомъ не выгруженные стоятъ; 4) показанная бѣлгородская орда, какъ онъ отъ живущихъ въ Очаковѣ волоховъ, надежныхъ людей, а особливо отъ православнаго одного попа Василія, якой въ бытность его Кошовенка въ здѣшней сторонѣ, доброжелательства ему оказывалъ, слышалъ, яко оная орда точно намѣрена была подвергнуться подъ протекцію россійской имперіи, почему де она немалыя обиды туркамъ и волохамъ причиняетъ и сильно ихъ разоряетъ; 5) въ татарской сторонѣ между крымскими и бѣлгородскими татарами не малыя смятенія происходятъ; сему дѣлу начатіе за то стало, яко бѣлгородскій султанъ бралъ себѣ у мурзъ татарскихъ женъ и дочерей, а отъ турокъ и татаръ здѣшней сторонѣ (русской) противнаго ничего не имѣется и желаютъ впредь быть въ смиренности.

Иногда нашимъ властямъ приходилось посредствомъ нарочитыхъ посланцевъ провѣрять полученные другими путями слухи. Такъ въ томъ-же 1758 г. до русскихъ властей дошелъ слухъ, что новый ханъ Крымъ-Гирей, характера безпокойнаго и предпріимчивый, собираетъ всѣ средства, чтобы произвести нападеніе на наши границы. Чтобы узнать коварныя сего затѣи, былъ посылаемъ козакъ Василь Швидкій, и вотъ добытыя имъ свѣдѣнія, о которыхъ доносилъ по командѣ Кошевой.

Во время прибытія его въ Очаковъ (въ январѣ 1759 г.), отъ переводчика очаковскаго, къ здѣшней сторонѣ извѣстнаго приятеля, грека Юрія Григоровича слыхалъ, что едисанская орда съ ханомъ крымскимъ намѣревались на россійскіе границы, на крѣпость св. Елисаветы, на Сѣчь и на прочія новопоселяемыя слободы напасть. Къ якому своему злому намѣренію уже совершенно и изготовились и лошадей кормили, однако великій ихъ надишахъ такъ хана крымскаго, яко и едисанскую орду отвратилъ. Но сего же года въ февралѣ, при отъѣздѣ своемъ, онъ Швидкій отъ бахчисарайскихъ жителей, которые въ Сѣчи запорожской, по купечеству, много разъ живали, слышалъ, что ханъ паки

съ ордами при Каушанахъ состоитъ и на польскіе границы и даже противъ Порты разореніе чинить намѣреваетъ.

Какъ на особенность въ выборѣ лицъ, которымъ поручались политическія развѣдки о положеніи дѣлъ въ крымскомъ ханствѣ, можемъ указать на посылку съ такою цѣлію изъ Новосербіи священника Іоанна, въ сообществѣ съ однимъ гусаромъ. Объ этомъ фактѣ узнаемъ изъ копіи высочайшей грамоты гетману Разумовскому, присланной 30 іюня 1759 года изъ генеральной войсковой канцеляріи въ Кошъ. Посланные, возвратившись, показали слѣдующее:

Крымъ-Гирей ханъ съ 60 мурзаками и нѣсколько тысячь татарскаго войска на долинѣ близъ с. Копанки, на р. Чигаклеи [1]), стоитъ и у буджацкой и другихъ ногайскихъ ордъ хлѣбъ и скотъ беретъ, и что къ нему отъ Порты присланъ указъ, что-бы онъ отправился по прежнему въ Крымъ и былъ бы въ ономъ ханомъ, а притомъ ему присланъ турецкій кафтанъ и сѣдло, за то, что-бы онъ пограбленное въ хотинской раіѣ [2]) все пополнилъ и полоненныхъ людей, въ Польшу ушедшихъ, сыскавъ, возвратилъ. Почему отъ хана посланъ въ Польшу мурза съ требованіемъ объ отдачѣ ушедшихъ изъ Ганщины (ханскихъ владѣній) волоховъ, съ тѣмъ, ежели добровольно не отдадутъ, то намѣмѣренъ ногайскихъ татаръ для взятія ихъ послать. Еще они увѣдомились, яко изъ Царьграда идетъ турецкое войско при 12-ти пашахъ, которое, по прибытіи къ Дунаю, остановилось и намѣрено чрезъ эту рѣку дѣлать мостъ.

5-же іюня съ тою-же цѣлію посылаемъ былъ за польскій рубежъ слободскаго полку хорунжій *Григорій Балка*, который по возвращеніи доставилъ такія свѣдѣнія:

Во время бытности его въ польскомъ городѣ Тульчинѣ [3]) видѣлъ онъ укрывающагося тамъ султана Галагу (Калгу, ханскаго сына), который въ прошломъ 1758 году бунтовалъ противъ буджакской орды и разорялъ Волощину (Бессарабію), за что велено было отъ оттоманской Порты его султана поймать, для учиненія ему казни. Чего онъ опасаясь, пребываніе имѣетъ съ находящимися при немъ 7 мурзака-

---

[1]) Херсонской губерніи, ананьевскаго уѣзда.

[2]) Раія—мѣстность съ христіанскимъ населеніемъ: съ 1830 года хотинскій уѣздъ въ Бессарабіи называли *раіею*.

[1]) М. *Тульчинъ* подольской губерніи, принадлежавшее и принадлежащее до сихъ поръ гр. Потоцкимъ, наслѣдникамъ Калиновскихъ и Сѣнявскихъ; командиры придворной его „*хоругви*“ или гвардіи назывались *полковниками*.

ми и 150 татарами въ томъ городѣ Тульчинѣ, въ маетностяхъ графа Потоцкаго, воеводы кіевскаго, въ домѣ придворнаго полковника *Гуровскаго*, отъ котораго оной султанъ и мурзаки съ татарами въ харчевыхъ припасахъ довольствуются за данныя тому полковнику отъ султана деньги. Въ другихъ же городахъ, яко то: Крыловѣ, Немеровѣ и Могилевѣ, татарскаго собранія не имѣется, чего онъ Балка самъ нигдѣ не видалъ, такъ и ни отъ кого не слыхалъ, о нападеніи же на россійскіе границы никакого слуху не имѣется, да и прибывшіе въ Тульчинъ изъ польскаго города Бершадъ знакомые ему козаки объявляли, что и въ томъ городѣ Бершадѣ таковыхъ собраній не слышно.

А вотъ политическіе слухи съ Дону, отъ войсковаго атамана. Онъ прислалъ въ Кошъ полученный имъ рапортъ отъ козака Федора Кутейникова отъ 6 августа 1759 года, любопытный по извѣстіямъ о некрасовцахъ.

Минувшаго іюля 1 дня посланъ былъ я съ 4 человѣками, подъ приличнымъ претекстомъ, съ письмомъ къ кубанскому сераскиру Саидетъ-Гирей-султану, и пріѣхалъ я 7 числа іюля къ упомянутому сераскиру по сей сторонѣ Кубани, вверхъ по рѣчкѣ Аганлы, находящемуся тамо въ кочевьяхъ съ аулами. А на другой день, по допускѣ, подалъ сераскиру В. В. письмо при засвидѣтельствованіи вашего поклона, съ желаніемъ содержанія, въ силѣ свято пребывающаго мирнаго трактата, сосѣдственной дружбы. Напротивъ чего и онъ сераскиръ благодарилъ, и на слова мои и на письмо В. В. получилъ я такой отвѣтъ: „что онъ съ прикащика козака Попова пошлину хотя и взялъ, то потому, что съ пріѣзжающихъ съ Кубани къ Черкасскому [1]) съ товарами купцовъ въ Темерниковской таможнѣ немалая пошлина нынѣ берется". И тако въ ожиданіи отправленія пробылъ я при немъ сераскирѣ при той рѣчки Аганлы и при скочеваньи его оттуда съ аулами въ близости къ Капулу (Копылѣ) на р. Кубани, у Черной Протоки, всего 26 дней. А потомъ 1 числа сего августа, съ письмомъ отъ его сераскира, отправился и пріѣхалъ къ Задонской заставѣ 6 числа благополучно. А что я, въ осторожность высочайшаго Е. И. В. интереса, о кубанскомъ обращеніи развѣдалъ, о томъ В. В. доношу. 1) При кубанскомъ сераскирѣ, на упомянутой рѣчки Аганлы и съ перекочеванья его оттуда съ рѣки Кубани къ рѣченной Черной Протокѣ, аульныхъ кубанскихъ народовъ кибитокъ,

---

[1]) *Старо-черкасская* станица—главная усадьба въ то время донскаго казачества. Р. Темерникъ впадаетъ въ Донъ у Ростова на Дону; *Копыль, Черный-Протокъ*—урочища въ кубанской землѣ.

какъ я на свои глаза видѣлъ, находилось болѣе 2000 на р. Аганлы, а при Черной Протоки не болѣе 300 и съ тѣхъ послѣднихъ кибитокъ тотъ день, какъ я отправленъ, т. е. 1 числа августа, большая часть распущена для убранья къ зимнему времени хлѣбовъ и сѣна, а за тѣмъ осталось при сераскири только кибитокъ 40, коихъ сераскиръ при Черной Протоки оставя, поѣхалъ самъ съ чел. 50 въ свое жилище; помянутые же аулы имѣлись при сераскири въ тѣхъ мѣстахъ такимъ большимъ собраніемъ болѣе потому, что у него съ бывшимъ до его правленія кубанскимъ сераскиромъ Крымъ-Гирей султаномъ, такъ и Богодыръ-Гирей султаномъ, кочующими внизъ по Кубани, близъ сераскирскаго кочевья, чрезъ призываніе помянутымъ Крымъ-Гиреемъ ногайцевъ, состоитъ большое несогласіе, за котораго Крымъ-Гирея и Богадыръ-Гирей султанъ стоитъ. И по наклонности къ сераскиру Крымъ-Гирея нескрытно на Кубани говорятъ, что сераскиръ Саидетъ-Гирей желаетъ съ аульными своими татарами, называемыми *Китай, Кондравцами, Кипчаками*, для жительства въ Крымъ перейти и тотъ переходъ учинить будущею весною. Ради чего и нарочнаго отъ себя татарина, называемаго Сеферъ, въ Крымъ къ хану отправилъ, 31 числа іюля, съ напоминаніемъ, чтобъ онъ подвластныхъ татаръ своихъ на переходъ въ Крымъ уже склонилъ. 2) Отъ Некрасовскихъ измѣнническихъ козаковъ, особливо отъ ихъ толмача *Якова* (родомъ малороссіянина, переяславскаго полку), перешедшаго на Кубань съ нѣкоторыми запорожскими козаками еще въ то время, какъ они подъ вѣденіемъ крымскаго хана были, извѣстно, что де и они Некрасовцы будущею осенью въ Крымъ по таковомужъ, на Кубани всегда буваемому несогласію, а при томъ, что отъ нѣкоторыхъ кубанскихъ мурзъ, берущихъ у нихъ все потребное, частые имъ обиды бываютъ, перейти желаютъ. Къ чему де и отъ крымскаго хана имъ дозволено, а по переходѣ поселиться и жить приказано имъ въ Крыму близъ города Балыкли (Балаклавы). А чтобъ имъ въ переходѣ туда отъ Богадыръ-Гирея султана, какъ онъ явно удержать ихъ хвалится, какого вреда не было, то послали они Некрасовцы въ Крымъ къ хану нарочныхъ стариковъ, 4 чел., для исправленія о препровожденіи ихъ до Крыму сераскиру Саидетъ-Гирей султану указа. 3) Отъ калмыцкаго хана Дундукъ-Баши, также и отъ Кабарды посланцевъ на Кубани нынѣ никого нѣтъ".

Секретная переписка Коша 1760, 1761 и 1762 годовъ потеряна, а съ 1763 и 1764 годовъ сохранены только не многія и то

[2]) О бѣгствѣ съ Дону некрасовскихъ козаковъ, Игнатъ-козаками называемыхъ отъ татаръ, сперва на Кубань, а послѣ въ Крымъ, см. статейку мою въ журналѣ „Московскій Вѣстникъ" за 1846 годъ.

разрозненныя бумаги и даже листы. За время войны съ Пруссіею имѣется не большое «дѣло», съ надписью на заглавномъ листѣ: «*О завоеваніи прусскаго королевства*», но въ немъ лишь копіи реляцій о битвахъ и побѣдахъ нашей арміи; переписки-же о «секретахъ» этого времени встрѣчаемъ очень мало. Въ числѣ офиціальныхъ бумагъ такого рода мы нашли переводъ цѣликомъ или только въ извлеченіи изъ какого-то частнаго письма, какъ-бы придуманнаго въ насмѣшку надъ пруссаками. Письмо это вывезено, вѣроятно, для свѣдѣнія Коша, кѣмъ нибудь изъ участвовавшихъ въ компаніи запорожцевъ, которыхъ цѣлые отряды были въ прусскомъ походѣ. Въ немъ очень ярко рисуется трудное положеніе пруссаковъ, терпѣвшихъ пораженія отъ русской арміи, и мы поэтому приводимъ здѣсь его текстъ.

Экстрактъ листу изъ Берлина отъ 14 августа (1758 или 1759 г.).

Вы, любезный мой пріятель, весьма разумно издѣлали, что выѣхали отсюда въ Гданскъ (Данцигъ), а мы здѣсь, послѣ потерянной послѣдней баталіи, въ великомъ страхѣ находились, но нѣсколько успокоились было королевскимъ листомъ, въ которомъ его величество писалъ, что онъ самъ противъ россіянъ стоитъ и насъ отъ нихъ защищать хощетъ.

Вчера въ половинѣ 8 часа по утру пріѣхалъ сюда курьеръ съ радостнымъ извѣстіемъ, что Е. В. нашъ король атаковалъ россіянъ съ такимъ успѣхомъ, что мы чрезъ 2 часа вѣдомости о совершенной побѣди надъ нашимъ непріятелемъ ожидать имѣли. Радость о семъ была у насъ всеобщая, вездѣ слышны восклицанія, весь народъ выбѣжалъ изъ города, дабы ожидаемаго повсечасно курьера предъ городомъ принять; 100 человѣкъ поставлено были въ готовности для препровожденія его въ городъ. Я еще никогда не видалъ на улицахъ столько людей, сколько вчера было.

Но радость наша не долго продолжалась, и намъ потому тѣмъ прискорбнѣе было, что мы увидѣли простого егеря вмѣсто другаго курьера, въ исходѣ двинадцатаго часу предъ полуднемъ къ намъ пріѣхавшаго; онъ былъ вѣстникомъ несчастливаго окончанія баталіи. Мы отъ того пришли въ великое смущеніе, но всѣ еще больше въ уныніе приведены были, какъ дворъ со всѣми министрами, съ великимъ поспѣшеніемъ въ Магдебургъ уѣхалъ. По радостныхъ восклицаніяхъ слышны были уже только печальныя стенанія, о пораженіи нашемъ больше сомненія не было, хотя стараніе прилагалось то онъ насъ скрывать.

При всемъ томъ мы нѣсколько утѣшились, услыша, что король въ добромъ здравіи; мы съ трепетомъ ожидаемъ вскори нашей судьбины.

Можетъ быть чрезъ два дни россіяне или австрійцы насъ здѣсь посѣтятъ. Да будетъ намъ Господь помощникъ! Всѣ отсюда бѣгутъ, гдѣ кто себѣ безопасность найтить можетъ. Баталія, сказуютъ, была прежестокая, уронъ нашъ невѣроятно великъ: ретирада была столь скоропостижная, что едва не вся безъ остатка наша артиллерія непріятелю въ добычу оставлена: подъ королемъ, говорятъ, лошадь убита, а другая ранена, конница особенно много претерпѣла, многіе полки почти совсѣмъ истреблены.—При всемъ же томъ великіе побѣги изъ арміи солдатъ наше несчастіе еще больше умножаютъ.

О какой именно «баталіи» говорится здѣсь, опредѣлить трудно: въ восьми ордерахъ войсковой канцеляріи упоминается о 6 сраженіяхъ и о 2-хъ совершенныхъ побѣдахъ. Король, о которомъ такъ часто упоминается въ письмѣ, былъ никто иной, какъ Фридрихъ Великій—первый полководецъ XVIII столѣтія, до появленія Наполеона I-го. Извѣстно, что небольшая сравнительно русская армія, съ незнаменитыми даже генералами, сломила разстроенныя силы Фридриха Великаго; взяла Кольбергъ, Кенигсбергъ, заняла Берлинъ «и все прусское королевство», которое по волѣ императрицы Елисаветы Петровны поручено «въ управленіе русскому генералъ-губернатору».

Въ нѣкоторой связи съ приведеннымъ письмомъ по предмету извѣстій стоитъ сообщеніе кошеваго Григорія Федорова въ генеральную (малороссійскую) войсковую канцелярію о движеніи прусскихъ войскъ въ Польшу.

Сего марта (1763 г.) 12 дня получилъ я въ Кошѣ отъ пріятеля съ Польской области письменное извѣстіе, тако-же и прибывшее сюда симъ временемъ съ Польщи-жъ по промысламъ шляхетство безъ закрывательства объявляло, что якобы прусскій король находится нынѣ въ Польшѣ съ многою арміею и но многихъ мѣстахъ Польши свое войско разставилъ и многочисленные заготовляетъ провіянты и фуражи, по крѣпостямъ же и городамъ польскимъ на башняхъ приказалъ гербы свои поставлять и намѣренъ де якобы польскою короною совсѣмъ владѣть. Къ чему де и все знатнѣйшее польское шляхетство его допустить и за короля принять, а своего короля (Августа III), съ сихъ резоновъ, что будто-бы оной король Россіи земли и людей по р. Случь отдалъ, отъ короны отрѣшить желаютъ и намѣрены. И тотъ де король поль-

скій, иные говорятъ, отъѣхалъ въ Саксонію, а другіе, что якобы въ Россіи находится.

Столь странное на видъ извѣстіе имѣетъ однако-же историческое основаніе. Въ 1763 году Россія была уже въ дружбѣ съ Пруссіею, и чтобы охранить себя отъ безпорядковъ, расгрей и волненій въ Польшѣ, по случаю удаленія короля Августа III и попытокъ партіи Чарторыйскаго къ возведенію на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, заключила съ нею «декларацію» (31 марта 1763 г.) о поддержаніи въ Польшѣ *избирательнаго* монархическаго правленія и о недозволеніи избранія въ короли Лещинскаго. Во исполненіе этого договора русскія войска вступили тогда въ Литву, а прусскія въ великопольскія области; но Кошъ, какъ видно, мало былъ посвященъ въ дипломатическія тайны и доносилъ лишь о томъ, что доходило до его слуха.

Закончимъ наше перечисленіе «Секретовъ Коша Запорожскаго» приведеніемъ еще слѣд. репорта Кошеваго въ гетманскую канцелярію, писаннаго въ августѣ того-же 1763 года:

Сего числа чрезъ прибывшихъ изъ Крыму запорожскихъ козаковъ за подлинно увѣдомлено въ Кошѣ, что ханъ крымскій съ Каушанъ чрезъ Очаковъ на перекопскую сторону переправился и на встрѣчу ему сынъ его сераскиръ-султанъ, въ едичкульской ордѣ состоявшій, предъ симъ дней за 3 выѣхалъ въ едичкульское кочевье къ Очакову [1]. Ханъ же, переѣхавъ изъ Перекопа прямо, не заѣзжая въ города крымскіе, поѣдетъ въ Дерчь (Керчь), при которомъ и селеніе народное есть при морю, не подалеку состоящее отъ Еникули крѣпости, гдѣ чрезъ морское гирло на кубанскую сторону имѣется перевозъ, будетъ же ли онъ на кубанскую сторону переправляться, или тамъ стоять, точно неизвѣстно. Да тѣжъ прибывшіе козаки объявляютъ, яко извѣстно въ Крыму, что подлинно ханъ имѣетъ намѣреніе много войска на черкесы на кубанскую сторону отправить, для чего учиненъ отъ него указъ, чтобъ ногайцы были во всякой готовности къ тому походу, который коль скоро съ хлѣбами и сѣнами тѣ орды уберутся, заразъ и послѣдуетъ. А причина сего похода, что черкесы, по ханскому опредѣленію ясыра (плѣнныхъ), котораго онъ отъ нихъ требовалъ, сверхъ такого числа, якое они прежде имъ давали, не даютъ. По сколко-жъ въ тотъ походъ со всякой орды будетъ опредѣлено людей, нынѣ неизвѣстно.

---

[1]) Кочевья ногайцевъ едискульской орды занимали за Днѣпромъ степи нынѣшняго днѣпровскаго уѣзда таврической губерніи.

Приведенный документъ представляетъ тотъ интересъ для исторіи и географіи нашего края, что въ немъ упоминается о Керчи, Еникале и переправахъ чрезъ Керченскій проливъ къ Таманскому полуострову кубанской области. Кавказскіе горцы, бывшіе вассалами хановъ, платили имъ подать «ясыромъ», т. е. плѣнниками, а этихъ плѣнныхъ они добывали наѣздами на наши-же поселенія. Итакъ, «ясыръ» отъ насъ шелъ въ Крымъ съ разныхъ сторонъ.

Предложенные нами документы оправдываютъ сказанное нами выше о сходствѣ «Секретовъ Коша запорожскаго» съ »воеводскими отписками», собранными г. Оглоблинымъ въ государственныхъ нашихъ архивахъ. Судить объ относительной ихъ важности не беремся; скажемъ только, что собранныя нами извѣстія, при всей ихъ мелочности, отрывочности и неполнотѣ, въ общемъ своемъ видѣ утверждаютъ насъ въ той мысли, что Запорожье, столь оклеветанное въ 1770 годахъ, не смотря на свою службу подъ знаменами Румянцева, Панина и Долгорукаго Крымскаго, сослужило и въ этомъ отношеніи своему правительству вѣрную службу. Мы видимъ, что простые козаки, безъ всякаго жалованья и вознагражденія, исполняли то дѣло, которое теперь ведутъ въ иныхъ формахъ, русскіе консула на востокѣ, и что ихъ «доѣздныя» донесенія были не менѣе полезны для государственной службы, особенно если принять во вниманіе положеніе порубежныхъ съ нами государствъ, трудность сообщенія и простоту лицъ, облекаемыхъ въ такое дипломатическое званіе, хотя и мелкихъ размѣровъ.

А. Скальковскій.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

Въ юго-восточномъ уголкѣ курской губерніи, въ ново-оскольскомъ уѣздѣ, есть слобода Слоновка, расположенная на правомъ берегу рѣки Оскола, недалеко отъ воронежской границы. Въ прошломъ столѣтіи это былъ одинъ изъ крайнихъ пунктовъ, близъ которыхъ шла пограничная черта поселеній малорусскаго слободскаго козачества. Въ Слоновкѣ былъ сотенный урядъ, которымъ заправлялъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго вѣка сотникъ Осипъ Ѳедоровичъ Острожскій-Лохвицкій. У Острожскаго былъ сынъ Иванъ, котораго отецъ отдалъ въ науку въ „Харьковскія школы". Такъ какъ Осипъ Ѳедоровичъ дослужился до сотничества только подъ старость и, будучи на урядѣ, не пользовался достатками, то сыну не удалось окончить науку; отецъ взялъ 14-лѣтняго Ивана въ помощники къ себѣ по хозяйству. Было это въ 1763 году. Восемь лѣтъ спустя старикъ умеръ, оставивъ вдову и слабоумную дочь на руки 22-лѣтняго сына. Трудно было малограмотному юношѣ, безъ связей, съ мизерными средствами, пробиться въ люди; только умъ и настойчивость могли пособить въ этомъ случаѣ. И Ивану Осиповичу нельзя было дѣйствительно отказать ни въ томъ, ни въ другомъ. Благодаря энергіи и умной изворотливости, онъ вышелъ не послѣднимъ человѣкомъ своей среды и своего времени, а его нѣсколько-философской натурѣ потомство обязано несравненными по живости и рельефности мемуарами, которые предлагаются ниже читателямъ.

Что за фамилія *Острожскій?*—Авторъ простодушно пытается связать ее съ родомъ князей Острожскихъ. [1]) Онъ разсказываетъ, что

---

[1]) Въ одномъ мѣстѣ дневника, при описаніи поѣздки въ Кіевъ, авторъ замѣчаетъ: „и въ пещерахъ и въ церквѣ удостоился приложится всемъ опочивающимъ мощамъ, въ томъ числѣ и мощамъ почивающимъ прародителя нашего въ пещерахъ Феодосіевскихъ, князя Ѳеодора Острозскаго".

прапрадѣдъ его, „чиномъ полковникъ, именемъ Констянтинъ", „княжеской фамиліи", пришелъ „съ города польскаго Острога великаго" въ г. Лохвицу и поселился тамъ; сынъ Константина „Климонтъ", переселившись изъ Лохвицы въ г. Корочу, „не пожелалъ военнаго чина, а восхотѣлъ имѣть духовной и по достоинству его произведенъ въ протоиерея". Отъ этаго-то протоіерея Климента и пошло въ тогдашней бѣлгородской губерніи потомство, частію духовнаго званія, частію свѣтскаго—низшая слободская козацкая старшина, впослѣдствіи мелкое дворянство. Сотникъ Осипъ былъ сынъ священника, внукъ „Климонта".

Кто такой въ дѣйствительности былъ „Констянтинъ" и какого рода полковничество ему приписывается,—нельзя отгадать [1]. Достовѣрно только то, что фамплія „Острожскій" указываетъ на его прежнее мѣсто жительства, какъ, по словамъ самого-же автора мемуаровъ, дѣдъ и отецъ послѣдняго, кромѣ фамиліи Острожскихъ, стали носить еще и фамилію Лохвицкихъ, по прежнему мѣсту жительства протопопа Климента.

Итакъ авторъ мемуаровъ, Иванъ Осиповичъ Острожскій-Лохвицкій,—потомокъ правобережнаго выходца, затѣмъ лохвицкаго обывателя Константина. Возвратимся къ его „странствію въ жизни сей".

Похоронивъ отца въ 1771 году, Острожскій года черезъ два женился на обрусѣлой полькѣ, дочери управляющаго имѣніями кн. Трубецкаго, Пелагеѣ Лаврентьевнѣ Гражданской. До 1780 года онъ занимался приведеніемъ въ порядокъ и расширеніемъ, при помощи тестя, своего небольшаго имѣнія, а въ 1780 г. поступилъ на службу исправляющимъ должность секретаря нижняго земскаго суда въ г. Новомъ Осколѣ. Вѣроятно Иванъ Осиповичъ сразу постигъ всю тогдашнюю канцелярскую премудрость, ибо въ слѣдующемъ-же году, по доносу, противъ него было возбуждено уголовное дѣло о служебныхъ злоупотребленіяхъ, до разслѣдованія котораго онъ былъ отправленъ въ Корочу „подъ жестокой караулъ", подъ которымъ и просидѣлъ 3

---

[1]) Лохвицкій полкъ едва-ли существовалъ когда либо; изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ списковъ полковъ онъ помѣщенъ только въ лѣтописи Коховскаго и пріуроченъ къ началу гетманства Хмельницкаго. Максимовичъ въ своемъ „Обозрѣніи городовыхъ полковъ" не принимаетъ это свѣдѣніе за достовѣрное (Собр. соч., I, 661). Можетъ быть предокъ автора былъ какимъ нибудь „полковникомъ" въ польскомъ смыслѣ, но, за отсутствіемъ указаній, невозможно этого объяснить. Очень вѣроятно, что полковничье достоинство придалъ своему предку авторъ мемуаровъ для большей важности, чтобы сколько нибудь сгладить рѣзкость перехода отъ князя къ священнику.

мѣсяца. Дѣло кончолось тѣмъ, что выпущеннаго на поруки Острожскаго вызвали въ Курскъ и посадили на 2 недѣли на хлѣбъ и на воду. Но Иванъ Осиповичъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Курскѣ и просился опять на службу въ намѣстническое правленіе регистраторомъ. Между тѣмъ въ Курскъ былъ присланъ на должность директора экономіи товарищъ Острожскаго по харьковской школѣ Корнѣевъ, который и перезвалъ его въ свое вѣдомство, въ казенную палату, по экспедиціи директора домоводства. Въ 1783 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, Иванъ Осиповичъ получилъ чинъ коллежскаго регистратора, произвелъ лѣтомъ порученный ему сборъ торговыхъ пошлинъ на многолюдной Коренной ярмаркѣ и, сдавъ по реестру благополучно казенныя суммы, поспѣшилъ осенью выйдти въ отставку.

Съ этихъ поръ Острожскій дѣлается настоящимъ помѣщикомъ и земскимъ дѣятелемъ. Прежде всего онъ обращается въ 1786 году къ уѣздному ново-оскольскому предводителю дворянства съ просьбою о внесеніи его въ дворянскій списокъ. Когда предводитель отнесся скептически къ дворянскимъ правамъ потомка князей Острожскихъ, Иванъ Осиповичъ апеллировалъ къ губернскому предводителю и губернатору и добился желаемаго.

Въ томъ же году онъ попробовалъ балотироваться въ засѣдатели нижняго земскаго суда въ Новомъ Осколѣ, ,,но по балламъ быть ему при таковыхъ дѣлахъ не досталось''. Это обстоятельство не смутило настойчиваго Острожскаго: въ слѣдующемъ-же году, по случаю смерти засѣдателя Попова, онъ опять подвергся балотировкѣ и на этотъ разъ прошелъ благополучно. Избиратели-дворяне, впрочемъ, не совсѣмъ радушно приняли новаго собрата; вѣроятно всѣмъ была памятна секретарская служба Ивана Осиповича, за которую онъ попалъ подъ судъ. Какъ ни усердствовалъ новый засѣдатель, дворяне не выбрали его на слѣдующее трехлѣтіе, хотя не отказались подписаться на аттестатѣ о добросовѣстномъ исполненіи Острожскимъ служебныхъ обязанностей.

Сдѣлавшись опять частнымъ человѣкомъ, Иванъ Осиповичъ не удовольствовался одними хозяйственными занятіями. Сметливый и искательный, онъ сразу опредѣлилъ свое положеніе среди сосѣдей-помѣщиковъ и пользовался имъ какъ нельзя выгоднѣе; для богатыхъ и знатныхъ онъ исполнялъ всякія хозяйственныя и юридическія коммисіи, за что былъ жалованъ вещественно (напр. семьями крѣпостныхъ) и невещественно, съ бѣдными успѣшно сутяжничалъ. Въ 1791 и 92 г.г. Острожскій, по порученію нѣкоего Шидловскаго, ѣздилъ два раза въ Петербургъ и Москву хлопотать по дѣламъ въ разныхъ присутствен-

ныхъ мѣстахъ, за что оба раза получилъ въ награду значительныя суммы денегъ; для того-же Шидловскаго, по откупнымъ дѣламъ онъ не разъ бывалъ въ Воронежѣ и Харьковѣ, а Кіевъ посѣтилъ около того-же времени по собственному желанію. Предъидущая служба, дальнія поѣздки, удачные процессы создали Острожскому репутацію дѣловитаго человѣка, безъ котораго трудно обойтись въ общественныхъ дѣлахъ. Дворяне начинаютъ приглашать его въ разныхъ случаяхъ своимъ представителемъ, а въ 1794 году вновь избираютъ земскимъ засѣдателемъ.

На этотъ разъ служба Острожскаго прервалась самымъ непріятнымъ для него способомъ. Прослуживъ мѣсяца два, Иванъ Осиповичъ наткнулся на весьма соблазительный, въ смыслѣ наживы, случай съ бродячимъ торговцемъ, котораго онъ обвинилъ въ убійствѣ товарища. Деньги и товаръ торговца, по представленію Острожскаго, были конфискованы и значительную долю ихъ „почерпнули" члены суда. Хотя Острожскій поспѣшилъ выгородить себя отъ участія въ этомъ „скверноприбытчествѣ", но уголовная курская палата, куда обратился потерпѣвшій, не согласилась съ его увѣреніями и, отрѣшивъ его отъ должности, посадила въ тюрьму. Два года (1797 и 98) Иванъ Осиповичъ просидѣлъ въ тюрьмѣ и чуть было не лишился чина и правъ. Дѣло окончилось 1800 года тѣмъ, что обвиняемые—въ числѣ ихъ и Острожскій—отрѣшались отъ службы съ обязательствомъ возмѣстить убытки хозяину ограбленнаго торговца. Долгая тяжба сильно подорвала хозяйство Острожскаго, а поправить было нечѣмъ: старые друзья-покровители одинъ за другимъ сошли въ могилу, а новыхъ трудно было пріобрѣсти. Двадцать пять лѣтъ послѣ этого прожилъ еще Иванъ Осиповичъ частнымъ человѣкомъ, но уже не видѣлъ ни почестей, ни хозяйственныхъ успѣховъ. Нѣсколько разъ Слоновку посѣщали пожары, въ которыхъ пострадало неоднократно и имущество Острожскаго. Самъ онъ сталъ чаще болѣть, хотя бодрость духа сохранилъ до смерти. Въ 1814 году Острожскій похоронилъ жену, а 25 октября 1825 года скончался и самъ, на 76 году отъ рожденія.

Изъ десятерыхъ дѣтей автора въ живыхъ осталось нѣсколько дочерей и сынъ Петръ, продолжатель записокъ. Послѣдній получилъ часть отцовскаго имѣнія и жилъ бѣднѣе отца. Какую должность занималъ Петръ Ивановичъ, изъ записокъ не видно; въ одномъ мѣстѣ только, въ 1826 г., онъ подписался: „12-го класса Петръ Острожскій".

Записки Острожскаго обнимаютъ обширный періодъ времени отъ 1771 до 1846 г. и состоятъ изъ двухъ весьма неравныхъ частей: первая, самая большая (до 1825 г.) принадлежитъ Ивану Осиповичу

Острожскому, вторая (съ 1825) сыну его Петру. Все значеніе принадлежитъ первой части. Любознательный, наивный (съ нашей точки зрѣнія), склонный къ отвлеченію, авторъ изъ года въ годъ, добросовѣстно и систематически, записываетъ не только то, что *съ нимъ* случилось, но вообще все „достойное примѣчанія". Способъ записыванія у автора, на сколько это можно замѣтить по его произведенію, такой: время отъ времени (иногда разъ въ годъ, иногда чаще) Острожскій садится за свое „описаніе" и по свѣжей памяти старается возможно послѣдовательно и связно разсказать все, что случилось въ протекшее время. Его „описаніе" не есть дневникъ, или записная книга, куда вносится все безъ разбора, а нѣкоторымъ образомъ литературное произведеніе; до 1771 года онъ въ видѣ введенія разсказываетъ судьбу своего рода, жизнь отца, затѣмъ уже переходитъ къ себѣ. Мы боимся отнять у читателей удовольствіе самимъ прослѣдить за всѣми неподражаемыми пріемами автора и потому не входимъ въ болѣе подробное ихъ описаніе. Скажемъ только, что при всѣхъ прочихъ достоинствахъ записки Острожскаго имѣютъ еще то особое значеніе, что описываютъ мѣстность—такъ называвшуюся Бѣлгородщину, о которой до сихъ поръ почти ничего не было извѣстно въ бытовомъ отношеніи. Вторая, гороздо меньшая по объему часть, замѣтки сына, далеко уступаетъ первой во всѣхъ отношеніяхъ: ни той живости, ни обстоятельности и простоты въ разсказѣ, какими отличаются записки отца, въ ней нѣтъ. Сынъ больше отдѣлывается общими фразами и мало интереснымъ пересказомъ газетныхъ извѣстій, и начинаетъ свои замѣтки вставкою цѣликомъ (съ ошибками) всѣхъ манифестовъ, вышедшихъ по случаю вступленія на престолъ императора Николая. Острожскій отецъ самъ пробилъ себѣ дорогу, имѣлъ опредѣленную нравственную физіономію, что и отразилось въ его запискахъ. Острожскій сынъ—заурядная личность, слабая копія отца, и это также отпечатлѣлось на его приписках.

Подлинникъ записокъ представляетъ собою переплетенную въ четвертку тетрадь разной бумаги, сшитую изъ нѣсколькихъ меньшихъ тетрадей и заключаетъ въ себѣ 170 нумерованныхъ и 7 ненумерованныхъ писанныхъ листковъ. Записки написаны двумя почерками, близко одинъ къ другому подходящими, очевидно собственноручно отцемъ и сыномъ Острожскими. На переднихъ, вшитыхъ передъ заглавнымъ листкомъ страницахъ написано сначала рукою Ивана Осиповича Острожскаго: „Изъ числа книгъ, принадлежащихъ Ивану Острожскому, писанная имъ самымъ. № 172-й по реестру". Затѣмъ слѣдующія сентенціи: „Доброе имя есть первая драгоцѣнность души нашея.

Кто украдетъ у меня кошелекъ, крадетъ бездѣлку; онъ былъ мой, теперь сталъ его, и прежде служилъ тысячи людей. Но кто похищаетъ у меня доброе имя, тотъ самъ не обогащается, а меня дѣлаетъ бѣднейшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ".

Далѣе рукою Петра Ивановича сдѣлана довольно длинная (четыре густо исписанныхъ страницы) выписка изъ „Ядра Россійской исторіи", кн. Хилкова, „О происхожденіи рода Острожскихъ". Выписка свидѣтельствуетъ, что пущенное въ ходъ Иваномъ Осиповичемъ предположеніе о своемъ княжескомъ происхожденіи сильно занимало и его сына.

Записки мѣютъ свое особое, многословное заглавіе, указывающее на автобіографическій ихъ характеръ. Подъ этимъ заглавіемъ мы и предлагаемъ ихъ текстъ, отказываясь объяснить, какъ сфабриковано и что буквально означаетъ данное имъ авторомъ однословное названіе: *Годепорикъ*.

Ѳ. Н.

I.

Описаніе, житія, дѣлъ, бѣдствій и разныхъ приключеній, то есть Годспорикъ или странствіе въ жизни сей.

Ускори, Щедрый, и потщися на помощъ мою, яко можеши хотяй.

Въ странѣ Малороссийстѣй, что называется гетманьщина, есть городъ Лофиця [1]). Въ томъ былъ житель, чиномъ-же полковникъ, именемъ Констянтинъ, и супруга его Марія. Оной родилъ сына, именемъ Климонта, которой, по умертвіи отца своего Констянтина, вышелъ на жительство съ Лофицѣ въ городъ Корочу, и понялъ себѣ супругу, именемъ Тетияну, где живучи, не пожелалъ военнаго чина, а восхотѣлъ имѣть духовной и по достоинству его произведенъ въ протоиерея. И родилъ трехъ сыновъ, Лазаря, Гавріила и Ѳеодора, исъ коихъ Лазарь и Гавріилъ были тамъ-же протоиереями, во свое время, а Ѳеодоръ былъ священникомъ и правителемъ духовныхъ дѣлъ, супругу имѣлъ именемъ Татияну исъ фамиліи Коломыйцевыхъ.

---

1) Ныне оной городъ черниговского намѣстничества, и я въ немъ былъ проѣздомъ исъ Кіева.—Это, какъ и всѣ дальнѣйшія подстрочныя примѣчанія, принадлежатъ автору записокъ.

Оной Θеодоръ, живучи въ городѣ Корочи, имѣлъ въ дому своемъ всякое изобылие и честь отъ всѣхъ, потому что отецъ его Климонтъ былъ знаемъ не только большимъ господамъ, но и самому царю, ибо въ поездъ свой черезъ городъ Корочу блаженнія памяти, Імператоръ I Петръ Алексѣевичъ [1]) въ ево домѣ изволилъ квартировать, а потомъ взялъ ево во свой царской домъ въ Москву и многое время держалъ при себѣ, для того что оной протопопъ Климонтъ умѣлъ играть хорошо на всякіе инструменти. Родилъ же Θеодоръ сыновъ шесть, Гавріила, Іоанна, Михаіла, Іоанна, Иосифа, Василія и дочъ Марію, исъ которыхъ Гавріилъ, Іоаннъ и Василій пожелали въ чинъ духовной, и былъ Гавріилъ священникомъ въ слободѣ Халанѣ яблоновского уѣзду [2]), князей Трубецкихъ, по умертвіи-жъ жены своей іеромонахомъ въ бывшемъ монастырѣ Холковскомъ Преображенскомъ, где отъ своего произволенія и своимъ собственно коштомъ состроилъ церкву каменную Покрова Пресвятія Богородицы, въ коей и чудотворная икона Пресвятія Богородицы Казанскія поставлена, ажъ и до нынѣ тамъ стоитъ [3]); а по раскасованіи онаго монастыря Холковскаго, переведенъ былъ въ харковской Коллегиумской монастырь, и поживши тамъ лѣтъ нѣсколько, умре и погребенъ во ономъ-же харковскомъ Коллегиумскомъ монастырѣ.

А Іоаннъ былъ священникомъ, короченскаго уѣзду, нижнего стану, въ селѣ Стариковомъ, которой тако жъ по умертіи жены своей постриженъ іеромонахомъ въ харковскомъ Коллегиумскомъ монастырѣ, а оттуда переведенъ въ Святогорской Изюмской монастырь [4]) и былъ въ ономъ монастырѣ намѣсникомъ, гдѣ и умре. Василій же былъ священныкомъ на мѣстѣ отца своего Θеодора въ городѣ Корочѣ при соборной церквѣ Рождества Пресвятія Богородицы.

А Михаілъ, Іоаннъ и Іосифъ по желанію ихъ изъ духовнаго чина исключены и записаны въ военной чинъ, исъ коихъ Михаилъ произведенъ сотникомъ былъ въ слободу Богучаръ [5]), где поживши немного времены, родилъ двухъ сыновъ Петра и Павла и умре.

---

[1]) Ошибкою написалъ я его, не расчелъ времени, а то былъ царь Алексѣй Михайловичъ, Петра перваго отецъ.

[2]) Ныцѣ корочинскаго, по открытіи намѣстничества курскаго.

[3]) Въ 1766 году.

[4]) Оной монастырь 1787 года раскасованъ такъ, какъ и протчіе великороссійскіе.

[5]) Что нынѣ городъ Богучарскъ, зделанъ въ 1779 году.

А Иоаннъ записанъ былъ въ службу подпрапорнимъ, не имѣя же мѣста быть сотникомъ, получилъ отставку, съ повышеніемъ ему чина въ сотники, и жилъ въ городѣ Корочи до смерты. Сей былъ весма человѣкъ сердитъ, а найпаче до жены своей и дѣтей.

Дочъ же Марія выдана въ замужество въ городъ Острогожскъ за сотника Ивана Шапочку, о коей описаніе оставляется. Оная умре 1778 года.

А Иосифъ произведенъ былъ сотникомъ въ слободу Слоновку (разстояніемъ отъ Корочи въ 43 верстахъ), въ 1749 году, и въ томъ же году родилъ сына именемъ Иоанна, а прежде родилъ дочерей Марію, Мароу, послѣ же Анну, и съ коихъ старшая была Марія, и скудости ради ума своего въ замужество не была выдана, а Мароа выдана была за колежского [1]) регистратора Ивана Енохина въ городъ Харковъ. Анна же выдана въ замужество въ слободу Бирючю [3]) за войскового жителя Григорія Черторицкаго, где, живучи въ слободѣ Слоновки, на командѣ имѣлъ великія нападенія отъ своихъ командировъ, потому что зависть обыкла вкоренятся въ началствующихъ, а онъ былъ не весма охочъ ласкать и дарить, потому что и достатокъ имѣлъ не великъ, видѣлъ мало благополучныхъ лѣтъ, то за то его, будучи въ службѣ, по ненависти опредѣляли въ самонужнѣйшіе и трудніе дѣла, также частіе командираціи и разніе государственнія строгіе дѣла, а когда случалось когда которой годъ быть въ домѣ, то поручаеми были ему строгіе комисіи, государственная казна и далечайшіе посылки, собственно на своемъ коштѣ, также через очередь противъ другихъ сотниковъ и подпрапорнихъ (когда еще былъ подпрапорнимъ) командираціи и походи и съ коихъ походовъ въ бытность его еще подпрапорнимъ былъ весьма трудной кримской въ 1734 году, ибо тогда онъ еще только что въ 1733 году понялъ себѣ супругу, именемъ Варвару, исъ фамиліи Ковалевскихъ, и толко пожилъ съ нею полгода и мало болше, тутъ-то и походъ былъ имъ сказанъ въ Крымъ, въ коемъ онъ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ, а супруга его, какъ еще тогда не имѣла своего дому и нѣчего, приняла великую нужду, живучи тогда еще въ городѣ Корочѣ.

---

[1]) Оной нынѣ имѣетъ чинъ губернскаго секретаря.

[2]) Оная слобода зделана городомъ 1779 года.

По возвращеніи жъ ево съ похода кримского и по смерти отца его священника Өеодора (которой убитъ разбойниками на дороге въ проездъ его съ Белгорода въ Корочу 1737 или 1738 г.) раздѣлился онъ зъ братьями вишеписанными отцовскимъ имѣніемъ еще при животѣ матери ихъ Тетияни, и досталась ему въ короченскомъ уездѣ въ деревнѣ Терновой, на рѣки Ивницѣ, мелница да въ доплату противъ другихъ братныхъ мелницъ триста рублей денегъ и садъ въ городѣ Корочѣ, кое онъ получа и мало нѣчто отъ скота, состроилъ себѣ домъ во ономъ-же городѣ Корочѣ и сталъ житые свое мало исправлять. Потомъ просилъ атестата въ главно-командующаго тогда слободскими полками въ сотники, которой ему за понесенніе его труда и данъ. Кой онъ получа, поехалъ въ Москву просить по военной коллегіи о произведеніи себя въ сотники, что и получилъ съ великимъ трудомъ и не малымъ коштомъ и убыткомъ.

Получа же оной сотниства чинъ, определено мѣсто быть ему въ слободѣ Слоновой на командѣ, куда съ превеликимъ трудомъ и также коштомъ, оставя все, что нѣ было въ Короче, толко одинъ домъ перевезъ въ Слоновку, и тамъ черезъ два года кончивъ постройку, началъ было жить нѣсколко лутше.

Тутъ тотчасъ напалъ на ево звѣръ прелютой, полковой судя Өедоръ Татарчуковъ [1]), отъ которого много онъ пострадалъ разними обидами за недопущеніе своихъ подкоманднихъ въ ево работу, которихъ въ то время употребляли начальствующіе въ работу такъ, какъ бы своихъ хрестянъ, и по многимъ прозбамъ по командѣ принужденъ отъ ево власти просить освобожденія, а быть бы въ командѣ въ другова, что едва для его здѣлано было.

Потомъ (въ 1754 году и послѣ) настало время зело худое корчемнихъ дѣлъ, и тутъ онъ превеликую терпѣлъ бѣду отъ разнихъ изъ Новаго Оскола насилаемыхъ командъ, такожъ по злобѣ бывшаго въ то время новосколского воеводи Пересвѣтова, а болѣе все за недопущеніе своей команди въ разореніе, и такъ въ одно время случилось, что подкомандніе ево, оставя въ рукахъ пришедшей команди все, бѣжали, где ево почти до полусмерти прибили, отъ чего онъ долго былъ и боленъ. Потомъ, немного выздоровя, поехалъ

---

[1]) А прежде нападалъ белгородской губернаторъ Пассекъ, ибо тогда слободскіе полки были подъ виденіемъ белгородской губерніи.

просить въ главнокомандующаго тогда слободскими полками генералитета о своей обидѣ и своихъ подкоманднихъ разоренія домовъ и своево дома, въ коемъ тогдашнею командою побрато въ ево самого домѣ болѣ нежели на триста рублей пожитковъ, для чего опредѣлено было произвесть надъ командующымъ въ то время оною командою военною поручикомъ Гвоздевимъ военной судъ, которой и произведенъ былъ въ городѣ Корочѣ; однако милостію Божіею остался правъ и еще со удоволствіемъ обиды, хотя и не всей.

Послѣ того всего происхожденія, въ 1758 году, августа въ 11 день, посѣтилъ Богъ домъ его дважди огнемъ, такъ что толко мало нѣчто осталось отъ огню; а потомъ повелѣно было итить, хотя еще не исправилъ въ домѣ, въ походъ пруской, где пробылъ два года и болше, собственно на своемъ коштѣ и безъ всякаго жалованья. Тамъ понесъ превеликую трудность военную на баталияхъ подъ Кистриномъ и другихъ случаяхъ нужнихъ, такожъ скудость въ правиантѣ и всемъ. При концѣ которого похода опредѣленъ былъ для препровожденія пленнихъ до города пруснаго Мемеля и тамъ, отдавши ихъ по указу государеву, на кораблѣ отпущенъ былъ съ своею командою въ домъ, въ которой по шести мѣсяцахъ едва могъ постигнуть, и еще при жестокой здѣлавшейся ему на пути болѣзни, въ коей болѣзни еще и въ домѣ пробылъ болѣе шести недель. А какъ пожилъ послѣ выздоровленія зъ годъ, то и третично посетилъ Богъ огнемъ, такъ что жителей тамошнихъ слоневскихъ погорѣло дворовъ болѣе ста двадцати, въ томъ числѣ и ево безъ остатку, ибо толко остались одни покои для пребыванія ево стоящіе какъ средѣ поля, а прочее все погорѣло.

Но не престалъ и тутъ гонить вышеписанной Татарчуковъ, не далъ исправитца въ домѣ, подустилъ другихъ командующыхъ опредѣлить ему съ командою походъ въ Барвѣнчинъ фарпостъ [2]). Отъ оного онъ хотя много отговаривался погорѣніемъ дома своего и подкомандннихъ, однако злоба превозвышила и принужденъ итить съ великою обыдою, опасаясь за ослушаніе штрафа, толко прежде послалъ прозбу къ главной камандѣ, съ прописаніемъ приключившагося нещастия, отъ чего получилъ милость и велено было ему

---

[2]) Тогда онъ былъ пограничная крѣпость отъ крымскихъ татаръ за городомъ Изюмомъ.

возвратитца въ домъ свой съ командою для исправленія экономіи. И после таво хотя и были малие камандираціи, благополучнаго ради бывшаго времени, однако легкие, но и тутъ междоусобіе и штурми происходили, частію отъ своихъ подкомандныхъ, а частію по хитрости подпрапорного Ивана Корецкого изъ зависти; однако всѣ Божіею милостію были сносни и не весма чежели, хотя объ этомъ и много было переписокъ и волокитъ въ поездкахъ къ главной командѣ о неправилнихъ прозбахъ, которіе хитро и тайно болѣе помянутой производилъ Татарчуковъ. И съ коихъ поездокъ была послѣдняя къ бригадиру Банческулю въ мѣстечко Змѣевъ (нынѣ городъ харьковской губерніи), где исправя дело и получивъ паки команду, записалъ сына своего Іоанна въ военную службу подпрапорнимъ въ 1761 годѣ, бывшаго уже тогда 10 лѣтъ. И по приездѣ отътуда жилъ лѣтъ пять мало въ покои, а сына до возрастныхъ лѣтъ и въ зачотъ службы отдалъ въ харковской коллегіумъ для обученія латинскаго языка, коего онъ и обучался четырѣ года и мало болѣе.

Тутъ возгримѣлъ преужасной громъ гнѣва Божія на всѣ слободские полки въ 1763 году, во время царствованія императрицы Екатерины Алексѣевны, и опредѣлена была именная коммисія въ городѣ Острогожскѣ надъ всѣми старшинами, полковими и сотенними. Въ то время не укрился и мой отецъ сотникъ Іосифъ тучи оной грозной; взбунтовались тотъ часъ подкомандніе его, стали сочинять ложние прозбы, а болѣе по наущенію подпрапорного Ивана Корецкого (которой за добро всегда искалъ воздать зло, ибо онъ сотникъ часто его избавлялъ отъ великихъ бѣдъ, а паче корчемнихъ, и отъ самой смерти: когда отецъ его Іосифъ хотѣлъ было ево заколоть, то онъ сотникъ, увидѣвъ, что отецъ ево за нимъ гонится съ ножемъ, схоронилъ ево подъ своею кроватью и отъ смерти избавилъ). Тутъ тотъ часъ отказано отъ команды, не велѣно отлучаться отъ коммисіи, обиды, хотя и неправилніе, не принося никакихъ отговорокъ, удовольствовать деньгами, ибо хто хотя что подарилъ, то все ставилъ во взятокъ. И такъ не ожидая простие мужики возвращенія ево сотника съ Острогожска, начали грабить въ ево хуторѣ лошадей, рубить заимочной лѣсъ, опустошать сады, бить по улицамъ напрасно хрестянъ, ругать въ глаза ево жену и дѣтей. И какихъ поношеній не принялъ отъ своихъ подкомандниxъ, а паче еще отъ сродственниковъ Корецкихъ и насмѣяній, которыхъ онъ, при

бѣдности еще бывшихъ, почти всѣмъ своимъ довольствовалъ, также снабдѣвалъ хлѣбомъ, однако они все позабыли и воздали за добро зло, а паче въ самое то злое время, и во всѣхъ дѣлахъ они были предводителями и наустителями простаго народа ко злу.

Тутъ что только что миновало первое зло, а вскорѣ послѣдовало и другое грѣхъ ради нашыхъ: въ томъ же году въ одинъ день потонуло скота, коней, коровъ и воловъ болѣе пятидесяти, крестяне самие лутшіе то-жъ потонули: весной овцы распродани для заплати по просьбамъ, и такъ остался уже почти при бѣдности, толко что одно имѣлъ пропитаніе, доставшуюсь ему отцевскую мелницу въ короченскомъ уездѣ да малую часть скота. Тѣмъ еще имѣлъ мало отраду: хлѣбъ доволной для пропитанія дома и одежду за проданіе онаго, а для работи въ домѣ и для посилки въ домѣ или къ мелницѣ за хлѣбомъ осталось два небольшіе малчика крепосніе, лѣтъ по 10, которіе еще ни какой болѣе не могли работи здѣлать, какъ толко лошадей погонять; а какъ разстояніемъ мелница отъ дома въ 43 верстахъ, то опасно было таковихъ малчиковъ и посилать, такъ принуждени были нанѣмать всякой разъ человѣка да и то съ великимъ трудомъ, потому что запрещали и нанѣматця на работу людямъ въ дворъ, а которой было найметця, то и на томъ мстятъ злоблящіеся люди на ево сотника. Видитъ онъ, что приходитъ до крайнего разоренія домъ, самъ за старостію и понесенними трудами въ походахъ всегда былъ боленъ, а людей негъ кому бъ работать, такъ принужденъ былъ взять сына зъ училищъ харковскихъ, 1763 году маія 31 числа, которому тогда былъ уже 14 годъ, и такъ принужденъ употреблять, оставя науку, въ разную черную работу, какъ-то возки сена, соломи и дровъ и съ мелницѣ хлѣба, что съ великимъ трудомъ ево бедной, не приобыкшей къ работѣ юноша несъ: оставя науку, началъ оную забывать, а къ работѣ приобыкать, нести холодъ и варъ съ великимъ терпѣніемъ, самъ во всемъ не имѣя помощника болѣе тѣхъ двухъ малчиковъ, съ коими я до возраста ихъ мучился болѣе десяти лѣтъ, въ коихъ претерпѣлъ великіе бѣды, отъ непривички къ работѣ частіе болѣзни, скудость въ одеждѣ, а въ одно время (1766 года декабря 23 числа) въ проездъ свой съ мелницы въ преболшой холодъ приморожение и ногъ, отъ чего претерпѣлъ болѣзни болѣе двухъ мѣсяцей.

По терпѣніи тѣхъ тѣлесныхъ болѣзней послѣдовало еще сердечная болѣзнь. Въ 1771 году, іюня 20, собралъ я наймомъ съ великимъ трудомъ 10 человѣкъ косарей и началъ косить на своемъ доставшемся полюбовнимъ разводомъ полѣ, и какъ толко по утру іюня въ 21 день начали косить, тутъ постигла печалная вѣсть, возвѣщающая смерть отца моего сотника Іосифа, которой іюня въ 21 день 1771 году, по отпустѣ Божественнія Литургіи, отъ сего временного и многопечалного житія на вечное отийде. Какъ тогда воздохнулъ преужасно и пока переехалъ растояніе отъ поля до слободы Слоновки, 14 верстъ, рыдалъ, сами могутъ знать всѣ, видевшие смерть родителей своихъ, паче же въ такихъ несовершенних лѣтахъ и бѣдствіи; однако сдѣлавши достойное погребеніе родителю своему и плакавъ горко со оставшеюся во вдовствѣ матерію своею, началъ промишлять о житіи своемъ, какъ бы не допустить до разоренія дома своего. Великие недостатки и малые долги, обветшаніе дома и мелницы великимъ рожномъ казались сердцу моему; тутъ еще совершенніе лѣта къ замужеству сестри меншой Анни, которую, посовѣтовавши съ матерью, выдали въ замужество, и такъ осталась мать, сестра старшая Марія, которой въ замужество ити было нельзя, да я, бывши тогда уже 20 лѣтъ, Іоаннъ.

И то еще не малою было печалію, что записанъ былъ въ службѣ козачей подпрапорнимъ, и какъ пришли совершенніе лѣта и козачая служба была переименована на регулярную гусарскую, то непременно надобно было и мнѣ въ оную службу итить безъ отговорочно; но мать престарѣлая всѣми мѣрами удерживала меня, чтобъ не допустить дома до послѣдняго разоренія, такожъ и матерняя къ дѣтямъ горячесть и любовъ удерживали, ибо началась тогда (1769 г.) война жестокая съ туркомъ и надобнобъ не отмѣнно итить, оставивши домъ и мать въ печали превеликой и недостаткахъ. Чтожъ дѣлалъ я? Хотя съ великимъ трудомъ, коштомъ и пособіемъ зятя своего Ивана Енохина, которой тогда былъ ужо при губерніи харковской регистраторомъ губернскимъ, началъ искать уволненія отъ службы, и показавъ неспособность за приморожѣніемъ ногъ, что велѣно было освѣдѣтелствовать лѣкарю, и по свѣдѣтелству онаго дано мнѣ уволненіе и переименованіе въ штатную службу регистраторомъ. Тутъ я, освободясь отъ того ига, началъ и то думать, что мать ужо стара, смотрѣть въ домѣ не можетъ и принужденъ къ

женидбѣ, а достатка нѣтъ, гдѣ-бъ зговоривши невѣсту, здѣлать свадьбу. Чтожъ дѣлалъ я? Положась на волю Владичествующаго всѣми, началъ искать невѣсти. Тутъ ужо и соперники, бывшіе во враждѣ съ отцемъ моимъ, начали сожалѣть, ибо мнѣ за смиреніе и дали взайми денегъ, стали старатся о сисканіи невѣсти отъ лучшихъ людей; однако для сего недостатка не выдавали и для обхожденій нинѣшняго свѣта, ибо надобно было ходить въ платьи нѣмецкомъ, модномъ и дорогомъ, такожъ быть чиновну, обращателну, ласкателну и во всемъ щегольливу противъ нинѣшняго свѣта. А какъ я, оставя науку, былъ при черной работѣ, къ тому-жъ еще и въ недостаткахъ, то отъ меня сіи качества весьма были отдалены. Платя имѣлъ черкаское, недорогое, а тогда тѣмъ презырали, обхожденія были селскіе, а не городскіе, болше же смиреніе и несмѣлость, къ тому же и недостатки (ибо богатство всегда рождаетъ умъ). И такъ когда примѣтилъ я, что благородніе нѣсколко имъ презыраютъ, то началъ искать не великородства, а человѣка по своему нраву и обхожденію.

Въ то время случилось мнѣ быть староскольского уѣзду въ слободѣ князей Трубецкихъ Староивановки, где увидѣлъ невѣсту, бывшую тамъ-же на свадбѣ дочъ тамошняго исъ поляковъ волнаго, князя Николая Ивановича Трубецкого управителя, Лаврентія Гражданскаго, и какъ судба уже къ тому вела, что-бъ не быть въ него возносящемуся гордостію сердцу, то нѣсколько оная и понравилась мнѣ, паче-же въ смиреніи противъ прочихъ невѣстъ, въ коемъ числѣ была и сестра ее старшая. И такъ началъ просить зятя своего помянутаго Ивана Енохина и отца его, протопопа Діонисія Енохина-жъ, чтобъ зговорить вышепомянутую невѣсту, дочъ управителя Лаврентія Гражданского, именемъ Пелагію (ибо оной управитель былъ не крепостной оного князя Трубецкого, но природной полякъ, и, по выхожденіи отецъ его съ Полщы, пожелалъ быть во услуженіи охотою первие въ дворянъ Нестеровыхъ, потомъ въ князей Трубецкихъ), которіе, видя мое сиротство и бѣдность, не отказались, и какъ по приездѣ къ нему управителю начали говорить, то онъ какъ обыкновенно родителѣ сожалѣютъ о дѣтяхъ и разніе отговорки употребляютъ, не желая своему рожденію худа, такъ и онъ хотя и много разнихъ отговорокъ употреблялъ, однако наконецъ склонился отдать старшую дочъ именемъ Евдокію.

И какъ услышалъ я, что не по моему желанію все идетъ, то скрылся нѣсколко въ тайномъ мѣстѣ и просилъ Бога со слезами быть по Его намѣренію. Потомъ, вышедши оттуда и отеръ отъ очей слези, началъ просить, что-бъ какъ возможно старатся згаваривать меншую, именемъ Пелагію, за что возроптали на меня всѣ и представляли быть оное дѣло невозможное, что-бъ оставатся старшей, а прежде итить меншей; однако гдѣ всемогущая Десница своимъ провидѣніемъ что здѣлать восхощетъ, тамъ человѣкъ препятствовать не можетъ. И такъ, по смятеніи томъ, положили съ обоихъ сторонъ быть дѣло невозможное, и съ великимъ гнѣвомъ на меня всѣ взирая, хотѣли ехать обратно въ домы свои. Тутъ послана была луча милосердія Божія въ сердце управителя оного, и склонился онъ отдать, положась на волю Божію, меншую дочъ свою Пелагію за меня Ивана Осипова, сына Острожского и Лофицкого. И такъ, по заключеніи договора, гуляли много, наконецъ разъехались въ домы съ тѣмъ, чтобъ какъ возможно приготовлятця скорѣе къ свадбѣ, чтобъ съ обоихъ сторонъ менше было печали и мятежа.

Тутъ хотя я и получилъ по желанію сердца своего радость, но сердце печалію еще горше снѣдалось, видя, что онъ, тесть мой, имѣетъ достатокъ хорошъ, такъ ему надобно было всѣми силами старатся, чтобъ какъ возможно приготовленіе къ свадбѣ здѣлать противу его равное, а зналъ свои великие недостатки. И такъ съ великимъ воздыханіемъ и слезами просилъ Бога, чтобъ онъ какъ хощетъ, такъ премудримъ своимъ промысломъ и устроилъ все во благо. Не менше-жъ еще придавало печали и то, что жену я себѣ понѣмалъ воспитанія нежнаго и роскошнаго, иного рода, а не исъ черкасъ, т. е. она полька, а онъ хохолъ, то и весьма опасался, чтобъ въ житіи не было какова развращенія и мятежа въ домѣ.

И какъ зближилось время положенъного термина свадбы, и прийшолъ день уреченній, то я съ великимъ трудомъ собралъ ближнихъ своихъ и сосѣдъ, поехалъ, взявши съ горкими слезами благословеніе отъ родителницы своей, и, по приездѣ туда, веселной актъ по закону болѣе въ тайной сердечной молитвѣ препровождалъ, дабы Всевишний Владыка управилъ щасливо житіе мое; по окончаніи коего началъ жить въ любви съ женою своею взаимной другъ ко другу.

Тутъ ужо нѣсколько стало лучше исправлятся житіе мое, потому что помощъ была чинима всемъ отъ тестя, и домъ обветшалой несколко починилъ, также мелницъ перестроилъ, хотя и зъ дорогою покупкою и заимкою денегъ и леса. Но еще другъ друга не распознавъ хорошо, последовала было причина: въ то время (въ 1775 г.) восталъ звѣръ прелютой Емелка Пугачевъ и плѣнилъ своимъ разбойничествомъ многіе мѣста, противу коего велѣно было всемъ служащымъ и отставнимъ итить противу. За неимѣніемъ въ близости военныхъ людей, въ томъ числѣ ему Ивану велѣно было итить. Тутъ, простясь съ любезною своею супружницею, поехалъ; однако щастіе воспослѣдовало, и велѣно было мнѣ и всѣмъ возвратиться въ домы свои. И такъ я прибылъ благополучно въ домъ и жилъ въ исправленіи своей экономіи и государственнихъ поручаемихъ разнихъ и строгихъ дѣлъ.

Два года былъ опредѣленъ началникомъ при учрежденнихъ отъ моровой язви караулахъ, въ коей должности великие понесъ труды, ибо строгость употреблялась жестокая въ семъ государственномъ и весма важномъ дѣлѣ, а какъ я въ сихъ дѣлахъ не бывалъ и наставленія имѣть было по смерти отца своего нѣоткого, то превеликую трудность несъ, пока мало понялъ оное важное и другія тому подобніе дѣла.

О фамиліи хотя я не упомянулъ съ начала сего описанія, однако оное здѣсь полагаю: вишеобявленной Констянтинъ полковникъ съ супругою своею Маріею сойшли на жительство съ города полскаго Острога великого, княжеской фамиліи и князья, въ Лофицю и тамъ прозывался Острожскимъ; а какъ сынъ его Климонтъ сойшолъ съ Лофицѣ, бѣлгородской [1]) губерніи, въ городъ Корочу, то прозывался Лофицкимъ, а Климонтови дѣти Лазаръ, Гавріилъ и Ѳеодоръ по отцу своему прозывались Острожскими-Лофицкими, а нѣкоторые и протопоповими, потому что отецъ ихъ Климонтъ былъ протопопомъ въ городѣ Корочѣ; послѣдніе-жъ ихъ дѣты и до сего времени пишутся Острожскими по Констянтыну полковнику, а иніе

[1]) Белгородская губернія уничтожена 1779 года и зделано въ Курске намѣстничество.

по Климонту Лофицкими, а протопопово имя оставили [1]). Однако въ нужнихъ дѣлахъ, какъ-то: въ крѣпостяхъ и другихъ тому подобнихъ, пишутся двояко Острожскими-Лофицкими. Оставя-же сіе, возвращаюсь на первое описаніе исторіи Ивана Острожскаго.

Живучи я зъ женою своею два года и болѣе, зачалъ и родилъ дочъ именемъ Любовъ (1775 г., апр. 25 д.) и сталъ еще нѣсколко лутше успѣвать въ домашней экономіи: хотя съ великимъ трудомъ и заимкой такожъ денегъ, сострoилъ себѣ винокурню, а болѣе съ помощію тестя своего, которой меня много снабдилъ принадлежащыми вещмы до оной винокурнѣ, какъ-то: котломъ, трубами и кадками; потомъ въ 1776 году видя, что хуторъ мой, бывшей на доставшемся еще отцу моему, сотнику Іосифу Острожскому, полюбовнимъ разводомъ полѣ, совсѣмъ прийшолъ въ опустѣніе, купилъ въ тамо живущаго на моемъ-же полѣ человѣка Филипа Холошина (онъ-же и супруга) дворъ и во оной перенесъ свою избу, и началъ сѣять понемногу хлѣбъ для того, что стало маленко разводится коровъ и овецъ, а лошадей въ то время покупалъ. И такъ сталъ для скота у меня кормъ не покупной (а все покупали прежде), тако-жъ и хлѣбъ несколко подоволнѣй прежнего, и во всемъ для домашней экономіи стало несколко полутшее исправленіе, какъ въ домѣ пристройкою нѣкоторою, такъ въ мелницѣ и хуторѣ.

Потомъ въ 1777 году паки зачалъ и родилъ дочь именемъ Александру, марта въ 28 день. И въ томъ-же году іюня въ 26 день возъимѣлъ охоту: видя въ другихъ заведенія прекраснія сады, нанялъ людей и ращыстилъ лѣсъ въ урочищѣ Ласкового Ярка, гдѣ и полюбовнимъ разводомъ достался отцу моему еще лѣсъ, и началъ разного рода прививать деревя для размноженія сада, а во ономъ имѣлось тогда по ращищеніи лѣса дичекъ способнихъ къ прививанію болѣе двухъ сотъ, кромѣ другихъ деревъ; и оплелъ вкругъ плетнемъ хорошо, и нанялъ человѣка для присмотру онаго, чтобъ завистнихъ и злобнихъ людей чѣмъ былъ не испустошенъ.

Въ семъ-же году 1777 случилась вещъ дивная и несколко достойная примѣчанія нижеслѣдующая. Въ городѣ Харковѣ былъ житель, грекъ природной, именемъ Илия, которому за понесенніе

---

[1]) Тутъ не ведомо, почему упала ихъ фамилія княжеская; думать должно, что зъ убожества актовъ, а думать можно—часть ихъ утеряна.

въ бывшую турецкую войну некоторіе труди данъ былъ чинъ порутчичей. Оной имѣлъ двухъ дочерей и одного сына и былъ чрезмѣрно богатъ, имѣлъ лавки и другіе промислы. И имѣлъ онъ въ себя воономъ-же городѣ Харковѣ въ лавки сидѣлца, человѣка весма проворнаго и хорошаго состоянія, съ коимъ дочъ его меншая, которая была красавица, жила амурно. И какъ пришолъ день ноября 21-го, въ которой празнуется Воведеніе Пресвятія Богородицы, то оная, идучи къ церквѣ на литургію, послала въ лавку дать знать оному сидѣлцу, чтобъ онъ дожидался ее въ лавки, пока она отъ церкви возвратится. И такъ, по отпустѣ литургіи, идучи домой съ сестрою своею старшею вмѣстѣ, отлучась отъ оной, зайшла въ лавку, где уже оной ея дожидался; и какъ пришла, то затворя они дверь, что тамъ делали—не наше дело осуждать другіе грѣхи, а Божіе; мы должни о своихъ толко просить Бога, чтобъ Онъ всѣ наши беззаконія простилъ милосердіемъ своимъ. Что увидя братъ ее маленкой, бывшей тогда лѣтъ пяти, и не зная, что то ево сестра пошла въ лавку, прийшолъ и сказалъ своему отцу, оному выше обявленному греку: «батюшка, какая-то дѣвка пошла въ лавку къ нашему сидѣлцу и затворили дверъ». А въ то время случилось у него быть гостямъ хорошимъ. Онъ, оставя гостей, пригласивши ихъ посидѣть, пока возвратится отъ лавки, пошолъ, сказавши: «экой бездѣльникъ, что дѣлаетъ! и въ меня есть дочерѣ, чтобъ не было какова порока на нихъ». И какъ прийшолъ къ лавки (коя была не далече отъ ево дому), то дверъ была заперта снутрѣ крѣпко. Онъ началъ стучать, кричать: отопри поскорѣй! Тутъ они бедніе, испужавсь, не знали, что дѣлать съ страху, и принужденъ былъ онъ, сидѣлецъ, въ стоящей тамо порожней сундукъ оную дочь его заперетъ, а какъ она была совершенныхъ лѣтъ, то съ великимъ трудомъ могла во оной вмѣстится, и какъ вмѣстилаеь, то оной сидѣлецъ, отворя лавку, ушелъ. А отецъ еи, войшовши въ лавку, искалъ вездѣ и не сискалъ, а какъ слышалъ, что онъ запѣралъ сундукъ, то могъ примѣтить, что оной былъ тамъ, и просилъ людей, случившихся въ то время на ринке, донесть сундукъ до его дому. Самъ шолъ за нимъ и говорилъ, не зная, что его дочъ во ономъ сундукѣ: «слава Богу, поймалъ зверка! Давно я тово желалъ, чтобъ это бездѣлство искоренить». И какъ принесли домой, то онъ приказалъ несть ево въ ту горницу, гдѣ гостѣ сидѣли, и, поставя по средѣ горницѣ, при-

казалъ замокъ отломать, а какъ отломали, то ево дочъ оттуда поднялась и встала. Боже мой! какой былъ тогда смѣхъ бывшимъ у него гостямъ и тѣмъ, кои принесли сундукъ отъ лавки. Къ тому-же еще и людей собралось не мало.

Отъ великаго стыда и жалю подхватилъ онъ ножъ и хотѣлъ ее того-жъ часу заколоть; однако до тово былъ не допущенъ людми, билъ толко оную своеручно весма, а она говорила, что я де желаю за него пойтить въ замужество, да вы, батюшка, не отдаете. Потомъ, дней черезъ три, явился оной сидѣлецъ и какъ былъ онъ волной, то не могъ ему дѣлать нѣчего, толко ращитался съ нимъ и сослалъ ево съ двора.

Въ томъ-же 1777 году умре теща моя, которая заболѣла августа въ 6 день, а умре декабря въ 26 день-же.

Въ 1778 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ перестроилъ на мелници ступной анбаръ, которой прежде того годъ цѣлой былъ въ опустѣніи за недостатками. Въ томъ-же 1778 году октября въ 7 денъ родилась дочъ Екатерина после великой бывшей въ жены моей перво горячки, потомъ вседневной лихорадки, которая и после рожденія дочери также была вседневна; черезъ нѣсколко времени и опухоль болшая по ногамъ съ внутренною болѣзнію.

1779 года іюня 16-го заложена каменная во имя Николая церковъ.

Въ семъ-же 1779 году августа во 2-й день за прогнѣваніе Бога нашими великими грѣхами въ наказаніе послалъ превеликую саранчу, коя пришла 2-го числа августа предъ вечеромъ и ночевала на слоновскомъ полѣ, на горѣ, прозываемой Луцкой, а болѣе на лѣсу луцкомъ-же, а 3-го числа въ полдень, послѣ отправленія литіи, поднялась и перешлз верстъ 10, сѣла на слоновскомъ и михайловскомъ полѣ длиною верстъ на 15, а шириною на 8 верстъ, гдѣ сидѣла двои сутки. За бывшимъ въ то время дождемъ отътоль поднялась августа-жъ 6-го числа и пошла къ Бѣлгороду; толко поврежденія, милостію Божіею, хлѣбу здѣлала весма мало.

Годъ 1780.—Сего году повелѣніемъ великія монархини всероссійской, по изданному учрежденію, открыто намѣстничество курское, а губернія белгородская исъпразнена вѣчно; которое открытіе было въ Курскѣ декабря 27, а въ Новомъ Осколѣ открывано генваря въ 20 день присланнымъ отъ намѣстничества полковникомъ,

Михаиломъ Львовичемъ Нечаевымъ, гдѣ при происхожденіи всей церемоніи былъ и я, и самовидецъ всему тому происходящему дѣлу, по высочайшему повеленію учрежденному.

Въ семъ-же 1780 году, въ послѣднихъ числѣхъ, совѣтомъ опредѣленныхъ въ ново-осколской нижній земской судъ капитана исправника Тинкова и засѣдателей, вздумалъ опредѣлиться въ должность исправленія приказныхъ дѣлъ, для чего со взятымъ отъ онаго земскаго суда репортомъ и отправился въ Курскъ. По приездѣ куда, по отпѣніи сперва чудотворной иконѣ Матери Божией, явился къ правителю намѣстничества, господину генералъ-поручику Петру Семеновичу Свистунову, отъ котораго принятъ былъ весма ласкаво и въ тотъ-же день положенною резолюціею опредѣленъ въ исправъленіе въ ново-осколскомъ нижнемъ земскомъ судѣ секретарской должности. А о произведеніи въ секретари меня въ 13-й день отъ курскаго намѣстничества представлено бывшему тогда въ должности государева намѣстника, графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, и со взятымъ указомъ отъправился въ Новой Осколъ къ своей должности, гдѣ, по приводѣ къ присяги, исправлялъ оную добропорядочно 1781 года марта по 25 число, со взятьемъ полнаго секретарского жалованья.

Но когда премудрый и неизслѣдимый въ судбахъ Богъ восхотѣлъ праведно за превеликіе грѣхи и беззаконія наказать, да всякъ возносяйся смирится, то послалъ начало наказанію претруднѣйшимъ рожденіемъ перваго сына жены, которая, по троесуточномъ рожденіи онаго нежива, сама едва отъ смерти свободилась, пробывъ болною генваря отъ 16 1781 года до половины февраля того-жъ года.

Но, увы, горе чуть толко проходить стало, слѣдуетъ еще лютѣйшее: посланное представленіе къ намѣстнику пропало и чина секретарскаго не получилъ, а человѣкъ-врагъ, завидячи добру, вознесъ дѣло уголовное, о коемъ было представлено въ палату уголовныхъ дѣлъ, а отъ оной сообщено было въ намѣстническое правленіе, а изъ онаго велѣно указомъ немедленно и за карауломъ отправить меня для изслѣдованія въ корочинской уездной судъ, куда немедленно и отправился марта въ 25-й день, написавъ отъ великой жалости сердца своеручно и репортъ.

А какъ прибылъ въ Корочу 26-го, то, явясь въ уѣздной судъ, увидѣлъ всѣхъ рыкающихъ и поглотити хотящихъ; вспрашиванъ объ

ономъ дѣлѣ былъ со строгостію и увѣщаніемъ, где что Промыслъ Вышняго низпосылалъ въ умъ не бывшему никогда въ такихъ важныхъ дѣлахъ, то и отвѣтствовалъ, положа всю надежду и упование на Бога и угодника его, святителя Николая. Однако не приняты были отвѣты, ни прозбы, ни другихъ рекомендаціи: взятъ того-жъ марта въ 26-й день въ 1-мъ часу пополудни и посаженъ подъ жестокой караулъ, въ бывшую прежде открытія войсковую ратушу, которая по открытіи была уже уничтожена, а толко производились въ ней словесныя разбирателства.

Въ то время содержались въ оной два родные братья Александръ и Николай Леонтьевы Станищевы по одному тяжебному дѣлу, которые, после окончания ихъ суда, сосланы въ сибирской баталионъ до вислуги офицерскихъ чиновъ, а данныя имъ прежде чины подпоручичьи сняты. Какія тамъ были горести и печали, можетъ разсудить всякъ: стыдъ отъ всѣхъ знаемыхъ и родственниковъ, которые имѣютъ жителство въ Корочѣ, поношенія отъ навѣтующихъ враговъ и хотящихъ довесть до самобезчестиѣйшаго осужденія. Но что дѣлаю я, Иванъ? Укрѣплясь помощію силнаго Владыки, не показалъ себе ни одного мгновенія печална, двоихъ ради нуждъ: первое—дабы печалію не повредить здравія своего и домашнимъ своимъ не навесть болше грусти, а паче матери и женѣ, второе—чтобъ не подать болше способа къ радости врагамъ, которые, видя всегда весела, неоднократно присылали выпитывать той веселости причину, на что отвѣтъ всегда былъ одинъ, что, не имѣющему причины быть виновату, за правду умереть всегда готовъ. Отъ чего стали и умягчаться сердца, и велѣно было допущать ко мнѣ всякихъ людей, тако-жъ мать и жену, когда бывало приѣдутъ отъ жалости посѣтить (а прежде то было запрещено). Потомъ давали свободу ходить по городу, хотя и за карауломъ. Наконецъ, видя неблагополучной успѣхъ злаго своего умысла и не робость человѣка, на коего напали безвинно, переворотя разными хитрыми способы дѣло, производимое въ короченскомъ уѣздномъ судѣ, рѣшились отпустить, до ревизіи дѣла, на поруки въ домъ, что и совершили въ 24 день іюня. Былъ содержанъ отъ 26 марта по 24 іюня 1781 года, то есть мало не три мѣсяцѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Т. Шевченко. Гайдамаки. Изданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластёномъ. Спб. 1886.

Ни одно изъ произведеній Шевченка не отличается такимъ драматизмомъ и живописностью, какъ кровавая эпопея «Гайдамакъ». Сцены народной мести, истязанія титаря, любовь Оксаны и Галайды, походные бивуаки гайдамакъ, пылающіе, разоряемые города, ужасная, хотя и фантастическая, расправа Гонты съ дѣтьми,—все это такіе моменты, которые сами просятся подъ кисть, манятъ къ работѣ художника. Но попытки иллюстрировать поэму не было до сихъ поръ. Трудъ молодого художника А. Г. Сластёна является какъ первымъ опытомъ иллюстраціи цѣлаго произведенія Шевченка, такъ и чуть-ли не первой серіей рисунковъ на тему изъ исторіи Украйны.

Возникшая непосредственно изъ народныхъ преданій, поэма Шевченка носитъ отпечатокъ тѣхъ чертъ, какія придаетъ всегда народъ своимъ воспоминаніямъ о прошломъ. Она не подчинена документальной точности, произвольно группируетъ факты, обобщаетъ даты, но съ болью и съ неостывшимъ еще трепетомъ передаетъ настроеніе историческаго момента, вводитъ въ центръ минувшей были. Она рисуетъ этотъ кровавый эпизодъ, какъ вспышку отчаянія, со всѣми крайностями и ужасами, до которыхъ доводитъ народъ періодъ долгаго гнета. Герой

поэмы—народъ, его страданія, озлобленіе и месть. Тутъ нѣтъ проповѣди племенной вражды, а напротивъ часто и открыто высказанная скорбь объ отсутствіи любви и правды въ человѣческихъ отношеніяхъ, о томъ угнетеніи, которое вызвали въ прошломъ эту кровавую расправу.

Яркіе образы этого грознаго прошлаго и даетъ поэтъ въ своемъ разсказѣ, непосредственномъ, какъ народное преданіе, и въ основѣ своей такомъ-же правдивомъ. Картины и лица смѣняются и проходятъ вереницей. Художнику остается только идти вслѣдъ за поэтомъ.

Знаютъ ли, однако, какъ трудно идти по неизвѣданнымъ путямъ? какъ трудно угадывать элементы того, что еще почти не тронуто, не разработано? А Украйны, съ ея природой, поэзіей, исторіей почти не коснулось еще искуство живописи. Чтобъ установить точку зрѣнія на попытки въ родѣ альбома г. Састёна, посмотримъ бѣгло, что сдѣлано по части Малороссіи художниками, какъ уроженцами этого края, такъ и другими.

Первые художники—малороссы: Лосенко, Боровиковскій, Левицкій въ своей дѣятельности не касались родины; но въ нихъ отразились типическія черты племени; служа искусству въ общихъ сферахъ, они запечатлѣли свой трудъ геніемъ произведшаго ихъ народа. Вдумчивость, «психологичность», высшая простота портретовъ Боровиковскаго, реалистическая поэзія его религіозныхъ картинъ, изящество и грація Левицкаго,—все это черты расы, аналогичныя и въ народной поэзіи, и въ народномъ характерѣ... Тридцатые и сороковые годы на художниковъ-украинцевъ были неурожайны. Талантовъ видныхъ не было, а второстепенные работники шли по чужимъ путямъ и по избитымъ дорогамъ. Лапченко, Мокрицкій и другіе не могли оставить слѣда въ искусствѣ. Жизнь Шевченка,—таланта и въ живописи очень самобытнаго,—сложилась слишкомъ неблагопріятно для занятій этимъ искусствомъ. Если въ десятилѣтней ссылкѣ ему удавалось иногда писать, то рисовать онъ могъ только тайкомъ маленькіе рисунки для продажи, а о серьезной работѣ, о совершенствованіи нечего было и думать. Около этого времени и немного позже явилось нѣсколько художниковъ не уроженцевъ Малороссіи, но полюбившихъ этотъ край и изобразившихъ его образы съ такой поэзіей и правдивостью, какія не были превзойдены до сихъ поръ. Это были Штернбергъ, Соколовъ и Л. Жемчужниковъ. Интимнѣе и ближе Малороссія не была передана на полотнѣ до сихъ поръ, какъ въ «Освященіи пасокъ», въ «Проводахъ рекрутовъ», въ «Покинутой». То, что мы видѣ-

ли потомъ на выставкахъ послѣднихъ лѣтъ, работы Маковскихъ, Клодта, Орловскаго,—были фотографіи, хорошо иногда нарисованныя, но совершенно лишенныя души. Исключеніями были только два пейзажа Куинджи, съ его тонкимъ чувствомъ природы, и «Вечерницы» Рѣпина. Съ своимъ громаднымъ талантомъ, г. Рѣпинъ, нашъ землякъ, схватилъ, хотя и мимоходомъ, живыя, типичныя черты и лица изъ народной толпы. Къ несчастью высоко-даровитый художникъ остановился на этомъ одномъ произведеніи и больше не касался Украйны. Слухи о его большой картинѣ «Отвѣтъ запорожцевъ султану», обѣщавшей богатую и яркую иллюстрацію сѣчевой эпопеи, въ послѣдне время затихли. Кажется, художникъ оставилъ, временно по крайней мѣрѣ, эту работу. Въ суммѣ этого обзора получается слѣдующее: ни одинъ изъ художниковъ малороссовъ не посвятилъ своего таланта всецѣло своей родинѣ. По части малорусскаго пейзажа мы имѣемъ очень мало, значительныхъ бытовыхъ картинъ—менѣе десятка и ни одной исторической картины.

Переходя отъ высшихъ сферъ искусства къ второстепеннымъ, вспомнимъ иллюстраціи и рисунки. Время отъ времени они мелькаютъ въ періодическихъ изданіяхъ; но много ли можно припомнить значительнаго и оригинальнаго? Оставляя въ сторонѣ два раза возникавшую «Живописную Украину», что выдалось еще самостоятельной свѣжестью? Опять таки старые рисунки Шевченка, эффектные иногда наброски Микѣшина, мелькнувшіе гдѣ то народные типы Мартыновича, два-три наброска Трутовскаго. Сдѣлано ли что по части разработки элементовъ народнаго искусства? Изданные въ немаломъ количествѣ рисунки орнамента, вышивокъ собраны безъ вкуса, случайно, старинное, типичное, изящное упущено въ нихъ. А гдѣ альбомы историческихъ памятниковъ и мѣстностей, рисунки старыхъ костюмовъ, утвари, гдѣ воспроизведенія виньетокъ и орнаментовъ изъ старыхъ книгъ и рукописей, старинныхъ иконостасовъ, рѣзьбы, рисунковъ тканей, одеждъ, всѣхъ этихъ многочисленныхъ предметовъ, отъ большого до малого, до какой нибудь писанки, въ которыхъ выражается народный вкусъ, изобрѣтательность и оригинальность? Ихъ нѣтъ! По части большихъ илюстрированныхъ альбомовъ единственная попытка сдѣлана была, кажется, Голяшкинымъ, въ изданіи рисунковъ къ малороссійскимъ повѣстямъ Гоголя. Но это роскошное изданіе прекратилось на первыхъ выпускахъ.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ полная заброшенность малорусской художественной нивы. Въ попыткѣ иллюстрировать историческую украинскую поэму г. Сластёнъ является чуть-ли не піонеромъ. Тѣмъ почтеннѣе его предпріятіе, изъ котораго онъ выходитъ съ честью. Не всѣ его иллюстраціи—14 большихъ и 35 малыхъ,—одинаковаго достоинства,

но во многихъ изъ нихъ онъ даетъ живой образъ народной жизни прошлаго вѣка и чутко схватываетъ моменты грозной поэмы. Лучшія изъ большихъ композицій слѣдующія: поэтическое видѣнье гайдамаковъ (въ прологѣ), заутреня въ мотренинскомъ монастырѣ, съ колѣнопреклоненнымъ народомъ и благословляющимъ на бой духовенствомъ, посвященіе Яремы въ число борцевъ за родину, съ характерными фигурами воиновъ и писаря, остановка Галайды близъ Ольшаны (онъ разспрашиваетъ встрѣчнаго хлопца о судьбѣ титаря). Изъ маленькихъ рисунковъ можно отмѣтить: польскій сеймъ, два рисунка корчмы (сцена жида съ Яремой и пріѣздъ конфедератовъ), истязанія титаря, Ярема идетъ берегомъ Днѣпра, разоренная корчма, Лебединскій монастырь, Гонта несетъ погребать сыновей и виньетка къ эпилогу. Виды мѣстностей, кажется, сняты съ натуры. Въ нѣкоторыхъ рисункахъ хотѣлось-бы больше простоты. Художнику слѣдуетъ ближе держаться современныхъ народныхъ типовъ и обстановки. Все это, конечно, измѣнилось за сто лѣтъ, но въ основѣ осталось тѣмъ же. Та же хата даетъ пріютъ нашему крестьянину, звучитъ въ ней та-же самая пѣсня. Въ лучшихъ композиціяхъ хорошо схваченъ колоритъ эпохи. Смотря, на примѣръ, на первый большой рисунокъ,— гайдамакъ, выступающихъ изъ-за поворота дороги на берегу Днѣпра, невольно вспоминаются сохраненные въ печати разсказы очевидцевъ. Не совершенно ли тоже впечатлѣніе производитъ хоть это описаніе гайдамакъ, которое оставилъ намъ одинъ старосвѣтскій разсказчикъ[1]): «Попереду ӥде отаманъ на буланимъ кони, у кармазыни. Шапка на ёму сива, чоботы сапьянци, поясъ шалевий; за поясомъ пистоли, при боку шабля. Ото-жъ бувъ самъ Максимъ Зализнякъ. Не старый ище чоловикъ, литъ, може, сорока, а може й бильшъ; на виду повный, кругловидый, уродою хорошій, на взростъ невеличкій, та плечистый. Усы русяви, невелички, за ухомъ оселедець. А за нимъ усе по два, усе по два, зъ ратищами, и у переднихъ паръ, може у трехъ, ратища зъ короговами двойчатыми, такъ що оце половина буде била, а половина красна, а знову половина жовта, а половина чорна, або синя. А по самому заду иде чоловикъ зъ десятокъ пишо, безъ ратищъ и безъ усёго, а тильки колки позасмалювали та й идуть. То вже винники, то що, що поприставали до гайдамакъ»....

Очень желалось-бы, чтобъ попытка г. Сластёна не осталаль единоличной. Молодые художники наши выиграютъ во всѣхъ отношеніяхъ, отдаваясь непосредственнымъ наблюденіямъ и не приковывая

---

[1]) „Записки о южной Руси". Т. I. стр. 252.

себя къ тому обличительно-анекдотическому направленію, которое приняла у насъ современная живопись. Пусть изучаютъ они край и народъ, и все остальное приложится. Какой матеріалъ можетъ дать имъ одно народное творчество—сказки, думы! А сколько еще темъ для иллюстрацій въ твореніяхъ Шевченка, Котляревскаго и величайшаго изъ великихъ Гоголя!

Изучая внимательно народную среду, проникаясь ея характеромъ, духомъ, даровитый художникъ можетъ живо воспроизвесть прошедшее. Творческія силы народа тѣ-же прежнія, измѣнившія только, можетъ быть, внѣшнюю оболочку. Прошлое дѣйствительно во многомъ изглажено у насъ временемъ и новыми вліяніями, памятниковъ его немного; но давно и справедливо сказано, что самъ народъ есть лучшій памятникъ своей прошлой жизни.

В. Г—ко.

Виленскій календарь на 1886 г. Вильна 1885 г.

Начатое съ 1884 г. настоящею редакціею изданіе Виленскаго календаря ведется по хорошо обдуманному плану, съ яснымъ пониманіемъ задачъ мѣстнаго изданія этого рода и умѣлымъ выполненіемъ ихъ. Не остановимся на обыкновенныхъ календарныхъ частяхъ изданія и отдѣлахъ разнаго рода практическихъ свѣденій, подобранныхъ для календаря на 1886 г. не менѣе удачно, какъ и для календарей двухъ предъидущихъ годовъ, отмѣтимъ лишь тѣ особые отдѣлы и статьи, помѣщенные въ Виленскомъ календарѣ, которые назначаются для чтенія. Такъ довольно обширный „первый отдѣлъ", составляя продолженіе такихъ отдѣловъ въ календаряхъ 1884 и 1885 г.г., содержитъ въ порядкѣ мѣсяцевъ и дней краткія свѣдѣнія о жизни болѣе чествуемыхъ угодниковъ Божіихъ и вообще о тѣхъ дняхъ, которые обозначены въ святцахъ полупраздничнымъ знакомъ и крестикомъ. Полезный для священниковъ, причтовъ, учителей народныхъ и церковно-приходскихъ школъ, отдѣлъ этотъ можетъ найти читателей и вообще среди любителей назидательнаго, церковно-историческаго чтенія. Составитель отдѣла священникъ Г. Б-нъ довольно съумѣлъ выдержать простоту изложенія,-необходимое качество при изложеніи подобнаго предмета. Затѣмъ интересный отдѣлъ въ календарѣ составляетъ „Дневникъ на 1885 г." Въ порядкѣ мѣсяцевъ и чиселъ „Дневникъ" отмѣчаетъ важнѣйшія распоряженія и узаконенія правительства за минувшій годъ, касающіяся тѣхъ или другихъ сторонъ въ общественной и экономической жизни края, такія-

же распоряженія мѣстной высшей администраціи, также событія общаго и мѣстнаго интереса, происходившія въ минувшемъ году, разныя перемѣны въ составѣ и положеніи лицъ служившихъ или служащихъ въ краѣ, выдающіяся черты дѣятельности ихъ, а также болѣе замѣчательныя явленія въ судьбѣ и бытѣ мѣстныхъ учрежденій, въ томъ числѣ учебныхъ заведеній. „Дневникъ" даетъ возможность жителю края обнять теченіе жизни его за весь прожитый годъ, подвести итоги прожитому, служащіе обыкновенно опорою надеждъ. Вообще на Дневникѣ Виленскаго календаря достаточно видѣнъ живой интересъ подобнаго отдѣла календарныхъ изданій.

Слѣдующая затѣмъ собственно историческая статья, „Бракъ Ягелла съ Ядвигой," составлена главнымъ образомъ по извѣстному сочиненію Шайнохи „Ядвига и Ягелло." Вліяніе историко-поэтическаго очерка Шайнохи выгодно отразилось на отдѣлкѣ этой статьи ея составителемъ. Стараясь остаться независимымъ отъ польскаго писателя въ томъ, что привносилось у послѣдняго собственно польскою или позднѣйшего польско-литовскою точкою зрѣнія, авторъ статьи обращался за пособіями для болѣе вѣрнаго освѣщенія начальной исторіи Литвы, политической и религіозной, къ русскимъ историкамъ: Карамзину, Соловьеву, Костомарову. Недостаткомъ провѣрки извѣстій по источникамъ объясняется повтореніе въ статьѣ извѣстій сомнительныхъ, какъ напр. извѣстіе о томъ, будто Довмоитъ, литовскій князь, потомъ извѣстный герой псковскій, патріотъ православно-русскій, былъ сыномъ Миндовга и братомъ Войшелга. Несвободна отъ неясностей и слѣдующая, впрочемъ хорошая, статья, подъ заглавіемъ: „Обращеніе Литвы въ католическую вѣру." На основаніи Шайнохи, говорится напр. *о сильномъ распространеніи манихейской ереси въ Литвѣ* при Ягеллѣ до крещенія имъ послѣдней. Можно было и не повторять сбивчивыхъ и ничего не уясняющихъ представленій Шайнохи объ этомъ предметѣ. Еще: авторъ упоминаетъ о руской церкви и русскомъ монастырѣ въ Вильнѣ до крещенія языческой части ея Ягелломъ въ католическую вѣру. Если уже упоминать объ этомъ, то въ пору было-бы сказать точнѣе.

Краткая статья: *русскій воевода и русскій герой XVI вѣка* (разумѣется князь Данило Мышецкій,. оставленный воеводой въ Вильнѣ по занятіи ея Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1655 г.) читается съ интересомъ

Затѣмъ въ календарѣ слѣдуетъ рядъ очерковъ, относящихся къ современной исторіи Вильны и края. Таковъ прежде всего очеркъ: *Іосифъ митрополитъ литовскій, какъ поборникъ русскихъ интересовъ въ сѣверо-западномъ краѣ.* Черты высокой и свѣтлой личности знаменитаго возстановителя православія и перваго обрусителя края изображены въ

очеркѣ живо и отчетливо, еще разъ напоминая, насколько духъ, характеръ и образъ дѣйствій его способны внушать сознаніе необходимости дѣйствовать въ томъ-же духѣ, примѣняясь къ возникающимъ новымъ условіямъ времени. Вильна счастлива была и преемниками архипастыря Іосифа, каковы архипастыри Макарій Булгаковъ и Александръ Добрынинъ, скончавшійся 28 апр. прошлаго года. Помѣщенные въ календарѣ „краткія біографическія свѣденія о почившемъ архипастырѣ Александрѣ" на первое время достаточно удовлетворяютъ потребности напоминанія о симпатичныхъ и назидательныхъ чертахъ почившаго архипастыря, которыя, будучи достояніемъ его природы и собственнаго духовнаго развитія, слагались такъ же подъ несомнѣннымъ вліяніемъ святителя Іосифа, при которомъ покойный довольно долго служилъ въ Вильнѣ, сперва въ должности ректора семинаріи, потомъ въ санѣ епископа ковенскаго, викарія литовской митрополіи. Затѣмъ въ календарѣ помѣщено еще десять некрологовъ за минувшій 1885 г. Это некрологи лицъ разнаго званія и положенія общественнаго, проходившихъ свое служеніе въ Вильнѣ и другихъ мѣстностяхъ сѣверо-западнаго края, замѣчательныхъ по важности ли своего служенія или по особеннымъ характеристическимъ чертамъ своей частной или общественной дѣятельности на пользу края и самой своей жизненной судьбы. На личной исторіи и судьбѣ этихъ достопамятныхъ людей и дѣятелей своего времени во многомъ отражается и исторія края съ разными перемѣнами и превратности въ направленіи общественныхъ дѣлъ, управленіи краемъ и т. под. Въ виду живого интереса такихъ біографическихъ очерковъ, хотя и въ тѣсной рамкѣ некролога, желательно, чтобы какъ въ Виленскомъ, такъ и въ другихъ мѣстныхъ календаряхъ, подобные очерки помѣщались даже въ большемъ количествѣ. Это зачаточный матеріалъ для живой лѣтописи всего края, лѣтописи во многомъ поучительной.

И. Малышевскій.

Харьковскій календарь на 1886 годъ. Годъ XIV. Съ видомъ г. Харькова въ началѣ XIX ст. Ц. 1 р. Изд. Губ. Стат. Комитета, подъ ред. П. С. Ефименка.

И Харьковскій календарь, какъ и только что разсмотрѣнный календарь Виленскій, представляетъ собою не спекулятивное изданіе, но столь-же солидный и почтенный трудъ, имѣющій цѣлію освѣтить мѣстную жизнь въ ея настоящемъ и прошломъ, по мимо сообщенія необходимыхъ для каждаго общекалендарныхъ справочныхъ свѣдѣній. При весьма низкой цѣнѣ, харьковскій календарь по объему едва-ли не пре-

восходитъ общероссійскіе календари Гоппе и Суворина. Нельзя при томъ не замѣтить, что харьковскій календарь, выражаясь фигурально, съ каждымъ годомъ все больше тучнѣетъ; но только тукъ его не негодное отложеніе въ здоровомъ организмѣ, а продуктъ нормальнаго роста и разумнаго питанія...

Не штука сшить книжку въ 40 печатныхъ листовъ, состоящую изъ всероссійскихъ и даже всеевропейскихъ общихъ свѣдѣній, фразъ и цифръ; но не легко наполнить столько-же листовъ живымъ мѣстнымъ матеріаломъ, взятымъ изъ дѣйствительной жизни и отображающимъ эту жизнь.

Не касаясь справочнаго общекалендарнаго отдѣла, который въ харьковскомъ календарѣ. далеко не бѣденъ мѣстнымъ статистическаго характера матеріаломъ, остановимся на его историко-статистическихъ статьяхъ, наполняющихъ 185 стр. отдѣла «литературно-научнаго».

Здѣсь на первомъ мѣстѣ библіографическій очеркъ г. Багалѣя: «Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіяся къ исторіи харьковской губерніи (бывшей Слободской Украйны), съ 1880 по 1885 годъ». Въ очеркѣ разсмотрѣны 28 сочиненій, изъ нихъ 9 книгъ и 19-ть журнальныхъ статей; изъ послѣднихъ 6 взяты изъ «Кіевской Старины», 7 изъ Харьков. календаря за 1884 и 85 гг., остальныя изъ журналовъ «Древния и Новая Россія», «Миръ» и изъ газеты «Южный Край». Почти о всѣхъ книгахъ, упоминаемыхъ въ очеркѣ, въ нашемъ журналѣ помѣщены были въ свое время рецензіи. Авторъ не совсѣмъ точно называетъ свои замѣтки подведеніемъ итоговъ «всему сдѣланному» по исторіи харьковской губерніи въ отмѣченные годы. Онъ, очевидно, не пересмотрѣлъ «Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей» сосѣднихъ губерній за послѣдніе годы, а тамъ вѣроятно нашлось-бы по интересующему его вопросу не мало замѣтокъ, не уступающихъ, можетъ быть, по цѣнности выписаннымъ въ его очеркѣ[1]. Можно надѣяться, что полнѣе и интереснѣе названнаго очерка будетъ печатающійся уже (по сообщенію редакціи календаря) библіографическій трудъ г. Устинова, надъ которымъ онъ долго работалъ, будучи редакторомъ Хар. Губ. Вѣдомостей, и который закончилъ въ Петербургѣ, въ импер. публ. библіотекѣ. Заглавіе книги слѣдующее: „Описательные труды, матеріалы и источники, касающіеся исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и статистики Слободской Украйны, харьковскаго намѣстничества, слободско-украинской и нынѣшней харьковской губерніи (1705—1880 гг.).“

---

[1]) Укажемъ для примѣра, что въ „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1881 г., № 21 помѣщена статья: „Аполлосъ Терешкевичъ, слободско-украинскій епископъ“.

Библіографическіе указатели и обзоры—дѣло времени: чѣмъ дольше и кропотливѣе собирается матеріалъ, тѣмъ цѣннѣе выйдетъ сборникъ. Иное дѣло—обработанныя историческія статьи, въ нихъ скажется ловкость, талантъ, эрудиція автора. Въ разсатриваемомъ отдѣлѣ харьковскаго календаря есть двѣ повѣстовательныя статьи: Основаніе города Харькова», Д. И. Багалѣя и «Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія» г. Устинова. На сколько первая отличается живостью и легкостью изложенія, на столько вторая безжизненна и тяжела. Правда, онѣ разнятся нѣсколько по характеру (первая въ повѣствовательномъ, вторая въ описательномъ родѣ); тѣмъ не менѣе для всякой статьи обязательна систематичность, а ея то и не достаетъ въ статьѣ г. Устинова; кромѣ того, онъ написалъ свой очеркъ такимъ языкомъ, что на каждомъ шагу спотыкаешься и размышляешь: что хотѣлъ тутъ сказать авторъ? А между тѣмъ предметъ статьи весьма интересенъ: кого въ самомъ дѣлѣ изъ читателей, особенно мѣстныхъ, знающихъ нынѣшній Харьковъ, не подкупитъ желаніе поднять завѣсу и взглянуть, каковъ былъ городъ 80 лѣтъ назадъ? Но авторъ такъ неумѣло разсказываетъ объ этомъ, что гораздо любопытнѣе читать приводимыя имъ выдержки изъ разныхъ архивныхъ дѣлъ, чѣмъ его собственное повѣствованіе.—Г. Багалѣю, работавшему въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, удалось открыть нѣсколько документовъ, гораздо ближе объясняющихъ основаніе Харькова, чѣмъ существовавшія доселѣ мнѣнія по этому предмету. Такъ прежде, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, изслѣдователи мѣстной старины удовлетворялись преданіями, будто Харьковъ въ началѣ XVII вѣка возникъ изъ хутора, основаннаго какимъ-то Харькомъ, по имени котораго и назвался городъ, какъ Кіевъ по имени Кія. Фамильное преданіе Квитокъ гласило, что основателемъ Харькова былъ польскій выходецъ Андрей Квитка, осѣвшій на мѣстѣ нынѣшняго харьковскаго предмѣстья Основы. Г. Багалѣй разъясняетъ всю неосновательность подобныхъ преданій и затѣмъ пытается установить факты, что во 1-хъ «въ Харьковъ явилась сразу *значительная партія черкасъ, а не одинъ поселенецъ, какъ говорятъ преданія*», во 2-хъ что Харьковъ возникъ на старомъ городищѣ, составившемъ будущій кремль города, и въ 3-хъ что, говоря о времени появленія города, можно только съ достовѣрностью утверждать, что въ 1656 году харьковское городище было застроено «черкасскими», т. е. малороссійскими дворами. Послѣднее явствуетъ изъ отписки въ Москву перваго харьковскаго воеводы Селифонтова, принявшаго подъ свое начальство новый городокъ отъ чугуевскаго воеводы. Въ концѣ очерка г. Багалѣй приводитъ гипотезу покойнаго Аристова о томъ, будто нынѣшній Харьковъ основанъ на

мѣстѣ древняго половецкаго города Шаруханя, и не соглашаясь съ ней въ виду не сходства географическихъ указаній лѣтописнаго разсказа, упоминающаго объ этомъ городѣ, съ мѣстомъ расположенія нынѣшняго Харькова, склоняется къ мнѣнію г. Голубовскаго (въ его книгѣ: «Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ»), состоящему въ томъ, что нынѣшняя харьковская губернія была боевою границею *русской* земли съ кочевьями инородцевъ и потому городище, на которомъ впервые осѣли предки харьковцевъ, было *русскимъ* городищемъ, а не *половецкимъ*.

Изъ другихъ статей литературно-научнаго отдѣла календаря заслуживаетъ вниманія прежде всего прекрасный историко-статистическій очеркъ г. Твердохлѣбова: «Городъ Ахтырка». Систематичность описанія, умѣлый подборъ статистическихъ даниыхъ, отсутствіе излишняго цифроваго балласта, дѣлаютъ очеркъ г. Твердохлѣбова въ высшей степени занимательнымъ. Передъ читателемъ просто выростаетъ богоспасаемый градъ со всѣми его аттрибутами. Очень интересенъ также статистическій набросокъ о сельскихъ училищахъ въ харьковской губерніи.

Въ нынѣшнемъ году въ календарѣ продолжается перечень «замѣчательнѣйшихъ уроженцевъ и дѣятелей харьковской губерніи». Всѣ 16 маленькихъ біографій принадлежатъ скромнымъ дѣятелямъ, изъ которыхъ большинство подвизалось на поприщѣ науки. Въ отдѣлѣ «мелочей» есть нѣсколько документовъ изъ недавняго (сравнительно) прошлаго города Харькова, а также «мѣстныя литературно-научныя новости». Въ числѣ послѣднихъ сообщается, между прочимъ, о слѣдующихъ ученыхъ и литературныхъ работахъ, имѣющихъ скоро появиться: Степная окрайна московскаго государства въ XVI и XVII ст. (очерки изъ исторіи колонизаціи и быта), *Д. И. Багалѣя*; 2) Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украйны, до учрежденія въ Харьковѣ университета, проф. *А. С. Лебедева;* 3) Малороссійскій литературный сборникъ «Складка», изъ стиховъ и разсказовъ гг. *Щеголева*, *Александрова*, *Бѣлиловскаго*, *Мырнаго*, *Ганны Барвинокъ и др.* (сборникъ составленъ и отправленъ въ цензуру); 4) Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, т. 2-й, проф. *А. А. Потебни;* 5) Обзоръ поэтическихъ мотивовъ, колядокъ и щедривокъ, *его-же*.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что къ календарю приложена картина, изображающая видъ г. Харькова въ началѣ нынѣшняго столѣтія и принадлежащая кисти мѣстнаго живописца Петра Степановича Стогія, по прозванію «Хвыли», до страсти любившаго рисовать пейзажи. Стогій (ум. 1827 г.), по приведеннымъ въ календарѣ преданіямъ о немъ, представлялъ типъ страстнаго, увлекающагося художника-самоучки, безвременно погибшаго въ средѣ, неблагопріятной для развитія таланта.

Ѳ. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ВОСПОМИНАНІЯ Г-жи СМИРНОВОЙ О ГОГОЛѢ.

Конецъ прошлаго года въ литературной жизни Франціи ознаменовался явленіемъ почти небывалымъ для этой страны, гдѣ такъ исключительно сосредоточивается вниманіе на своемъ, національномъ. Мы говоримъ о громадномъ успѣхѣ, выпавшемъ на долю переводовъ русскихъ писателей—Л. Толстаго и Достоевскаго. Отъ современниковъ естественно было обратиться къ тому, кого единогласно признаютъ своимъ отцомъ и учителемъ величайшіе изъ дѣятелей русской литературы, къ творцу реальнаго романа—Гоголю. Одновременно появилось о немъ нѣсколько статей. Издательская фирма Ашета выдала новое (третье по счету) изданіе «Мертвыхъ душъ», въ переводѣ Шарьера. Къ сожалѣнію переводчикъ къ бочкѣ меду прибавилъ ложку дегтю и, потакая страсти французскихъ читателей къ благополучнымъ «развязкамъ», прибавилъ къ гоголевскому тексту книжонку Ващенка-Захарченка, пытавшагося *окончить* «Мертвыя души». Какъ-бы то нибыло, съ прибавкою старыхъ переводовъ Віардо и Мериме, въ рукахъ французскихъ читателей имѣются теперь всѣ главнѣйшія сочиненія Гоголя. Изъ статей о немъ первое мѣсто занимаетъ очеркъ Де-Вогюе, критика обратившаго на себя общее вниманіе и главнаго пропагандиста во Франціи русской литературы. Съ этимъ замѣчательнымъ этюдомъ мы надѣемся познакомить читателей «Кіевской Старины». Двѣ-три статьи меньшаго значенія, трактующія о Гоголѣ, не свободны отъ фактическихъ оши-

бокъ и отъ ложнаго освѣщенія въ оцѣнкѣ его направленія и характера. Таковы страницы посвященныя ему въ книгѣ Дюпюи «Les grands maîtres de la litterature russe» и нѣкоторыя журнальныя замѣтки. Противъ этихъ промаховъ и погрѣшностей возстала г-жа Ольга Смирнова, одна изъ русскихъ писательницъ, пишущихъ по французски. Въ предпослѣдней книгѣ парижской «Nouvelle Revue», въ статьѣ «Etudes et Souvenirs», она полемизируетъ противъ той квалификаціи мистика, которую хотятъ присвоить Гоголю, и противъ опредѣленія послѣдняго періода его жизни, какъ періода чуть ли не сумашествія. Эти близорукіе взгляды перешли къ французскимъ авторамъ изъ Россіи, гдѣ они почти пріобрѣли право гражданства. Г-жа Смирнова, близко знавшая Гоголя, говоритъ наблюденіями и фактами. Какова бы ни была ихъ достовѣрность, но самое противорѣчіе ихъ съ установившейся рутиной свидѣтельствуетъ о томъ, что въ исторіи заката жизни Гоголя нельзя остановиться на приговорѣ толпы и что прилагать банальныя опредѣленія къ душевнымъ мукамъ этого великаго человѣка гораздо легче, чѣчъ стараться уяснить ихъ себѣ.

Пушкина, Гоголя и другихъ выдающихся людей николаевской, эпохи г-жа Смирнова видѣла чисто въ домѣ своей матери А. О. Смирновой, рожденной Россетъ, дочери французскаго эмигранта и одной изъ образованѣйшихъ и умнѣйшихъ женщинъ своего времени. Ея дружбою гордились Лермонтовъ, Жуковскій и Гоголь, на ея судъ отдавали свои произведенія. Это та самая «калужская губернаторша» за знакомство и переписку съ которой громили Гоголя русскіе либеральные критики. Воспоминанія г-жи Смирновой относятся къ молодости, проведенной въ материнскомъ домѣ. Свои возраженія она начинаетъ съ извѣстнаго факта сожженія Гоголемъ своихъ рукописей.

«Задумавъ сжечь связку своихъ бумагъ, въ безсонную ночь, за нѣсколько дней до смерти, Гоголь бросилъ въ огонь большую часть послѣдняго тома своего романа, свои замѣтки о грамматикѣ, ботаникѣ и о первоначальномъ воспитаніи. Еслибъ онъ хотѣлъ сжечь романъ, то сжегъ бы и тѣ наброски, которыя уцѣлѣли отъ уничтоженія и были обнародованы потомъ.

Молодой слуга, ходившій за нимъ, умолялъ его лечь въ постель; больной, дрожа отъ лихорадки, просилъ оставить его и сказалъ:

Спустя немного, Гоголь вскрикнулъ съ ужасомъ, взглянувъ на оставшіяся бумаги: «Боже, что я сдѣлалъ, я хотѣлъ сжечь совсѣмъ не то! Я ошибся, я не то хотѣлъ сжечь!» Онъ прибавилъ: «меня вспомнили бы съ благодарностью за то, что сожжено теперь!» Онъ порылся въ ящикахъ еще и бросилъ въ огонь пачку писемъ. Сдержанный и скрытный, онъ приходилъ въ ужасъ отъ всѣхъ посмертныхъ разглагольствованій и сжигалъ всегда большую часть получаемыхъ писемъ. Желая уничтожить письма, въ агоніи и слабости, онъ сжегъ по ошибкѣ свои рукописи.

Передъ этимъ онъ не ѣлъ ничего нѣсколько дней. Отвращеніе отъ пищи, обычный симптомъ желудочныхъ лихорадокъ, мѣшало ему ѣсть. Какъ только являлась возможность проглотить что нибудь, онъ пилъ воду, слегка окрашенную виномъ, и даже супъ. Нѣкоторыя лица, одушевленныя найлучшими намѣреніями, обратились къ его духовнику и къ московскому митрополиту (думали все, что Гоголь не принимаетъ пищи для умерщвленія тѣла!). Всегда вѣрно судившій о вещахъ Филаретъ, а также и духовникъ дали отвѣтъ полный здраваго смысла: «позовите докторовъ!»

У него было раньше начало желудочной лихорадки, уступившей, по видимому, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ средствъ; онъ вышелъ изъ дому, къ обѣдни, и простудился. Возвращенія болѣзней всегда пагубны, тѣмъ болѣе опасности было въ этомъ случаѣ, такъ какъ злокачественная лихорадка, которую схватилъ Гоголь въ Римѣ, когда проводилъ тамъ однажды все лѣто съ другомъ своимъ, живописцемъ Ивановымъ, сдѣлала его организмъ очень подверженнымъ вліяніямъ смертоносныхъ болѣзней. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ ѣздилъ въ Одессу и вывезъ оттуда перемежающуюся лихорадку, очень его мучившую. Большой лакомка, онъ очень любилъ нѣкоторыя блюда, свои, малороссійскія, и макароны, которыя умѣлъ приготовлять самъ, какъ самый искусный неаполитанецъ. Когда наступали дни пароксизмовъ, онъ ничего не ѣлъ, лечась всегда строжайшей діэтой.

Религіозное или мистическое безуміе было ровно ни при чемъ ни въ его смерти, ни въ исторіи сожженія рукописей. Онъ не былъ окончательно преданъ отчаянію и безнадежности. У него не было маніи уничтоженія своей литературной славы, онъ не былъ фанатикомъ никогда. Истинной виновницей его смерти была медицинская

наука, спасовавшая передъ тифомъ, обнаружившимъ себя у Гоголя какъ физическими, такъ и нравственными проявленіями.

Въ то время употребленіе хинина у насъ почти не было извѣстно. Польскій врачъ Мяновскій ввелъ его въ ходъ между своими кліентами въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ докторомъ High Lif'a. Онъ совѣтовалъ друзьямъ Гоголя попробовать надъ нимъ дѣйствіе этого средства. Но было уже поздно!

Я останавливаюсь дольше на этихъ подробностяхъ, такъ какъ о послѣднихъ дняхъ Гоголя; даже въ Россіи, гдѣ должны бы знать дѣло ближе, много толковали вкривь и вкось. Ходили нелѣпѣйшіе толки, пущенные въ оборотъ, безъ сомнѣнія, съ цѣлью. Я уклонюсь отъ выясненія тѣхъ недостойныхъ мотивовъ, которые руководили вѣстовщиками подобныхъ слуховъ.

Много толковали также когда то о посѣшеніи Гоголемъ Оптиной Пустыни. Онъ ѣздилъ туда изъ Калуги, куда и вернулся опять, къ моимъ роднымъ, полный впечатлѣній и разсказовъ объ этой обители. Его привлекли туда слухи о знаменитомъ монахѣ—ботаникѣ (занимавшемся и медициной), отцѣ Мойсеѣ, о садахъ и питомникахъ котораго ходила молва. Онъ сравнивалъ его съ видѣнными въ Италіи почтенными отшельниками и былъ неистощимъ въ похвалахъ образованнымъ, просвѣщеннымъ монахамъ, отдавшимъ свои знанія и жизнь на служеніе окрестному люду (они лѣчили крестьянъ). Всѣ аскетическія и мистическія крайности отталкивали Гоголя. Онъ допускалъ ихъ возможность, но никогда ихъ не проповѣдывалъ. Онъ во всемъ и прежде всего цѣнилъ простоту и стройность. Его молчаніе принимали за согласіе: онъ просто не переносилъ споровъ. Когда собесѣдники начинали горячиться, онъ, въ противность имъ, дѣлался разсѣяннымъ. Онъ вставалъ, быстро перемѣнялъ разговоръ, открывалъ окно, «чтобъ освѣжить температуру,—такъ слишкомъ горячились», или просилъ кого нибудь поиграть на рояли, «чтобъ возстановить гармонію».

Если изъ его молчанія сдѣлали выводъ. что онъ раздѣляетъ мистическія бредни, то пришли къ заключенію, ничуть на него не похожему. Было бы крайне желательно уничтожить это ложное преданіе, налагающее тѣнь на геніальную натуру: Гоголь былъ далекъ отъ всего посредственнаго, ребяческаго или узкаго въ своихъ взглядахъ на жизнь, на религію, на свое собственное призваніе, на

сущность всего существующаго. Возможно ли, чтобъ дивный художникъ, проводившій цѣлые часы передъ древней статуей или фресками Рафаеля и Микель-Анджело, могъ превратиться вдругъ въ угрюмаго, одержимаго бредомъ аскета? Въ концѣ ноября 1851 года, за три мѣсяца до смерти, онъ съ восторгомъ и волненіемъ разсматривалъ въ домѣ друзей античныя бронзы и гравюры Марка-Антонія. Онъ жадно слушалъ симфоніи Бетховена, увертюру «Донъ-Жуана», фуги Баха и «Реквіемъ» Моцарта. Онъ говорилъ, что скоро поѣдетъ въ Италію, для того только, что-бъ опять увидѣть Ватиканъ, галлерею Уфици и музей Бурбоновъ. Еще разъ хотѣлъ онъ взглянуть въ Парижѣ на Венеру Милосскую. Онъ расчитывалъ посѣтить Лондонъ, что-бъ видѣть хоть передъ смертію мраморы лорда Эльджина и фризъ Партенона. Едва ли въ тоже время онъ могъ обдумывать планъ самоубійства или уничтоженія своего литературнаго наслѣдія.

Еслибъ онъ мечталъ о монастырѣ, то ему надо было-бы найдти такой, гдѣ рисуютъ фрески Фра-Анджелико и Панселинъ, гдѣ артисты играютъ гимны Перголеза и Палестрины. Жизнь молчаливаго и угрюмаго аскета, въ обществѣ невѣжественныхъ монаховъ, не могла никогда привлечь его.

Гоголь охотно слушалъ все, что говорилось передъ нимъ, даже то, что было ему не по душѣ, такъ какъ этимъ способомъ онъ изучалъ людей. Въ то время людей посѣщавшихъ общество духовныхъ особъ считали заклятыми ханжами; съ ними говорили исключительно только о религіозныхъ сюжетахъ. Гоголь, напротивъ, былъ того мнѣнія, что съ лицами изъ духовенства можно бесѣдовать о всѣхъ предметахъ, волнующихъ умы. «Духовенство должно жить одними интересами со всѣмъ обществомъ страны», говорилъ онъ. Въ то время духовное сословіе было совершенно замкнутымъ. Однажды Гоголь передавалъ намъ съ своимъ неподражаемымъ юморомъ о посѣщеніи своемъ московскаго митрополита. Онъ засталъ Филарета окруженнымъ ханжами обоихъ половъ, и присутствіе и владыка выносилъ съ евангельскимъ терпѣніемъ. Одинъ изъ присутствующихъ разсказывалъ его высоко-преосвященству о всѣхъ чудесахъ, случившихся въ теченіи года. Митрополитъ слушалъ съ своей тонкой, снисходительной и иронической улыбкой. Черезъ нѣсколько времени онъ прервалъ потокъ краснорѣчія почтеннаго разсказчика этими простыми словами: «какое необыкновенное обиліе чудесъ!» «Вслѣдъ за

тѣмъ, продолжалъ Гоголь, выдвинуто было столько теологическихъ тезисовъ и столько опроверженій ихъ, что мнѣ думалось, не присутствую-ли я на вселенскомъ соборѣ, и невольно я преклонился предъ добротой и терпѣніемъ архипастыря».—«А что-же вы-то дѣлали тамъ»? спросили Гоголя.—«Я наблюдалъ. Весь этотъ народъ такъ и просится на сцену въ новый романъ; вы встрѣтитесь съ ними когда нибудь». Стояли-ли китайской стѣной религіозныя наклонности Гоголя на пути его творчества? Вотъ по моему самый капитальный и существенный вопросъ.

Я лично не думаю, чтобъ это было такъ. Мысль о своей художнической работѣ занимала умъ его такъ сильно, что единственнымъ его опасеніемъ, никогда его не покидавшимъ и незимѣннымъ, была боязнь не успѣть свершить всего того, что онъ задумалъ.

Онъ изучалъ англійскій языкъ, читая Библію и Шекспира, чтобъ имѣть возможность читать потомъ Байрона, Стерна и Фильдинга. Библія съ его отмѣтками, которую онъ читалъ съ моей воспитательницей-англичанкой (говорившей очень хорошо по русски). послѣ его смерти была отослана этому другу нашего дома. Это была женщина во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная, разносторонне образованная и выдающаяся по характеру. Гоголь очень уважалъ ее, говорилъ съ ней о своей системѣ воспитанія и отзывался о ней, какъ «о восьмомъ чудѣ свѣта, въ которомъ двадцать лѣтъ учительства не убили ни ума, ни сердца, ни воображенія». Онъ прибавлялъ, что у большей части учителей и наставниковъ не достаетъ одушевленія и воображенія, что составляетъ громадный пробѣлъ для того, кто хочетъ воспитывать другихъ. Англійскій Шекспиръ, имъ читанный, и сдѣланный имъ для меня гербарій хранятся и до сихъ поръ у меня.

Послѣднее мое воспоминаніе о Гоголѣ относится къ концу ноября 1851 года. Онъ умеръ въ февралѣ 1852 г. Я свидѣтельствую со всею энергіей, что въ немъ не было никакихъ признаковъ безумія ни въ эту пору, ни раньше. Моя мать, знавшая его долго, горячо возмущалась этою басней, приписывая ее той тайной зависти, которую питаетъ посредственность къ личностямъ исключительнымъ.

Гоголь умеръ отъ случайной болѣзни, на леченіе которой не было обращено вниманія. Онъ до конца жизни сохранилъ силы своего великаго таланта и творчества и смерть его для Россіи было такою-же громадной потерей, какъ смерть Пушкина.

Эти свѣдѣнія г-жи Смирновой о Гоголѣ во всякомъ случаѣ не лишены будутъ значенія для будущихъ біографовъ поэта. Къ литературѣ о Гоголѣ прибавился въ послѣднее время отрывокъ изъ воспоминаній его сетры Е. В. Быковой, напечатанный «Русью». Здѣсь, въ нѣсколькихъ симпатичныхъ штрихахъ, авторъ «Ревизора» выступаетъ съ интимной стороны родственныхъ отношеній. Самыя записки, не назначавшіяся для печати и написанныя необыкновенно безискуственно и просто, хорошо рисуютъ время и людей 30—40-хъ г. Но нѣтъ все таки до сихъ поръ, послѣ давняго Кулишовскаго, ни новаго собранія писемъ Гоголя (которыхъ съ тѣхъ поръ открыто очень много), ни сколько нибудь тщательнаго изданія его сочиненій.

В. Г—ко.

БУГСКІЕ КОЗАКИ И УКРАИНСКІЕ УЛАНЫ.

(Замѣтки А. С. Пишчевича).

Исторія военныхъ поселеній на сѣверѣ Россіи и мрачная личность творца ихъ графа Аракчеева достаточно разъяснены цѣлымъ рядомъ записокъ, воспоминаній и офиціальныхъ бумагъ, помѣщенныхъ въ разные годы въ «Русской Старинѣ». Исторія гораздо болѣе многочисленныхъ такихъ-же поселеній на югѣ Россіи, въ губерніяхъ екатеринославской, херсонской, харьковской и кіевской едва лишь намѣчена и кромѣ помѣщенныхъ въ нашемъ изданіи записокъ сенатора А. Я. Стороженка и писемъ генерала Лисаневича къ гр. Аракчееву мы затрудняемся указать что либо болѣе цѣльное и цѣнное въ семъ отношеніи. Тѣмъ съ большею охотою мы даемъ мѣсто сообщенному намъ отрывку изъ Записокъ о семъ-же предметѣ столько уже извѣстнаго читателямъ «Кіевской Старины» А. С Пишчевича. Это голосъ современника и ближайшаго свидѣтеля описываемыхъ произшествій. Онъ говоритъ подъ вліяніемъ непосредственнаго впечатлѣнія,—говоритъ съ такою желчью и раздраженіемъ, что нѣкоторыя фразы и слова мы должны были совсѣмъ опустить; но передаваемые имъ факты ничѣмъ не рознятся отъ тѣхъ, которые чертилъ въ своихъ Запискахъ писавшій позже и вообще сдержанный Стороженко, а также тѣхъ, которые выступаютъ въ письмахъ генерала Лисаневича къ Аракчееву, а это еще болѣе подтверждаетъ правдивость сообщеній Пишчевича, не смотря на рѣзкій ихъ тонъ.

Графъ Витъ есть сынъ того графа Вита, который возилъ свою прекрасную жену за главною квартирою князя Потемкина и ею своднічалъ сему вельможѣ: послѣ онъ ее продалъ графу Потоцкому. Теперешній начальникъ украинскихъ козаковъ гр. Витъ первый свой военный подвигъ совершилъ подъ Аустерлицемъ, гдѣ онъ съ кирасирскимъ Ея Величества полкомъ не пошелъ аттаковать французскую колонну, ему назначенную и, ушедъ съ боя съ полкомъ, не мало способствовалъ потерѣ сей чудной битвы. Теперешняя-же довѣренность къ гр. Виту родилась оттого, что его мать въ великой дружбѣ съ г-жею Нарышкиною (полька, урожденная Четвертинская); вотъ вся причина возвышенія сего графа и вотъ почему выпущена изъ виду аустерлицкая трусость его сіятельства... Сочинитель сихъ записокъ помнитъ сего графа еще мальчишкою въ 1791 г. въ Яссахъ, гдѣ находилась главная квартира кн. Потемкина, когда, по милости своей маменьки, онъ облизывалъ тарелки съ вареньемъ, помнитъ и то, когда вдругъ вся эта банда любострастная выгнана изъ Яссъ, т. е. графиня Виттова съ мужемъ и сыномъ въ Польшу, того ради, что графиня Браницкая (Александра Васильевна, племянница Потемкина) доставила письмо своему дядѣ, въ которомъ графиня Виттова писала одной своей пріятельницѣ: «теперь столбъ Россіи лежитъ у ногъ моихъ».

1817 годъ. Съ начала весны сего года начали поговаривать о поселеніи части арміи въ разныхъ мѣстахъ Россіи, Съ того-же времени опредѣлено въ станицахъ бугскихъ козаковъ, присоединя къ онымъ нѣкоторыя селенія елисаветградскаго уѣзда, привести четыре уланскіе украинскіе полка и поселить, обратя и бугскихъ козаковъ въ уланы. Много изъ сихъ полковъ офицеровъ показалось въ Крюковѣ для пріема аммуничныхъ вещей изъ тамошняго депо, а какъ въ Крюковѣ скучно жить, то въ кременчугскомъ клубѣ, театрѣ, лавкахъ и улицахъ они ежедневно мелькали. Сіи господа, не бывши никогда въ селеніяхъ, имъ отданныхъ, мечтали обогащаться: они полагали, что селенія сіи изобилуютъ землею, а работниками будутъ уланы и ихъ семейства, а того не вѣдали, что сіи селенія едва имѣютъ столько земли, чтобы достало по числу душъ; они думали заводить конные заводы...

Пока молодость дѣлала счеты на вѣтрѣ, въ Петербургъ потребованъ генералъ-лейтенантъ Г. И. Лисаневичъ для совѣщанія о семъ уланскомъ поселеніи съ гр. Аракчеевымъ, главнымъ изобрѣтателемъ поселеній. Сочли Лисаневича, какъ уроженца сего края, свѣдущимъ всего, до него касающагося. Въ Лисаневичѣ Аракчеевъ увидѣлъ человѣка по себѣ, т. е. довольно глупаго, который слѣпо будетъ исполнять его волю. И какъ теперь на все устраиваются комитеты, то явился уланскій комитетъ, въ которомъ Лисаневичъ—презусъ, обо всемъ относящійся къ гр. Аракчееву, а сей прямо государю. Итакъ, мужикъ изъ Петриковки вышелъ по сей части третья особа въ Россіи [1]). Часть улановъ должна поселиться между бугскими козаками, а часть въ харьковской губерніи. Когда рѣшено было соединить украинскихъ улановъ съ бугскими козаками, тогда четыре украинскіе уланскіе полка приведены были въ Вознесенскъ. Бугскіе козаки сначала рѣшились было ихъ даже не впущать и на квартиры въ свои дома, но наконецъ силѣ не могли противустоять, уланы расположились въ Вознесенскѣ и потомъ разведены по полкамъ и эскадронамъ и по д....мъ [2]) станицамъ. Козаки волновались, Витъ потребовалъ помощи, для которой ему и прислано было двѣ роты артиллеріи и два баталіона пѣхоты. Прежде всего начали приводить въ Вознесенскѣ къ присягѣ, на которую козаки не соглашались, но собравъ ихъ между выставленною артиллеріею, пѣхотою и полкомъ улановъ, несчастные, видя зажженные фитили, видя весь гибельный снарядъ готовымъ грянуть на нихъ, присягнули. Послѣ сего принялись и въ другихъ станицахъ за то-же, и въ другихъ нашли то-же сопротивленіе, а въ нѣкоторыхъ дяже дрались, за что были переколоты, потоплены въ Бугѣ, сѣчены кнутомъ, отосланы въ Сибирь и гнаты были сквозь строй. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женщины, видя улановъ аттакующими ихъ мужей, бросались всадникамъ на встрѣчу съ младенцами на рукахъ, мня заставить собою гибель, приготовленную ихъ мужьямъ, но сіе ни мало имъ не помогло.........

---

[1]) Лисаневичъ родомъ изъ Петриковки, посада александрійскаго уѣзда. Сей Лисаневичъ во всемъ не тѣхъ Лисаневичей, которые живутъ около Харькова и суть дворяне. Петриковскаго Лисаневича фамилія начально была Лисенко.—*Прим. авт.*

[2]) Слово не разобрано.

Гр. Витъ поручилъ на словахъ генералъ-маіору Громову усмирить волнующуюся Михайловскую станицу. Громовъ потребовалъ письменнаго наставленія и получилъ оное въ такомъ смыслѣ, что ежели козаки словесныхъ убѣжденій не послушаютъ, тогда употребить оружіе. Громовъ съ симъ уѣхалъ изъ Вознесенска, но на дорогѣ былъ нагнанъ посланнымъ отъ Витта, который требовалъ письменнаго наставленія обратно. Посему Громовъ и самъ возвратился въ Вознесенскъ. Тогда уже самъ Виттъ отправился въ Михайловскую станицу, гдѣ, собравъ всѣхъ жителей, требовалъ отъ нихъ послушанія волѣ монаршей, но они отказывались. Тогда онъ прицѣпился къ самому старѣйшему лѣтами козаку и требовалъ, чтобы онъ собою показалъ примѣръ другимъ. Но когда сей сѣдинами покрытый старикъ стоялъ твердо въ томъ, что не посягнетъ дать согласіе, изъ котораго видно будущее бѣдствіе для его согражданъ, тогда Виттъ, сказавъ: «итакъ, ты будешь примѣромъ служить для другихъ», приказалъ стать баталіону пѣхотному въ строй и тогда 70-лѣтняго старца пустили между шеренгъ къ прогнанію шпицрутеномъ, приказавъ двумъ мушкатерамъ идти предъ нимъ съ примкнутыми штыками, дабы онъ шелъ ровнымъ шагомъ, чтобы всякая лоза коснулась почтенной его спины, а онъ и безъ сего не могъ, по удрученнымъ лѣтамъ, слѣдовать иначе, какъ весьма тихо. Старецъ, видя сихъ предъ собою, сказалъ съ твердостью графу, присутствовавшему при сей сценѣ: «не надобно ихъ предо мною, я пойду такимъ шагомъ, какимъ ваше сіятельство прикажете, и всемогущій Богъ приметъ мой духъ!» Барабаны ударили, трубы затрубили, и старецъ пошелъ на смерть. Не долго надобно было ему ходить: на второмъ разѣ онъ испустилъ духъ. Надобно вообразить себѣ эту горестную картину: удрученный лѣтами мучился подъ ударами, а фронтъ окружаемъ былъ всѣми жителями михайловскими, въ числѣ которыхъ находились сего старца сыны сыновъ и внуковъ.

Лишь сія сцена кончилась, какъ является къ фронту въ полномъ нарядѣ верхомъ бугскій козакъ. Виттъ его спрашиваетъ, зачѣмъ и откуда онъ?—«Я присланъ (отвѣчаетъ всадникъ) изъ другихъ станицъ освѣдомиться, что въ Михайловской станицѣ дѣлается». Виттъ приказалъ его стащить съ лошади и также прогнать сквозь строй: это былъ отвѣтъ на депутацію другихъ станицъ...

Бугскіе козаки опирались на дарованную имъ грамоту Екатерины II, въ которой имъ пожалованы земли въ вѣчное и потомственное владѣніе; отъ сего въ тогдашнее время на лѣвый бугскій берегъ пришло для поселенія въ сіе войско много молдованъ и булгаръ, а къ нимъ присоединили нѣсколько деревень, малороссіянами населенныхъ. Новое положеніе уланскаго поселенія таково, что видимо они дѣлаются крестьянами своихъ начальниковъ, и потому козаки мнятъ, что это превращеніе дѣлается не по волѣ государя, а (что) это затѣи начальниковъ ихъ. Одинъ изъ улановъ сказалъ графу Витту: «когда насъ вели сюда, тогда намъ обѣщали домоводство и покойную жизнь, но мы теперь видимъ, что насъ учатъ регулярной экзерциціи». Таковаго говоруна прогнали сквозь строй.

Для усмиренія поставили въ Михайловскую станицу цѣлый полкъ пѣхоты и досталось на всякій домъ по 15 солдатъ. Эта усмирительная мѣра была самая неблагоразумная, ибо хозяева, подчивая постояльцевъ, сближались съ ними знакомствомъ, и ежели-бы дошло до драки, то, можетъ бѣть, постояльцы, помня хлѣбъ соль своихъ хозяевъ, не пошли-бы противъ нихъ.

Къ числу бунтовщиковъ причисленъ былъ одинъ урядникъ бугскихъ козаковъ, молодой и видный собой человѣкъ, служившій противъ французовъ съ отличіемъ, за что имѣлъ украшенную медалями и георгіевскимъ крестомъ грудь. Его прогнали сквозь строй, причемъ присутствовалъ самъ гр. Виттъ. По окончаніи экзекуціи прикрыли тѣло избитаго урядника его курткою, на которой висѣли знаки монаршей милости. Онъ имѣлъ еще столько духу, что сорвалъ оные, бросилъ ихъ въ глаза гр. Витту съ сими словами: «на что они мнѣ, ежели я ими не могъ себя защитить отъ безчестнаго наказанія?» Это уже было другое преступленіе сего несчастнаго... При сей второй экзекуціи урядникъ..., пока могъ употреблять свой языкъ, то оный былъ на хулу новыхъ постановленій, ругательство начальства... и съ симъ испустилъ духъ свой юный воинъ. Таковые поступки назывались усмиреніемъ бунтовщиковъ и такимъ примѣромъ, конечно, бѣдный народъ присмирѣлъ. Тогда начали ихъ употреблять въ работы на равнѣ со скотомъ: старики долженство-

вали возить на своихъ волахъ камень и лѣсъ на разныя постройки, годные въ службу учились военнымъ оборотамъ, мальчики ходили въ школу; оставались въ домахъ однѣ женщины, съ которыми офицеры и другіе начальники поступали настояще по серальски. Сверхъ всего жители ни въ чемъ не были вольны въ своей собственности, изъ домашняго не могли (ничего) ни для себя употребить, ни продать безъ вѣдома эскадронныхъ начальниковъ. Въ с. Верблюжкѣ, куда вступилъ эскадронъ украинскихъ улановъ, понадобилось поселянину зарѣзать барана для помину умершаго своего сына, но сіе ему было возбранено. Итакъ, худшаго положенія не могло быть, какъ положеніе сихъ воиновъ-поселянъ. Отъ сего злоба козаковъ на улановъ ежедневно возрастала и потому придумали примирить первыхъ съ послѣдними, приказавъ уланамъ жениться на козачьихъ дѣвкахъ. Когда сіе сбылось отчасти, тогда козаки мнили быть покойны съ новыми своими зятьями, но не прошло долгое время, какъ перемѣстили эскадронъ изъ одного селенія въ другое, оставляя женъ у ихъ отцовъ, и вновь пришедшимъ эскадронамъ велѣно также вступить въ новые брачные союзы. И это называлось смѣшивать кровное родство улановъ съ козаками.

Въ 1818 году государь изъ Одессы отправился въ Вознесенскъ. Графъ Виттъ постарался выгладить дорогу до сей уланской столицы какъ нельзя лучше и провесть оную столь-же прямо, какъ стрѣлу. Мгновенно, можно сказать, выкопаны по обѣимъ сторонамъ оной рвы и усажены деревья, хотя и въ маѣ мѣсяцѣ, но не смотря на то, они прозеленѣли, пока императоръ проѣхалъ; послѣ—поблекли, высохли и разобраны чумаками на вареніе кашъ. Но чего стоило сіе минутное украшеніе бугскимъ козакамъ? Козаки ожидали государя съ нетерпѣніемъ и увѣряли себя, что когда они объяснятъ ему все ими претерпѣваемое, то государь отмѣнитъ сіе новое устройство, доводящее ихъ до совершеннаго неустройства. Но гр. Виттъ иначе о семъ мыслилъ: онъ приказалъ для встрѣчи его величества выйти всѣмъ жителямъ на большую улицу, гдѣ они были поставлены—мущины съ одной, а женщины—съ другой стороны, которымъ приказано при проѣздѣ государя кричать: «благодаримъ, тебя, государь, за милости, намъ оказываемыя новымъ устройствомъ! Ты намъ спаситель!» и чтобы сіи слова всякій затвердилъ, то до пріѣзда высочайшаго оные были нѣсколько разъ по-

вторены, а чтобы лучше надъ сей репетиціей наблюдать, поставлены были позади уланы съ палками, которые умѣли ихъ заставить внятно выговаривать заданный имъ урокъ. Государь, можетъ быть, замѣтилъ, какъ и другіе, слезы, проливаемыя избитыми воинами-поселянами, но онъ сіи слезы принялъ за слезы умиленія. Въ тотъ-же день государь обозрѣлъ все вновь заведенное гр. Виттомъ строеніе, какъ-то домъ для пріѣзда его величества, разные цейхаузы и прочія уланскія надобности, которое менѣе, нежели въ годъ выстроено, и все каменное, былъ всѣмъ этимъ чрезмѣрно доволенъ и бдагодарилъ Витта, какъ виновника всего видимаго. При всемъ этомъ купечество и мѣщане г. Вознесенска осмѣлились просить у государя милостиваго воззрѣнія на ихъ состояніе, которые основали сей городъ, завелись домами, а теперь велѣно имъ выходить изъ онаго, по положенію уланскому; оцѣнили ихъ домы въ столь малую сумму, что они по оной не выручатъ и четвертой доли положеннаго капитала. Государевъ отвѣтъ былъ: «ежели вамъ сія оцѣнка не сходна, то вы можете свои домы перенесть туда, гдѣ пожелаете жить, но военное поселеніе непремѣнно надобно оставить». Это были происшествія перваго дня появленія его величества въ Вознесенскѣ, а на другой день послѣ литургіи государь, выйдя изъ церкви, поздравилъ толпившихся около него козаковъ уланами и всѣ тѣ, которые хотѣли ходатайствовать о оставленіи ихъ на прежнемъ положеніи, а особенно помня крѣпко прошлогодній съ ними поступокъ гр. Витта, когда ихъ приводили къ присягѣ, ничего не сказали. Прибывъ въ домъ, представлены были его величеству шесть человѣкъ козаковъ, изъ которыхъ самому младшему было 75 лѣтъ. Гр. Виттъ одѣлъ ихъ въ уланское платье и симъ согбеннымъ старцамъ насунули на головы кивера съ предлинными султанами, а на обшлагахъ ихъ кафтановъ нашили унтеръ-офицерскіе позументы. Гр. Виттъ симъ предпочтеніемъ стариковъ хотѣлъ показать обществу козацкому, сколько онъ уважаетъ старость.

Неспокойствія около Буга и явные бунты въ харьковской губерніи, гдѣ также селились разные полки уланскіе, побудили на нѣкоторое время государя пріостановить дальнѣйшее распространеніе поселеній, тѣмъ болѣе, что во время его проѣзда полуденнаго

края Россіи въ 1818 году во многихъ мѣстахъ встрѣчали его посыланные изъ назначенныхъ подъ поселеніе деревень депутаты съ просьбою помилованія отъ такого счастія. Государь приказалъ пріостановить поселенія до сентября мѣсяца и тѣмъ умы на нѣкоторое время успокоились. Въ маѣ мѣсяцѣ 1819 г. прибывшій изъ Петербурга гр. Виттъ привезъ грамоту бугскимъ и украинскимъ уланамъ и волю государя, чтобы поселеніе оныхъ продолжать. Посему губернаторъ Сенъ-При прибылъ съ гр. Виттомъ на мѣсто и отвелъ еще нѣсколько казенныхъ селеній подъ поселенія, въ томъ числѣ с. Знаменку, населенное великороссіянами и до сего принадлежавшее херсонскому адмиралтейству. Гр. Виттъ обратился съ сею рѣчью къ знаменскимъ жителямъ, увѣрялъ ихъ въ томъ блестящемъ положеніи, въ которомъ они будутъ, когда уланское образованіе придетъ въ предположенное совершенство. А какъ знаменцы крѣпко боялись на счетъ своихъ бородъ, то имъ дано обѣщаніе выбрить бороды однимъ служащимъ, а стариковъ бороды оставить на ихъ мѣстахъ. Говорятъ, что лихое уланское положеніе во многомъ смягчено, какъ-то: половинщиковъ въ хозяйствѣ не будетъ, ѣздить не служащимъ по своимъ промысламъ позволяется повсюду, а между тѣмъ изъ знаменцовъ назначено до 250 человѣкъ работающихъ хорошо топоромъ на разныя постройки въ Вознесенскъ съ заплатою по 10 коп. на день въ такое время, когда посредственный плотникъ на сторонѣ получаетъ по 2 р. въ день. Надобно знать, что на разныя уланскія постройки отпущено гр. Витту 2 мил. рублей: какая изобильная жатва, платя по гривнѣ работнику!

БЕЗСОНОВСКОЕ ТУРАНСТВО МАЛОРОССІЯНЪ.

Въ послѣдней книжкѣ «Чтеній въ москов. Обществѣ ист. и древн. росс.» (II. 1885 г.) появилась обширная статья проф. П. А. Безсонова: «*Мнимый туранизмъ русскихъ*». Ктобы могъ подумать, что въ статьѣ съ такимъ заглавіемъ проводится мысль о туранизмѣ малороссіянъ? Съ перваго разу подумать можно, что тутъ какое-то противорѣчіе. Но въ томъ и дѣло, что авторъ, освобождая отъ туранизма одну изъ главныхъ вѣтвей народности,

навязываетъ его другой. Подумаете, можетъ быть, что солидный мужъ какъ нибудь случайно обмолвился? Ничуть не бывало: онъ доказываетъ туранство малороссіянъ, какъ самъ говоритъ, «съ безпристрастіемъ положительнаго знанія, связаннаго съ достоинствомъ науки» (стр. 134).

Мы не будемъ говорить ни о томъ «спокойствіи», «достоинствѣ и даже свободѣ, съ какими хозяйничаетъ сей почтенный мужъ въ области этнологіи и филологіи, производя напр. финикіянъ отъ финовъ и названія *скифы* отъ глагола *скитаться*, *якуты* отъ слова *Яковъ*, малорусская *хата* отъ египетскихъ *хаттеевъ* и *кушиты* отъ слова *шататься*, ни о томъ патріотическомъ жарѣ, съ какимъ онъ сражается съ заброшенною давно теоріею Духинскаго о туранскомъ происхожденіи великоруссовъ: въ послѣднемъ онъ, кажется, чувствуетъ себя всего менѣе связаннымъ съ «достоинствомъ науки», а только съ достоинствомъ одушевляющихъ его чувствъ. О статьѣ г. Безсонова мы не стали бы и говорить, если бы она отвѣчала только своему заглавію; но дѣло въ томъ, что, отвергая совершенно проникновеніе въ велико-русскую народность какихъ бы то ни было туранскихъ вліяній, онъ силится доказать, что въ Малороссію такія вліянія проникали и даже въ сильной степени. Но даже и не въ этомъ послѣднемъ дѣло, а только въ томъ удивительномъ антитезѣ, какой проводитъ въ своей статьѣ г. Безсоновъ, трактуя о тюркскомъ вліяніи на славянскія народности.

Никто изъ писавшихъ о Малороссіи не отвергалъ вліянія тюрко-монгольскаго элемента на южнорусскую народную стихію: г. Голубовскій указывалъ на примѣсь и вліяніе черно-клобуцкаго элемента; на страницахъ «Кіев. Старины» г. Сумцовъ говорилъ о присутствіи восточныхъ, монголо-тюркскихъ элементовъ въ языкѣ и бытѣ маллоруссовъ, а г. И. Житецкій въ статьѣ: *Смѣна народностей въ южной Руси* о всякихъ другихъ, въ томъ числѣ и тѣхъ-же тюркскихъ вліяніяхъ. Съ другой стороны не нужно быть Духинсхимъ, чтобы признавать тѣ-же вліянія и въ національности великорусской. Вліяніе тюрко-монгольское на великоруссовъ и малоруссовъ доказано и археологіей и этнографіей; разсужденія объ этомъ вліяніи настолько хорошо обоснованы въ научномъ отношеніи, что напрасно г. Безсоновъ, съ одной стороны выступаетъ противъ вполнѣ установившагося научнаго мнѣнія, а съ другой проводитъ это

мнѣніе относительно малороссіянъ гораздо далѣе надлежащаго, приплетая сюда и политику, и сепаратизмъ, и прочій публицистическій «жупелъ», некрасивый для профессора, неприличный и для такого изданія, какъ «Чтенія въ Московск. Обществѣ ист. и древ. росс.». Признавая вмѣстѣ съ г. Безсоновымъ «недомысленнымъ и фальшивымъ» направленіе письменности, ищущей тюрко-монгольскаго воздѣйствія на основныя явленія великорусской народности», нельзя не признать крайне «недомысленной и фальшивой» его же попытку навязать туранизмъ, въ смыслѣ происхожденія, малороссіянамъ да еще и западнымъ славянамъ.

Какъ однако развиваетъ и чѣмъ аргументируетъ авторъ эту странную мысль?

Указавъ на то, что черезъ южную Россію проходили разные монголо-тюркскіе народы, г. Безсоновъ усматриваетъ монгольское происхожденіе малоруссовъ въ типахъ лица и характера, указывая три главныхъ ихъ вида. Такъ какъ третій изъ этихъ видовъ есть собственно бѣлорусскій, отличающійся бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами, бѣлою шапкою, то для характеристики малорусскаго народа остаются два другіе вида, которые онъ ставитъ въ своемъ изложеніи на первомъ планѣ.

«Первый типъ, говоритъ г. Безсоновъ, совершенно «горный» или «горцевскій»; крючковатый съ горбомъ или орлиный носъ; быстрый, сосредоточенный и проницательный взоръ; глаза каріе, густѣющіе до черныхъ; такіе же волосы—русые до черноты, иногда нѣсколько волнистые или съ завитками на вискахъ; вислые усы, сообразная продолговатость лица и сухощавость; у нѣкоторыхъ длиннота головы, такъ что, несомнѣнно, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи здѣсь нашли бы многихъ «долихокефаловъ», ближайшихъ къ западнымъ европейцамъ, и отринули бы усвоенный славянамъ. общій будто-бы, «брахикефализмъ»; выдающійся и заостренный подбородокъ, достигающій въ старости, особенно у женщины, формы какбы изогнутой костистой лопатки; ростъ высокій, голосъ густой, переходящій въ прекрасный басъ и т. п.

«Все это относится происхожденіемъ къ доисторическому, первобытному Кавказу, дозволяющему многимъ обозначать индо-европейскій типъ «кавказскимъ», и къ давнему житью въ Татрахъ, гдѣ Русь тѣсно соединялась подъ гегемоніей сербо-хорватской, а пото-

му же типъ сей распространенъ одинаково въ формаціи сербо-хорватской за Дунаемъ. Но не менѣе близко это и къ Удамъ давнимъ и къ Черкесамъ нынѣшнимъ; а встрѣчающійся при этомъ взлизъ лба и откосъ до остроконечной маковки (по выраженію Гоголя—рѣдькой хвостомъ вверхъ) свойственъ найболѣе китайцамъ съ японцами... Къ тому же первому типу относимъ мы въ характерѣ рѣшительность при случаѣ потребномъ, настойчивость въ достиженіи разъ задуманной цѣли, сдержанность и молчаливость, терпѣливость подъ бѣдою и грозою, но и крѣпкую охрану самостоятельности, и вспыльчивость при рѣзкомъ нападеніи на самостоятельность, и стремленіе къ обособленію, часто крайнему, свойственному родовымъ разсчетамъ кочевья и племени, подрывающему «общину», и нѣкоторую мстительность, соединенную со злопамятствомъ. Если прибавимъ прямой разрѣзной воротъ рубахи на груди и стоячіе воротники, пѣніе думъ, музыкальность и пляску, юморъ и остроуміе, то образъ перваго типа выйдетъ довольно полный.

«Типъ второй выражаетъ себя круглою головою, плоскимъ лицомъ у иныхъ, какъ доска, довольно «смачнымъ» и широкимъ носомъ и, главное, глазами съ разрѣзомъ узкимъ, поперечно растянутыми и на оконечностяхъ стрѣльчатыми (?), да волосами вислыми и тонкими, съ рѣдкими усами. Подобные глаза довольно часты у малороссовъ; они отчасти замѣчались у Гоголя и Бодянскаго. Между прочимъ, судя по портрету, то же самое у одного изъ нашихъ личыхъ предковъ Гедеона Балабана и у потомковъ его, самыхъ близкихъ къ намъ. А курчавыхъ головъ вообще въ Малороссіи и всей южной Россіи встрѣчается рѣдко, тогда какъ въ семъ отношеніи великоруссы крайне выдаются. Съ этимъ сообразны—приземистая натура, лѣнь, отзывающаяся не извѣстною южною, а скорѣе восточною, упрямство и упорство, неповоротливость въ схватываніи передаваемой мысли и въ рѣчахъ, мстительность и злопамятство, соединенныя съ скрытностью, хитростью и значительной обидчивостью, короче съ капризностью, которая спѣшитъ замкнуться въ себя, не напираетъ, а уединяется; голосъ тенористый, переходящій въ козла, и манера взвизгивать при началѣ рѣчи. Этого малорусскаго взвизгиванія рѣшительно нѣтъ ни у кого изъ прочихъ славянъ, а, сколько мы знаемъ, встрѣчается оно лишь между китайцами и японцами. Прибавить сюда крайнюю медлепность походки, до воловъ съ ихъ ша-

гомъ и скрипучею телѣгою, да вишневенькій садокъ съ грушами вмѣсто лѣса и парка, да образъ чумака, да припляську, топчась на одномъ мѣстѣ... Этотъ типъ имѣетъ много аналогическаго съ монголизмомъ. Замѣтимъ, кстати, объ отвращеніи къ гвоздямъ въ сапогахъ, обратно великоруссамъ, что объясняется отчасти вязкой почвой подъ ногами, но распростерто по Востоку въ разныхъ папучахъ, туфляхъ, башмакахъ» (131—132).

Въ другомъ мѣстѣ статьи, на стран. 122, г. Безсоновъ къ этой курьезной характеристикѣ малорусскаго туранизма присоединяетъ еще слѣд. слова: «Сюда же относится у малоруссовъ, въ простомъ народѣ, отвращеніе отъ мытья тѣла и бани, *обычай не умываться*, а лишь обтираться мокрымъ полотенцомъ, *не употреблять носовыхъ платковъ и по долгу не сморкаться*».

Risum teneatis amici! Все это было бы дѣйствительно очень смѣшно, если бы не было такъ наивно-невѣжественно и грубо аляповато. Г. Безсоновъ открывающій въ статьѣ свою профессорскую «профессію», на каждомъ шагу говорящій отъ лица «современной науки», съ легкимъ сердцемъ въ понятіе тураиизма вводитъ «вишневенькій садокъ» да еще «съ грушами», «смачный» носъ, голову рѣдькой вверхъ и совершенно чистосердечно къ туранизму относитъ отсутствіе у малорусскихъ мужиковъ «носовыхъ платковъ»· Ученый профессоръ дошелъ даже до того тонкаго наблюденія, что малороссіяне могутъ «по долгу не сморкаться», что они «питаютъ отвращеніе къ гвоздямъ въ сапогахъ». Такая наблюдательность достойна занесенія въ лѣтописи современной университетской науки; и г. Безсоновъ, очевидно, дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ...... учености.

Семенъ Тындытниковъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

Кто не слыхалъ о знаменитой въ свое время кавалеристъ-дѣвицѣ, Надеждѣ Андреевнѣ Дуровой, служившей въ рядахъ русской арміи въ памятную эпоху наполеоновскихъ войнъ съ Россіей? Помимо указаннаго обстоятельства, имя этой эксцентричной женщины извѣстно было отчасти и въ литературѣ. Въ 1836 г., въ Петербургѣ появи-

лись ея воспоминанія отдѣльной книгой въ двухъ частяхъ [1]), а отрывокъ изъ второй ихъ части былъ въ томъ же году помѣщенъ въ «Современникѣ» Пушкина. «Въ Русскомъ Архивѣ» за 1872 г. напечатана была «Записка А. С. Пушкина къ кавалеристъ—дѣвицѣ Н. А. Дуровой». Полагаютъ, что геніальный нашъ поэтъ интересовался судьбою Дуровой и принималъ дѣятельное участіе въ ея литературномъ предпріятіи [2]). Сообщившій названную записку директоръ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ въ своей замѣткѣ къ ней передаетъ слѣдующія біографическія свѣдѣнія о замѣчательномъ авторѣ единственныхъ въ своемъ родѣ воспоминаній.

«Мать Надежды Андреевны Дуровой—дочь помѣщика полтавской губерніи, Александровича; отецъ—отставной военный, родомъ изъ дворянъ вятской губерніи. Въ 1808 г., дѣвица Дурова поступила на службу гусарскимъ юнкеромъ, совершила всѣ компаніи по 1815 г. включительно, получила юнкерскій знакъ Военнаго Ордена и оберъ-офицерскій чинъ. Потомъ вышла въ отставку, но продолжала носить мужское платье, т. е. синій чекмень на крючкахъ, шаровары и фуражку на покрой военный; черные и довольно рѣдкіе волосы ея въ 1836—38 г. были обстрижены по мужскому, и проборъ былъ сдѣланъ съ лѣвой стороны. Отсутствіе усовъ (которые тогда носили всѣ отставные военные) и множество мелкихъ морщинъ на смугломъ и весьма утомленномъ лицѣ, сильно поражали въ ней съ перваго взгляда, такъ что и тотъ, кто и не зналъ бы, что это не мужчина, могъ заподозрить въ этомъ существѣ что-то неестественное.... Портретъ Н. А. Дуровой, находящійся въ изданной въ 1839 г. Смирдинымъ книгѣ: «Сто русскихъ литераторовъ» (стр. 553) при ея статьѣ: «Сѣрный ключъ» (Черемисская повѣсть) довольно похожъ. Еще съ 1812 г. Надежда Андреевна начала называться въ честь императора Александра Павловича, разрѣшившаго ей вступить въ службу, Александромъ Андреевичемъ Александровымъ, а впослѣдствіи корнетомъ Александровымъ» [3]).

---

[1]) Точное заглавіе этой книги слѣдующее: „Кавалеристъ-Дѣвица, Происшествіе въ Россіи. Издалъ Иванъ Бутовскій“. 8⁰, 2 части: т. I, стр. 289; т. II. 292 стр.

[2]) Такое предположеніе дѣлаетъ, и весьма основательно, редакторъ „Русскаго Архива, П. И. Бартеневъ въ своемъ примѣчаніи по поводу помѣщенной „Записки“ А. С. Пушкина къ Н. А. Дуровой.

[1]) „Русскій Архивъ“, стр. 199—201.

Изъ частнаго письма Н. Дурова къ сестрѣ [1]) видно, что родные первое время не знали, куда дѣлась Надежда, а изъ всеподданѣйшаго доклада отъ 28-го сентября 1817 г. объясняется причина ея бѣгства: она принуждена была скрыться изъ дому и отъ родныхъ своихъ по семейнымъ несогласіямъ. Поступивъ подъ именемъ «Александра Васильева сына Соколова въ конной польской полкъ», она участвовала «во многихъ сраженіяхъ съ непріятелемъ» и только послѣ всего этого извѣстила изъ Гродна своихъ родныхъ о своемъ мѣстонахожденіи. Напавши на слѣдъ безъ вѣсти пропавшей, отецъ и дядя подали прошеніе на высочайшее имя «о возвращеніи имъ сей несчастной».

Какъ изъ замѣтки барона Ѳ. А. Бюлера, такъ и изъ самыхъ воспоминаній Н. А. Дуровой видно, что мать ея была уроженкой с. Великой Кручи, полтавской губерніи, пирятинскаго уѣзда. Дурова вспоминаетъ, какъ она воспитывалась у своей бабушки по матери, Алаксандровичъ, въ с. Великой Кручѣ, какъ она любовалась, бывало, живописнымъ мѣстоположеніемъ этого села, какъ она любила кататься на лодкѣ по многоводной тогда рѣкѣ Удаю, подходившей къ самой усадьбѣ. До сихъ поръ сохранилась часть той «камяницы» (каменнаго домика), въ которой провела свои дѣтскіе и юношескіе годы Надежда Андреевна.

С. Великая Круча (въ 7 верстахъ отъ г. Пирятина по большой дорогѣ въ г. Лубны) дѣйствительно одно изъ красивѣйшихъ селъ уѣзда. Оно живописно раскинулось по правому берегу р. Удая, попеременно то отлогому, то крутому (отсюда, вѣроятно, и названіе села), обрывистому; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по склону растутъ различныя породы деревьевъ и между прочимъ вѣковые дубы. Если взойти на крутизну, то глазамъ представляется громадный ландшафтъ верстъ на 15 и болѣе: посрединѣ вьется широкой синей лентой р. Удай, по берегамъ зеленѣютъ тамъ и сямъ лѣски, среди нихъ выдѣляются, то вполнѣ ясно, то въ неопредѣленныхъ контурахъ старыя козацкія села: Повстинъ, Куринька, Шкураты, Дейменовка, Прихидьки, Харковцы и новыя поселенія: Малая Круча и Высокое; на краю горизонта синѣютъ уже взгорья лохвицкаго и лубенскаго уѣздовъ съ поросшими лѣсомъ оврагами.

---

[2]) Тамъ-же, стр. 2043.

Время основанія села Великой Кручи неизвѣстно; занятыя имъ теперь земли съ 1689 г. принадлежали къ владѣніямъ лубенскаго полковника Леонтія Свѣчки [1]). Въ срединѣ XVIII в. эта часть владѣній Свѣчки досталась Ильѣ Андреевичу Александровичу, прадѣду Н. А. Дуровой, женившемуся на внучкѣ этого полковника; сынъ Ильи Иванъ (сперва бунчуковый товарищъ, позднѣе подкоморій лубенскаго повѣта) въ 1757 году построилъ въ с. Великой Кручѣ деревянную церковь въ честь св. Іоанна Богослова. По обязанностямъ ли службы, или по другимъ причинамъ, онъ постоянно жилъ въ г. Пирятинѣ, а съ 1787—88 гг. переселился въ Великую Кручу, гдѣ умеръ въ началѣ 1790 г. и похороненъ въ построенной имъ церкви, замѣненной спустя 8 лѣтъ небольшою каменною, на мѣстѣ которой, въ началѣ 50-хъ годовъ, возведенъ красивый каменный храмъ [2]).

И такъ, дѣдъ Н. А. Дуровой, по матери, былъ лубенскій подкоморій (полковой казначей), Иванъ Ильичъ Александровичъ. Онъ былъ женатъ на Евфросиньи Григорьевнѣ Огроновичъ [3]) и имѣлъ отъ этого брака двухъ сыновей—Варѳоломея и Порфирія и пятерыхъ дочерей, изъ которыхъ Ульяна умерла дѣвушкой, а замужнія были: Прасковья Остроградская, Александра Значко-Яворская, Евфросинья Бутовская и Надежда Дурова, мать дѣвицы кавалеристъ [4]).

Родители Н. А. Дуровой вступили въ бракъ при самой романической обстановкѣ. Въ 80-хъ XVIII ст. въ Пирятинѣ стоялъ кавалерійскій полкъ, въ которомъ служилъ между прочимъ бѣдный вятскій дворянинъ Андрей Дуровъ. Офицеры посѣщали семейство Александровичей, Дуровъ влюбился въ одну изъ дочерей, Надежду Ивановну, и вскорѣ сталъ пользоваться взаимностью. Родители молодой дѣвушки, гордившіеся своею принадлежностью къ старшинѣ, не согласились выдать дочь за неизвѣстнаго, бѣднаго офицерика. Между тѣмъ взаимная привязанность молодыхъ людей все болѣе

---

[1]) Кіев. Стар., т. III, стр. 253, 255 и 257.

[2]) Полтавскія Епарх. Вѣдом. 1883 г., № 9, стр. 439 и слѣд.

[3]) О родѣ Огроновичей см. Кіев. Стар., т. III, стр. 255 и т. VIII, стр. 51, прим. 3, въ статьяхъ А. М. Лазаревскаго.

[4]) См, Кіев. Стар., т. II, стр. 782 и 783.

крѣпла и они рѣшились бѣжать и обвѣнчаться безъ родительскаго благословенія. Когда прошелъ первый пылъ любви и появился на свѣтъ плодъ ея—Надежда, молодожены должны были подумать о средствахъ къ дальнѣйшему существованію, такъ какъ у жены ничего не было, а у мужа была лишь маленькая деревенька Вербовка, сарапульскаго уѣзда, вятской губерніи. Не было иного выхода, какъ ѣхать въ Кручу и просить прощенія за свой проступокъ. Горячее раскаяніе и печальное матеріальное положеніе молодой четы смягчило родителей и они дали свое благословеніе. Проживши нѣкоторое время въ Великой Кручѣ, Дуровы уѣхали обратно въ вятскую губернію, оставивши свою дочь на воспитаніе у бабушки. Маленькая Надежда была очень некрасива, но за то своею привѣтливостью и скромностью расположила къ себѣ всю семью Александровичей; особенно подружилась она со своей двоюродной сестрой, красавицей Домникіей Порфирьевной, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Исаевича. Надежда Андреевна жила въ Великой Кручѣ лѣтъ до 17, когда ее взяли къ себѣ родители. Послѣ этого она уже болѣе не пріѣзжала въ Великую Кручу, съ которой связаны воспоминанія ея дѣтства и юности.

Н. В.

АЛЬБОМЫ И РИСУНКИ ШЕВЧЕНКА ВЪ СОБРАНІИ В. В. ТАРНОВСКАГО.

Обширное и богатое собраніе южно-русскихъ древностей Вас. Вас. Тарновскаго, хранящееся въ имѣніи его Качановкѣ, въ борзенскомъ уѣздѣ черниговской губерніи, заключаетъ въ себѣ массу предметовъ, любопытныхъ для изучающаго южно-русскій край. Собранное съ любовью и большими затратами, оно особенно цѣнно въ отдѣлахъ предметовъ боеваго быта, клейнодовъ и знаковъ власти, старинныхъ вышиваній и вещей домашняго обихода малорусской старшины. Галлерея портретовъ южно-русскихъ историческихъ лицъ (около ста нумеровъ) заключаетъ въ себѣ двѣнадцать оригиналовъ (нѣкоторые очень замѣчательны) и нѣсколько интересныхъ копій съ достовѣрныхъ портретовъ. Собраніе оружія можетъ похвалиться хорошимъ подборомъ вооруженій, бывшихъ въ ходу въ козацкомъ быту,

и малороссійскими пушками глуховскаго завода. Всѣ эти драгоцѣнности нуждаются, безъ сомнѣнія, въ спеціальномъ изученіи и описаніи. Мы остановимся только на одномъ изъ маленькихъ уголковъ этого собранія, на этюдахъ и рисункахъ Шевченка, лица тоже историческаго.

Въ молодости своей малороссійскій поэтъ былъ не разъ гостемъ Качановки. Здѣсь, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, жилъ ближайшій другъ его, знаменитый впослѣдствіи живописецъ Штернбергъ. И самъ онъ знакомъ былъ съ тогдашнимъ владѣльцемъ этого имѣнія, извѣстнымъ Г. С. Почекою-Тарновскимъ, отъ котораго Качановка перешла по наслѣдству къ нынѣшнему ея владѣльцу. Въ построенномъ Румянцевымъ обширномъ качановскомъ домѣ текла тогда жизнь совсѣмъ во вкусѣ крѣпостныхъ временъ, съ оркестромъ изъ крѣпостныхъ людей, съ таковымъ-же театромъ, съ шумными, многодневными съѣздами сосѣдей. Впечатлѣнія этой жизни не могли не отразиться болью въ душѣ пѣвца народа и вызвали нѣсколько горькихъ страницъ въ его воспоминаніяхъ, облеченныхъ въ форму одной изъ его прозаическихъ повѣстей [1]). Въ качановскомъ паркѣ есть площадка возлѣ стараго дуба, гдѣ сходились крѣпостные артисты и прислуга въ свободныя вечернія минуты. Участникомъ этихъ собраній былъ всегда Шевченко. Тамъ, на этихъ сходкахъ рабовъ, онъ говорилъ по душѣ и плакалъ.

Послѣ многихъ лѣтъ, послѣ петербургской жизни и ссылки, поэтъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, посѣтилъ вновь Качановку. Отъ чада старой жизни не осталось здѣсь и слѣда. Вмѣсто прежняго снисходительнаго покровительства, онъ встрѣтилъ просвѣщенное вниманіе, на него смотрѣли не какъ на способнаго малаго, но все же «хама», а какъ на народную славу. Нынѣшняя коллекція тогда уже зарождалась и хозяинъ ея попросилъ Шевченка написать нѣсколько строкъ, въ видѣ автографа, на память. Передъ поэтомъ, сквозь розовую дымку молодыхъ воспоминаній, мелькнуло прошлое, на листкѣ зеленой бумаги онъ написалъ только двѣ строчки изъ какой то своей поэмы:

И стежечка, де мы ходыли,
Колючимъ терномъ поросла...

---

[1]) „Музыкантъ".

Въ качановскомъ собраніи Шевченку принадлежатъ двѣ картины красками, альбомы этюдовъ, путевые наброски и виды и собственноручно сдѣланный въ молодыхъ годахъ портретъ карандашемъ. Всѣ эти произведенія добыты или отъ самаго поэта или отъ ближайшихъ къ нему людей и подлинность ихъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Одна изъ картинъ изображаетъ сцену изъ «Катерины». Злополучная скиталица, съ ребенкомъ на рукахъ, покидаетъ родное село и оглядывается въ послѣдній разъ на вербы, мельницы и сидящаго на царинѣ дида.

Вторая—портретъ Кочубея, превратившійся просто въ этюдъ малоросса. Портретъ этотъ былъ заказанъ Шевченку однимъ изъ представителей этой фамиліи, но почему-то онъ не кончилъ его, а предпочелъ передѣлать просто въ типъ пожилаго малоросса. Небольшой карандашный портретъ поэта очень замѣчателенъ. Онъ представленъ здѣсь лѣтъ 25—6. Здѣсь нѣтъ и тѣни той условности, которой отличается изданный нѣсколько лѣтъ портретъ Шевченка, также въ молодости, задрапированнаго въ плащъ, съ театральнымъ поворотомъ головы. Портретъ очень простъ и выразителенъ, глаза полны ума.

Первый изъ альбомовъ—тетрадка въ 28 листовъ картона, въ продольную осьмушку, въ обтертомъ коричневомъ переплетѣ.

На внутренней обложкѣ, съ одной стороны, среди головокъ и набросковъ, замѣтка рукою Шевченка: «когда смѣлое предпріятіе оказалось удачнымъ, оно перестаетъ уже быть невозможнымъ». На другой—стихъ 13 изъ 87-го псалма: «Егда познани будутъ во тмѣ чудеса твоя и правда твоя въ землѣ забвенній»... и отрывки изъ пѣсень. Альбомъ относится къ 1843 году.

Онъ начатъ, вѣроятно, въ Петербургѣ. На листкахъ зачерчены маленькіе рисунки, сцены, этюды, головки, типы, какъ это водится всегда у художниковъ, все большею частью карандашемъ, многое стерлось.

Вотъ маленькій набросокъ женщины съ дѣвочкой, въ дорожномъ платьѣ, съ дорожной клюкой въ рукахъ, прислонившейся около дерева; николаевскій солдатъ съ ружьемъ, барышня 40-хъ годовъ, булочники, какая-то сцена въ трактирѣ, арестъ какого-то бородача, молодой человѣкъ, лежащій на постели, съ книгою въ рукахъ, солдатъ верхомъ, голова лошади, фигуры въ ракурсѣ... Потомъ,

какъ-бы переходъ, переѣздъ на югъ. Дорога, обсаженная деревьями, этюды деревьевъ, и дальше идутъ малороссійскіе типы и лица. Первая сцена: два крестьянина сидятъ на землѣ за пляшкой и чаркой, одинъ частуетъ другого. Подпись: «Куринь Стрючка», какое нибудь дорожное воспоминаніе. Слѣдуютъ за тѣмъ фигуры парубковъ и дальше маленькій портретъ въ профиль стараго крестьянина, съ длинной бородой, крючковатымъ носомъ, съ нависшими бровями, въ кобенякѣ. Подпись: «батько Шевченка» (по указанію самаго Ш-ка)." Едва зачерчены—набросокъ Кіева съ Днѣпра, бабы въ намиткахъ, довольно выконченный пейзажъ съ хатой и деревьями. Идутъ дальше: этюды для двухъ композицій «Живописной Украины», нѣсколько разъ повторенные типы старостъ, сватовъ, парубковъ, солдата, набросокъ «Судной Рады». Типы для «сватовъ» очевидно всѣ дѣланы съ натуры.

За этимъ нѣсколько листовъ исписано стихами. Это все народныя пѣсни, записанныя во время странствованій. Тутъ хорошій и сжатый варіантъ пѣсни о Бондаренкѣ:

Въ Макаровѣ славномъ мѣстѣ пророчисте свято,
Вже-жъ нашого Бондаренка у неволю взято.
Да повезли Бондаренка въ Чернобыль до миста,
Поставили Бондаренка да й у колодиска,
Да послали Бондаренку соломы въ головки.
— Не стелить мени, вражи сыны, соломы въ головки,
Да постелить, вражи сыны, жидивски подушки!"
Да повезли Бондаренка въ поле до крыныци,—
„Ой оддавай, вражый сыну, янчарки й рушныци!"
Да вдаривсь Бондаренко объ колоду бокомъ,
Тоди сказавъ Бондаренко: „се вже не знарокомъ!"
Межигорье, на Днѣпрѣ 1843 г. іюня 13.

Полустерта, къ сожалѣнію, пѣсня о Паліѣ и Мазепѣ. Отчетливо мелькаютъ только отдѣльныя строчки послѣ того мѣста, гдѣ царь велитъ выпустить Палія изъ темницы:

Ой ище хмиль зелененькій зъ земли вытыкався,
А вже Палій, а вже Семенъ зъ Шведомъ воёвався.
А уже хмиль зелененькій схилывся до долу,—
Не пускае Семенъ Палій а Шведа до дому....
, ...
Якъ зійшовъ Палій Семенъ на высоку могилу,
Стийте, братци, не лякайтесь, ще-жъ я не загынувъ!...

Послѣ этой, идетъ извѣстная превосходная пѣсня о чужинѣ: «Все луги, все береги, ниде воды да напитися»..., съ ея поэтич-

нымъ концемъ: «Не вси тіи сады цвитуть, що весною розвиваютця, не вси тіи винчаютця що люблятця та кохаютця»—и подписью: «13 іюня, въ ночи на плоту на Днѣпрѣ, противъ Межигорскаго монастыря».

Кончается альбомъ наброскомъ сцены какой-то университетской лекціи; студенты въ мундирахъ и профессоръ, анатоміи надо думать,—толкующій что-то съ каѳедры съ костью въ рукахъ. На послѣднемъ листкѣ опять малороссійскія сцены.

Второй альбомъ—дорожный альбомъ Шевченка, какъ рисовальщика кіевской археографической коммисіи (относится онъ, вѣроятно, къ 1844 году). Онъ того же формата, заключаетъ въ себѣ рисунки карандашемъ, акварелью и сепіей, которые идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Густынскій монастырь. Видъ главнаго храма до «реставраціи», съ повалившимися крестами [1]). 2) Брама въ Густынѣ,—полуразразрушенныя ворота, надъ которыми была церковь св. Варвары, построенная прилуцкимъ полковникомъ Горленкомъ. 3) Церковь во имя св. Михаила, въ Переяславѣ. 4) Вознесенскій соборъ въ Переяславѣ, построенный гетманомъ Мазепой. Видъ извнутри двора. 5) Покровская церковь въ Переяславѣ, построенная полковникомъ Мировичемъ. Это—жанровая картинка: раннее утро, баба отворяетъ ставни въ домѣ, идутъ евреи, свинья переходитъ черезъ лужу. 6) Андруши (село подъ Переяславомъ, принадлежащее полтавской архіерейской каѳедрѣ). Видъ съ гребли. 7) Еще Андруши. Архіерейскій домъ съ боку. 8) Комора въ селѣ Потокахъ. Старосвѣтская постройка оригинальной архитектуры, въ полтора этажа. 8) Могильные кресты въ Субботовѣ, массивные, каменные, ушедшіе въ землю, съ закругленными углами. 9) Мотринъ монастырь. 10) Чигиринскій монастырь (дѣвичій). 11) Полуразрушенная каплица (безъ помѣтки). 12) Богдановы руины въ Субботовѣ—развалины дома Хмельницкаго и построенной имъ церкви. 13) Богданова церковь въ Субботовѣ. 14) Чигиринъ, зъ Субботовского шляху—жалкое село, напоминающее своимъ видомъ невольно стихи Шевченка: «Чигирине, Чигирине, все на свити гине»... 15) Хата надъ Днѣпромъ. 16) Вьюнище (село переяславскаго уѣзда). Внутренность панскаго двора. 17) Хата въ переяславскомъ уѣздѣ.

[1]) Интересующихся подробностями художественныхъ экскурсій поэта отсылаемъ опять къ повѣсти „Музыкантъ“, изданной въ газетѣ „Трудъ“.

18) Въ Густыни—зимняя церковь, перестраивающаяся. 19) У Васыливци. Какая-то не то колокольня, не то ворота и дворъ, заросшій деревьями.

Изданіе, по своей рѣдкости почти равняющееся подлиннымъ рисункамъ, «Живописная Украина», имѣется также въ Качановской коллекціи. Подъ редакціей Шевченка вышелъ всего одинъ выпускъ этого альбома въ Петербургѣ въ 1844 году. Это большая тетрадь отдѣльныхъ листовъ рисунковъ eau forte in 2°. На оборотѣ обложки читаемъ:

Въ составъ изданія входятъ слѣдующіе предметы:

1. Виды, по красотѣ или по историческимъ воспоминаніямъ примѣчательные: храмы, укрѣпленія, курганы и все, что время пощадило.

2. Народный бытъ настоящаго времени—обычаи, обряды, повѣрья, суевѣрія, сказки и пѣсни.

3. Историческія важнѣйшія событія отъ Гедимина до уничтоженія гетманства и краткое описаніе картинъ на языкахъ южно-русскомъ и французскомъ.

Въ 1845 году выйдутъ картины слѣдующія:

1. Виды. Чигиринъ, Суботове, Батуринъ, Покровская Сѣчевая церковь.

2. Похороны *молодои* (невѣсты). „Ой ходывъ чумакъ симъ рикъ до Дону" (пѣсня), Перезва (свадебный обрядъ) и Жнива.

3. Иванъ Подкова въ Львовѣ. Сава Чалый. Павло Полуботокъ въ Петербургѣ. Семенъ Палій въ Сибири.

Цѣна за 12 картинъ 5 рублей серебр. Продается и подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Варшавѣ, въ Харьковѣ, въ Полтавѣ, въ Черниговѣ и въ Одессѣ.

Картины перваго выпуска исполнены всѣ eau forte. Ихъ шесть.

1. *Судня рада*—сходка подъ хатою. Отаманъ сидитъ на присьбѣ, народъ стоитъ кругомъ въ разныхъ положеніяхъ. Подпись: «Отаманъ сбира на село громаду, колы що трапытця незвичайно, на раду и судъ, коло оранды, або на майдани. Громада, порадывшы и посудывшы добре и давшы миръ ворогамъ, чи то кару, росходытця, пьючи по чарци позвовои».

2. *Дары* въ Чигрыни 1649 року. Въ Богдановой свѣтлицѣ, у стола, на которомъ разложены подарки, ждутъ гетмана послы московскій, польскій и турецкій. Стража изъ козаковъ стоитъ у дверей, ожидаютъ появленія Хмельницкаго. Крайніе отдаютъ уже честь, гетманъ сейчасъ долженъ войдти. Подпись: «Изъ Царыграда, изъ Варшавы и Москвы прибувалы послы зъ велыкимы дарамы еднать Богдана и народъ украинскій, уже вольный и сыльный. Султанъ, окроме велыкого скарбу, прыславъ Богданови червоный оксамытовый жупанъ

на горностаевій хутри, на шталтъ княжой порфиры, булаву и шаблю. Одначе рада (опрыче славнаго лыцаря Богуна) прысудыла еднать царя московского».

3. *Старосты.* Картина изображаетъ моментъ подачи невѣстой рушниковъ, почти всѣ фигуры находятся въ этюдахъ въ альбомахъ Шевченка. Этотъ рисунокъ отличается превосходнымъ освѣщеніемъ. Приводимъ подпись, для образца, въ оригиналѣ и переводѣ:

Покохавшись лито чи то два парубокъ зъ дивчиною, роспизнавши и уподобавши одно другого, парубокъ до дивчиного батька и матери посылае старостивъ, людей добромовыхъ и на таку ричъ дотепныхъ. Колы батько и маты поблагословлять, то дивчина, перевязавшы старостямъ рушныкы черезъ плечи, подае зарученому своему на тарильци або крамну, або самодильну хустку.

„Un jeune homme, apres une cour, faite pendant une année ou deux a une demoiselle, autant pour se faire apprecier, que pour se persuader des bonnes qualitees de la demoiselle, envoye aux parents de celle-ci et avec son agrement la demande en mariage. Les porteurs de la demande, qui prennent le nom des starostis, sont d'ordinaire des hommes influants et des beaux diseurs. S'ils reussissent a faire agreer la demande, la pretendue leurs passe à chacun un essuie-main sur l'epole droite, en guise de cordon; puis elle fait venir le pretendu et lui offre un mouchoir brode le plus souvent des ses propres mains".

4. *Выдубецкій манастыръ* у Кыиви.

5. *Казка*—солдатъ и смерть. Солдатъ на костылѣ присѣлъ на дорогѣ возлѣ сельскихъ мельницъ. Возлѣ него смерть съ косой, скелетъ, въ намиткѣ, запаскѣ и плахтѣ. Солдатъ подноситъ ей рожокъ съ табакомъ. Подпись:—«а видкиля и куды Богъ несе, господа москалю, и де табачку бралы? Чи не зъ чемерычкою часомъ? Бо мы васъ знаемо, поддобрики!—Изъ самои Расѣи идемъ на тотъ свѣтъ, сударыня смерть. А табачокъ истинно лубенскій»... Мотивъ этой извѣстной народной сказки выбранъ необыкновенно счастливо. Во всей композиціи, отмѣченной глубокимъ, гольбейновскимъ сарказмомъ, выражена прекрасно эта иронія смерти, любовницы солдата и смиренная, незлобивая покорность судьбѣ воина.

6. *У Кыивы.* Приднѣпровскій видъ: берегъ съ вербами.

Отдѣльная пачка картинокъ, присланныхъ изъ ссылки, содержитъ въ себѣ: виды новопетровскаго укрѣпленія, сцены и виды въ

пустыни, рисованныя вѣроятно во время извѣстной экспедиціи Бутакова, въ которой принялъ участіе Шевченко въ качествѣ рисовальщика. Тоской и безжизненностью вѣетъ отъ изображеній тѣхъ мѣстъ, гдѣ прошли эти грустные годы въ жизни поэта. Такъ и повторяешь слова изъ его письма: «тамъ горе, степи, а въ степяхъ казармы, а въ казармахъ салдаты» и представляешь себѣ его между ними.

В. В. Тарновскому принадлежатъ и гравировальныя доски двухъ изъ указанныхъ композицій: «Судной Рады» и «Сватовъ». Онѣ хорошо сохранились и могли-бы дать еще удовлетворительные оттиски. Если-же состоялось-бы когда нибудь изданіе fac simile рисунковъ Шевченка, то описанные здѣсь альбомы не должны быть оставлены безъ вниманія.

В. Горленко.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ И ПО ПОВОДУ ЕГО.

«Въ 1-й книжкѣ «Кіевской Старины» сего года (стр. 206—208) напечатанъ очень интересный и живой разсказъ о посѣщеніи Гоголемъ гадячской ратуши въ 1833 или 1834 году, вмѣстѣ съ тогдашнимъ полтавскимъ губернаторомъ. При этомъ авторъ замѣтки ласково дѣлаетъ мнѣ запросъ, не могу-ли я разъяснить обстоятельствъ этого посѣщенія. Какъ молчать, когда рѣчь зашла о Гоголѣ!? Съ полной охотою сообщаю все то, что знаю навѣрное и что думаю объ этомъ.

I. Губернаторомъ въ Полтавѣ былъ въ то время *Пав. Ив. Могилевскій*, назначенный изъ черниговскихъ губернаторовъ 1828 г. іюля 15, а умершій въ Полтавѣ 1840 г. августа 22. Стало быть, въ годы 1833—34 онъ не былъ *новоназначеннымъ*, какъ разсказывалъ автору замѣтки старожилъ-очевидецъ, и трепетать предъ нимъ до такого самозабвенія не было никакого повода.

II. Гоголь вовсе не былъ на родинѣ ни въ 1833, ни въ 1834 году, а пріѣзжалъ туда лѣтомъ 1832. Послѣ четырехлѣтней разлуки съ горячо-любимой матерью и сестрами, да еще при хиломъ здоровьѣ и разстройствѣ желудка, на что онъ то и дѣло жаловался въ письмахъ того лѣта къ Погодину, едва-ли у него была возмож-

ность пускаться въ разъѣзды съ губернаторомъ. Отношенія его къ губернатору Могилевскому мнѣ неизвѣстны, но онъ оберегаетъ отъ нихъ свою мать (т. V, стр. 163, изд. 1851 г.), и потому едва-ли эти отношенія могли быть близки до того, чтобы разъѣзжать съ губернаторомъ на ревизію; при этомъ надо вспомнить, что такое были *тогдашніе* губернаторы!.. Былъ Гоголь на родинѣ и въ 1835 г., но каковъ онъ былъ тогда, объ этомъ разсказываетъ намъ Максимовичъ въ своихъ «Письмахъ о Кіевѣ» (Спб. 1871 г., стр. 55).

Въ 1838 году Гоголь писалъ своему другу А. С. Данилевскому между прочимъ вотъ-что: «по нѣсколькимъ нечаянно сказаннымъ словамъ въ письмѣ маменьки, я могъ также замѣтить, что *мои соотечественники*, т. е. *полтавской губерніи*, *терпѣть меня не могутъ*» (т. V, стр. 354).—Какъ хотите, но въ числѣ этихъ соотечественниковъ мнѣ яснѣе видится губернаторъ, чѣмъ въ гадячской ратушѣ.

III. Ничего подобнаго, ни даже намека на это событіе я не встрѣчалъ ни въ одной изъ многочисленныхъ статей о Гоголѣ; ничего подобнаго не слыхалъ я и отъ М. А. Максимовича, дружески знавшаго Гоголя съ октября 1832 года. Думается далѣе, что какъ-бы ни были просты наши *отцы*, но не такіе-же они были дурни, чтобы ломать такую комедію. Могъ-ли какой-то перепуганный *докладчикъ* говоритъ длинный рапортъ наизусть? Что могло быть смѣшного въ этомъ рапортѣ или въ манерѣ его произношенія? Если человѣкъ струсилъ до жалости—что тутъ смѣшного? Могъ-ли Гоголь, обыкновенно недовѣрчивый, сдержанный, не владѣть собою на столько, чтобъ «*зареготаться на всю ратушу?*» Далѣе—я помню старыя ратуши, въ нихъ были ратманы, бургомистры; въ случаяхъ важныхъ ихъ представлялъ городской голова; вотъ кому слѣдовало подавать рапорты, въ первую встрѣчу съ губернаторомъ, а не какому-то докладчику... Въ концѣ концевъ, если и было что нибудь подобное, то безъ сомнѣнія не съ Гоголемъ, а съ кѣмъ нибудь другимъ, а къ Гоголю оно ужъ отнесено, какъ обыкновенно комическое приписывается комику. Если-бы это было съ Гоголемъ и такъ сильно позабавило его, онъ-бы непремѣнно вывелъ это въ своихъ произведеніяхъ, эскизахъ, записныхъ книжкахъ,—а то нигдѣ ни словечка!»...

С. Пономаревъ.

Помѣщая съ признательностію эту выдержку изъ письма почтеннѣйшаго нашего библіографа, такъ сочувственно отозвавшагося на сдѣланное обращеніе къ нему, не можемъ не отвѣтить ему на сдѣланныя имъ возраженія противъ сообщеннаго г. Луговымъ факта,—мелочнаго, случайнаго, но получающаго интересъ отъ личности великаго писателя, къ которому онъ относится.

Благодаря вашей, многоуважаемый Степанъ Ивановичъ, удивительной пунктуальной точности и обилію свѣдѣній въ такомъ микроскопическомъ фактѣ, какъ обстоятельства, соприкосновенныя съ фактомъ посѣщенія Гоголемъ гадячской ратуши, мы узнаемъ, кто былъ тогда на родинѣ Гоголя губернаторомъ, когда онъ туда назначенъ и даже когда умеръ. Но мнѣ кажется, что именно эта точность ваша и мѣшаетъ вамъ признать вѣрность факта, переданнаго свидѣтелемъ-очевидцемъ, а ея, уже *лѣтъ ради*, нельзя требовать отъ разсказчика очевидца. Мало-ли чего мы не удерживаемъ въ памяти! Иногда чрезъ небольшой промежутокъ времени мы не можемъ припомнить имени, отчества и фамиліи лица близко знакомаго. Да что говорить? Былъ такой дѣйствительный случай. Къ одному многосемейному протоіерею зашелъ въ домъ, во время проѣзда по епархіи, архіерей. У о. протопопа было свыше 10 дочерей и одинъ сынъ—всѣ малъ-мала меньше. Высыпала вся эта каша къ преосвященному подъ благословеніе. Тотъ любовно смотритъ на этотъ виноградъ и ласково спрашиваетъ счастливаго отца: «да много-ли ихъ у васъ?» Отецъ долго посматривалъ то на дѣтей, то на худенькую и маленькую свою жену, замялся какъ-то, покраснѣлъ до ушей и наконецъ отвѣтилъ: «ей, ей, владыко, не считалъ»! Послѣ этого факта не удивляйтесь, что человѣкъ въ лѣтахъ, *множае* которыхъ *трудъ и болѣзнь*, не помнитъ точно года, въ которомъ извѣстный губернаторъ ревизовалъ ратушу, спутываетъ даже, былъ-ли этотъ губернаторъ *ново*-назначеннымъ или недавно назначеннымъ. Онъ и въ ту пору не зналъ, конечно, того, что этотъ губернаторъ былъ назначенъ *15 іюня 1828* года. Говоритъ онъ: *1833 или 1834 г.*, а по вашему выходитъ, что Гоголь былъ на родинѣ, а слѣд. могъ быть и въ Гадячѣ, въ 1832 и 1835 г. Ну, значитъ старикъ ошибся на одинъ годъ и только. Но онъ помнитъ фактъ, его существенныя черты,—какая надобность въ мелочахъ?

Не могъ-бы, думается вамъ, *не* новоназначенный губернаторъ навести такой страхъ? Но, скажу вашими-же словами, «надо вспонить, что такое были тогдашніе губернаторы»... Чувство страха пробудить въ насъ не трудно; это чувство у насъ традиціонное, чуть не прирожденное; оно воспитывалось въ насъ вѣками; его нерѣдко смѣшивали даже съ страхомъ Божіимъ, совсѣмъ забывая, что это только страхъ человѣческій...

Гоголь, говорите, въ 1832 году страдалъ желудкомъ?.. Страдаютъ этою частію и многіе люди, и однако при случаѣ ѣздятъ, хотя и не съ губернаторомъ. Извѣстно, болѣзнь временная и совсѣмъ не угрожающаго свойства.

«Отношенія Гоголя къ губернатору Могилевскому вамъ неизвѣстны, но онъ, говорите, оберегалъ отъ нихъ свою мать».—Кому не случалось ѣхать подъ часъ съ человѣкомъ совсѣмъ непріятнымъ? Но ѣдете, жертвуя иногда мелочью для болѣе важнаго, а иной разъ потому только, что такъ какъ-то случилось. Я зналъ даже случай, что смотритель и инспекторъ одного училища (давно правда это было) ѣхали на одной, совмѣстно нанятой, подводѣ жаловаться другъ на друга по начальству. Но это было намѣренно и по предварительному уговору. А вѣдь Гоголь могъ ѣхать съ губернаторомъ при отношеніяхъ неопредѣленныхъ, и не то, что по губерніи, а такъ до извѣстнаго пункта, вслѣдствіе случайнаго напр. упоминанія имъ въ разговорѣ о задуманной поѣздкѣ въ ту-же сторону, куда и губернаторъ ѣхалъ, и любезно сдѣланнаго послѣднимъ предложенія. Не даромъ и г. Луговой, говоря объ этой поѣздкѣ, ставитъ вопросъ о томъ, была-ли она напередъ условленною или случайною. Случайное происходитъ именно внѣ всякихъ правилъ и соображеній. Случалось, можетъ быть, и вамъ, что вдругъ мало знакомый и даже впервые встрѣтившійся съ вами у знакомыхъ человѣкъ «всадитъ васъ на свой скотъ» да и подвезетъ васъ до угла улицы, на которой вы живете, и даже до самой вашей квартиры или дома.

Полтавскіе соотечественники Гоголя, какъ самъ онъ писалъ, терпѣть его не могли, и въ ряду ихъ вамъ видится губернаторъ; но Гоголь писалъ объ этомъ не въ 1832 году, на который, по всему вѣроятію, падаетъ его пріѣздъ въ Гадячъ, а въ 1838 г., когда на сценѣ полтавскаго театра прошелъ уже «Ревизоръ», когда, вообще произведенія Гоголя пріобрѣли большую извѣстность и когда явились

у него враги даже изъ-за такого мѣста въ «Мервыхъ Душахъ», какъ о мѣткости русскаго прозвища, которое идетъ за человѣкомъ всюду и объясняетъ его такъ, что «и не надо уже говорить, какой у кого носъ»... и проч. Чѣмъ дальше, тѣмъ число враговъ у Гоголя было больше, и уже спустя годъ послѣ его смерти я встрѣтилъ въ орловской губерніи одного средней руки помѣщика, который не могъ слышать имени Гоголя именно изъ-за этого несчастнаго слова *носъ*. А носъ у него дѣйствительно былъ по пословицѣ: «якъ за симъ пятакивъ сокира».—Но это мимоходомъ.

Вы говорите затѣмъ, что ничего похожаго на случай въ Гадячѣ вы не нашли ни въ одной изъ многочисленныхъ статей о Гоголѣ, ничего подобнаго не слышали отъ друга его М. А. Максимовича. Но потому именно этотъ фактъ и остался въ неизвѣстности, что онъ не представлялъ собою ничего особеннаго и, быть можетъ, въ душѣ самаго Гоголя оставилъ лишь мимолетное впечатлѣніе. А что въ гадячской ратушѣ было отъ чего разсмѣяться, въ этомъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе. Вспомните картину появленія городничаго у ревизора, нарисованную тѣмъ-же Гоголемъ. Думаете-ли, что въ гадячской ратушѣ стояли предъ губернаторомъ ангелы во плоти? Голова, бургомистръ, ратманъ—вѣдь это тотъ-же городничій, только степенью ниже. Что не голова читалъ, или подалъ при этомъ рапортъ, это не должно казаться чѣмъ либо не натуральнымъ въ разсказѣ. Во 1-хъ не всегда названіе голова отвѣчаетъ именно этой части тѣла, какъ это категорически заявилъ въ свое время кіевскій генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ кіевскому-же городскому головѣ [1]), а во 2-хъ навѣрное сказать нельзя, читаемъ-ли былъ тогда репортъ, или что другое. А почемъ знать, можетъ быть это была рѣчь? Вѣдь тогда въ ходу еще были рѣчи, а въ такомъ случаѣ сцена могла быть еще забавнѣе. На сдержанность Гоголя ссылаться тутъ нечего: бываютъ такія сцены, отъ которыхъ, какъ говорится, мертвый въ гробу разсмѣялся-бы. Наконецъ словъ: «зареготався на всю ратушу» не слѣдуетъ, конечно, понимать буквально. Это выраженіе фигуральное, мѣсто топическое; тутъ сказалось субъективное ощущеніе свидѣтеля-разсказчика, крайне огорченнаго слышаннымъ или замѣченнымъ смѣхомъ.

---

[1]) См. „Кіев. Старина" за 1882 г., іюльск. кн., стр. 70.

Итакъ приведенныя вами, С. И., возраженія на нашъ взглядъ не подрываютъ достовѣрности переданнаго г. Луговымъ разсказа очевиднаго свидѣтеля посѣщенія Гоголемъ гадячской ратуши. Прибавлю еще, что будь возраженія и болѣе сильныя, все таки сказать было-бы можно, что «не выссавъ-же винъ того зъ свого пальця».

ОТЧЕТЪ ГЛАСНАГО 1865 Г.

Подъ такимъ заглавіемъ намъ сообщено А. М. Лазаревскимъ помѣщаемое здѣсь стихотвореніе, въ которомъ представлено съ точки зрѣнія крестьянъ первое черниговское губернское земское собраніе, бывшее осенью 1865 года. Земское собраніе 20 лѣтъ назадъ—это уже достояніе исторіи. Голосъ земца того времени важенъ, какъ указаніе на то, съ какими мыслями въ первый разъ приступало названное земство къ выполненію своей задачи и какъ взглянулъ народъ какъ на это выполненіе, такъ в вообще на самое учрежденіе. Нужды нѣтъ, что это голосъ сатиры, что стихотвореніе отъ начала до конца проникнуто ѣдкою ироніею. Исторія отыщетъ здѣсь свое,—тѣ типичныя реальныя черты, которыми запечатлѣна мѣстная жизнь того времени.

Авторомъ предлагаемаго стихотворенія былъ Василій Ивановичъ Лизогубъ, уланскій полковникъ, отличавшійся замѣчательнымъ остроуміемъ. Послѣ него остались Записки, въ которыхъ, какъ говорятъ читавшіе ихъ, онъ съ большимъ остроуміемъ описалъ разныя жизненныя свои встрѣчи. За смертію единственнаго сына В. И. Лизогуба Записки эти неизвѣстно куда дѣвались.—Не откликнется-ли нынѣшній ихъ владѣлецъ и не подѣлится-ли ими съ читающею публикой? А пока помѣщеніемъ настоящаго стихотворенія, помимо его интереснаго содержанія, напомнимъ объ одномъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, человѣкѣ не дюжинныхъ дарованій, любившемъ еще рѣчь родную.

Въ Чернигови, у земскій ради
Отце и я бувъ у громади.
Чувъ одъ старого Остапця,
Що въ Нижини якъ Иваньця [1])
Колись въ гетманы выбирали,

---

[1]) Брюховецкаго.

Такъ и шаблюки добували.
А тутъ не такъ було воно;
Теперъ вси буцимъ за одно.
Де дилась и та пыха паньска!
Отъ заразъ голова дворяньска
До себе гласныхъ запросивъ,
За стилъ у купи зъ нами сивъ
Да и обидавъ разомъ зъ нами.
Мы, опинившись межъ панами,
Були соби ни въ тихъ, ни въ сихъ,
Ажъ сумно стало для усихъ.
Бо говорить, извистне дило,
И зъ становымъ не будешъ смило.
Но тильки бачимъ, що паны
Зробились наче не вони:
Сажае поровень зъ собою
И гомонить якъ я зь тобою.
Що хочъ спитай, на все, якъ слидъ,
Розумный заразъ дасть отвитъ.
Винъ думку на лёту хватае,
Неначе изъ очей читае,
Про що миркуе голова,
И все выводить на слова.
Сидили довго за столомъ,
Пили и ѣли вси гуртомъ.
Стравъ подавали намъ чимало
Да бачъ варениковъ чортъ-мало.
Ни сала, ни крутыхъ яиць
Ни борщику, ни паляниць,
Ни пиннои—стаканомъ повнымъ
Насъ частовали все церковнымъ.
Наились добре, напились,
Ажъ захотилося кудись.
Проспавсь я добре на соломи
У жида въ постоялыюмъ доми.
У раньци проклятущій жидъ,
Принисъ и дёгтю для чобитъ;

Гарнесенько причепурившись
И на сходъ сонця помолившись,
Вже до громады я попхавсь
И вельми дуже дивовавсь,
Що и паны вже повставали
И до громады поспивали.
Коштовни кони и рыдванъ...
Уже видно, що йде панъ,
И всякому, дивлюсь, звертае;
Поклонишься, такъ привитае,
Неначе кумъ, хоть родичъ свій.
Зувсимъ не те, що становый.
Зибрались у дворянську хату;
Паны межъ насъ за панибрата,
Де що роспитують у насъ—
Нихто не лаявся ни разъ.
Да й хата-жъ тамъ такои мери,
Що зъ возомъ сина въидешъ въ двери.
Зошлись мы наче на майданъ,
Чого не выдумае панъ!..
Тамъ тепло, хочъ не мае пички.
Ходить тамъ тильки зъ непривычки
Не вміе нашъ братъ мужичокъ,
Бо ковзько, наче голощокъ.
Отъ и почали толковати,
Щобъ щось тамъ преобразовати.
У хати дуже загуло,
Ничого не чутно було.
И я хотивъ де що казати,
Да не зъумивъ ніякъ почати.
Къ тому я пану и пидбивсь,
Що на обиди подруживсь.
Сей рикъ, кажу, изъ десятины
Мы не взяли и половины,
Бо вся весенняя пора
Була великая жара.
Мы жито перемолотили

И все уже теперъ поняли,
То коли-бъ тее... да й замовкъ
Да и туляюсь наче вовкъ.
Винъ и гукнувъ, що просить слова.
Затихли вси; а ёго мова...
Якъ говорити винъ почавъ,
Не то, щобъ дуже винъ кричавъ,
А такъ глаголавъ, що здаеться,
Зовсимъ якъ ричка льеться.
И говоривъ все якъ зъ письма:
Опасно, каже, намъ весьма...
При нынишнимъ неурожаи
Народу голодъ угрожае.
Такъ щобъ отто министръ отдавъ
Составившійся капиталъ
Изъ зборивъ за сорокъ два года
Для продовольствія народа.
Дворянсьтво дружно загуло;
Ажъ страшно слухати було,
Воно якъ справди росходилось.
У мене зъ ляку сердце билось
Объ ребра, наче молотокъ.
Я заховався у кутокъ
И бачу, що двохъ послали,
Щобъ то на дроти написали
Се до министра въ Петербургъ.
Повивъ очима я вокругъ:
Ось, думаю, бида дай годи,
Колибъ добраться до господы,
Побигти запрягати возъ;
А по спыни дере морозъ.
Бо той министръ—страшная вова
Напише винъ до станового,—
Мене той знайде чортъ ви-де
И на мотузци приведе.
Ни, якъ се пійде забуяньство,
Такъ мы все звернемъ на дворяньство.

Соби миркую такъ, а се
Изъ дрота хтось отвитъ несе:
Министръ звеливъ забрать намъ гроши.
Отъ присидатель-бы хорошій
Намъ выйшовъ изъ мого панка!
Зійшлась громада безъ звонка,
У поясъ пану поклонилась,
Просила да не допросилась.
Нельзя... и въ доказательство
Якеесь обстоятельство
Винъ дуже довго намъ казавъ,
Та на другихъ и показавъ.
Мы на ёго и позырали,
Якъ ихъ зъ упраѵу выбирали.
Попавсь туды и нашъ одинъ
Да якъ-же тильки вражій сынъ,
Теперъ винъ губу вже копылить!
Никому шапки не ухилить.
А я скажу усимъ не въ гнивъ:
Далеко нашимъ до панивъ!
Хоть якъ нашъ братъ не вередуе,
Такъ языка не нагартуе,
Бо бачите, що ти паны
На книжки тïи ихъ одни
По стильки переводять грошей,
Що хуторъ-бы купивъ хорошій.
А нашъ, укравши букварa,
Походить до паламаря,
Да вже якъ вывчиться Жаръ-птыци,
Такъ и береться до столыци.
Побачивши, що тамъ уси
И байдуже о сели,
Такъ и ёго на пана вадить,—
Ничого й бисъ ёму не врадить.
Забувши ридъ свій и себе,
По паньски чуба розскубе,
Да ще повыризае полы,

Щобъ чрево оставалось голе,
И выставляе на показъ,
Що закрываеться у насъ.
Не люльку палить, а сигары,
Наткне на кирпу окуляры
И черезъ синее стекло
Дивитись прыйде на село.
Усихъ соби за дурнивъ мае
И батька й матиръ часомъ лае,
Зове себе передовымъ
И братаеться зъ становымъ.
Погано, якъ пороблять школы,
Бо й загуляе наше поле.
А сами справди вы скажить,
Чи можно-жъ намъ безъ хлиба жить?
А вже якъ сядемъ мы читати,
Не будуть и волы орати.
Було-бъ латвійшъ воно,
Щобъ всякій знавъ соби одно:
Козакъ стреляй, чернецъ постись,
Правдивый панъ письма учись,
Судья—такъ взятокъ не бери,
А посполитые—ори.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Въ только что изданномъ отчетѣ Императорской публичной библіотеки за 1883 годъ находимъ, между прочимъ, слѣдующія названія книгъ, относящихся къ кіевскимъ событіямъ прошлаго столѣтія:

1) Благоутробіе Марка Аврелія Антонина кесаря римскаго. Діалогъ съ прологомъ и эпилогомъ. Во время благополучнѣйшаго и всевожделѣннѣйшаго прибытія въ Богоспасаемый градъ Кіевъ государыни императрицы Елисаветы Петровны, съ любезнѣйшимъ своимъ племянникомъ и наслѣдникомъ скипетра всероссійскаго, государемъ, великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ и обрученною

его невѣстою благовѣрною государинею веноликою княжю Екатериною Алексѣевною. Чрезъ учащихся въ кіевской академіи юношъ дѣйствительно состоявшійся 1744 года (для мѣсяца и числа оставленъ пробѣлъ, а въ львовскомъ изданіи этой книги 1745 г., выставлено: септемврія 5 дня). При тщаніи и досмотрѣ іеромонаха Михаила, академіи кіевской префекта.—Всего лишь два листа книги. На оборотѣ 2-го листа: «печатано въ кіево-печерской типографіи 1744 г.» Въ листъ.

2) На тріумфальныхъ кіево-печерскихъ воротахъ до ангела держащаго хартію Стихи.—Въ концѣ стиховъ, на оборотѣ листа «сіи стихи сложены отъ академіи кіевскія, а корриговалъ іеромонахъ. Михаилъ академіи кіевской префектъ. 1747 г. іюля 4 дня». 1 листъ, въ листъ.

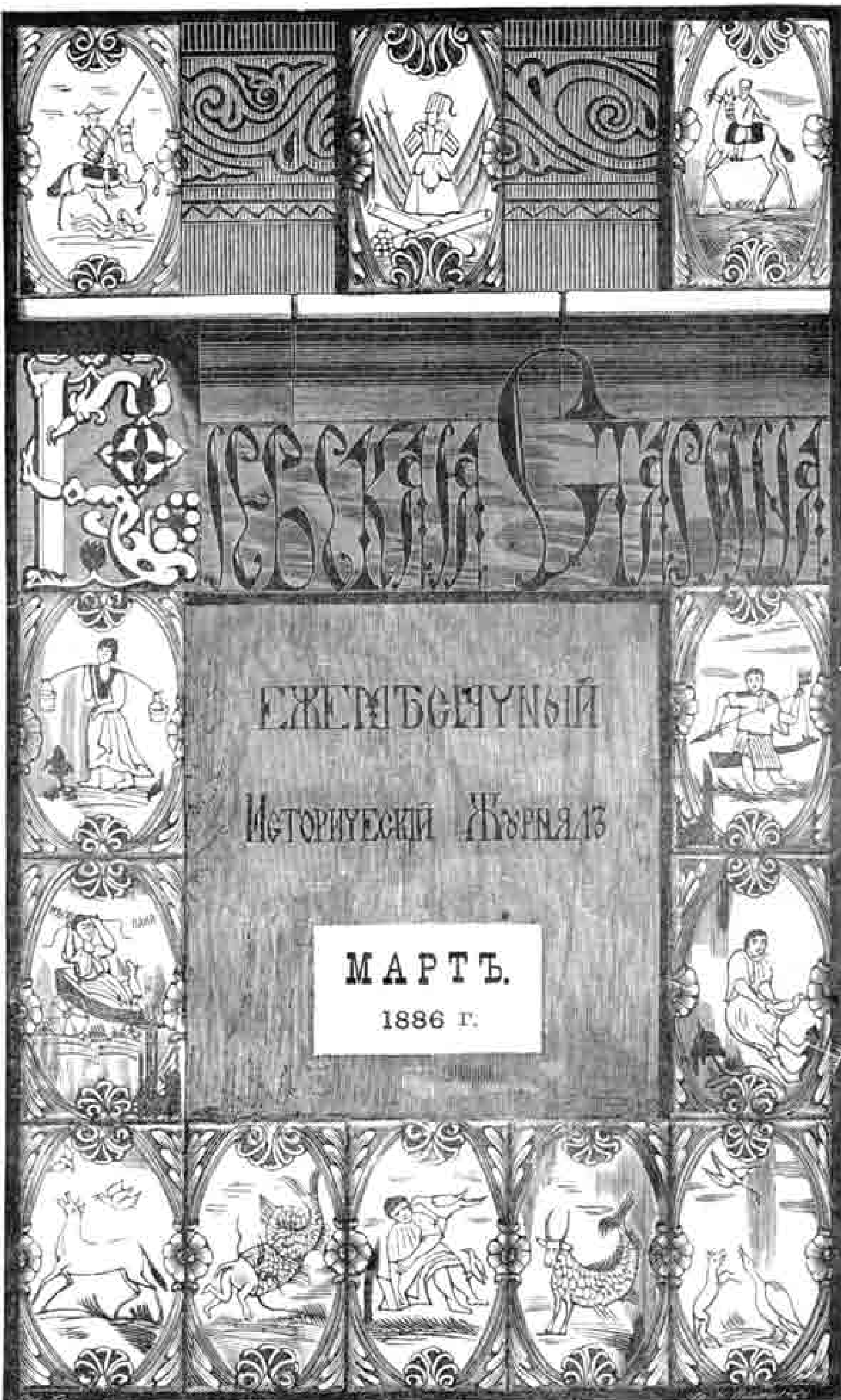
3) Описаніе толкованію тріумфальнымъ воротамъ.—Въ листъ 2 листа. На оборотѣ 2 листа мелкимъ шрифтомъ напечатано: «вышеписанное тріумфальнымъ воротамъ описаніе съ толкованіемъ, инвентировано и построено, при кіевской инженерной командѣ, по высочайшему ея императорскаго величества указу, присланному изъ правительствующаго сената, и по всемилостивѣйшей ея императорскаго величества аппробаціи, подъ смотрѣніемъ генерала и кіевской губерніи генералъ-губернатора Леонтьева 1744 г. августа (для числа оставлено мѣсто). Инженеръ подполковникъ Даніилъ де-Боскетъ».

Послѣднія два изданія напечатаны тѣмъ-же шрифтомъ, что и первое, почему несомнѣнно, что появленіе ихъ на свѣтъ вызвано тѣмъ-же пріѣздомъ имп. Елисаветы Петровны въ Кіевъ.

Обращаемъ вниманіе занимающихся южно-русскою исторіею на эти рѣдкія изданія, указаній на которыя нѣтъ ни въ «Опытѣ» Сопикова, ни въ «Хронологическомъ указателѣ» Ундольскаго и которыя такъ недавно стали достояніемъ нашего обще-государственнаго книгохранилища, кіевскимъ-же нашимъ ученымъ, знакомымъ, безъ сомнѣнія, съ этими издкаіями, предоставляемъ сдѣлать относительно ихъ необходимыя разъясненія и вообще ознакомить читающую публику съ содержаніепъ этихъ любопытныхъ книгъ.

Сообщ. **И. Н. Божеряновъ.**

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.